

84(2Рс.Рис)Б
к
3-86

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ЗОРИ выпуск 13 САМОТЛЮРА

НИЖНЕВАРТОВСК

2015

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

2020
05.11 - 74045
2022
14.10 - 4856
9.03 - 22186
2024
13.12 - 63472

84(2)Рос-Рус) 6
к 3-86

ЗОРИ САМОТЛОРА

2015
ВЫПУСК 13

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

12+

ПОБЕДА!
70 ЛЕТ

85 лет

Ханты-Мансийскому
автономному округу –
Югре

BIS NIZHNEVARTOVSK

5026441060

НИЖНЕВАРТОВСКОЕ

МБУ «БИС»

№ 203355/4-4-КО

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ. ЮБИЛЕЙНЫЕ ВЕХИ.

ББК 84 (2 Рос– Рус) 6

3-87

Главный редактор А. С. Кузьмина

Редакционная коллегия:

Акимов В. Ю.

Бутник Т. И.

Зуева Т. Т.

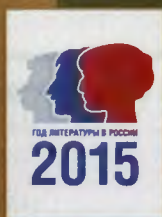
Курач Н. Г.

© Кузьмина А. С., редатура, составление, корректура, 2015

© Курач Н. Г., иллюстрации, 2015

© ОАО «Тюменский издательский дом», 2015

ISBN 978-5-9288-0289-9

ЗОРИ САМОТЛОРА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№13
2015

ГОРОДСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЗАМЫСЕЛ»

СОДЕРЖАНИЕ

Альбина КУЗЬМИНА. Слово главного редактора.....5

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

Яна ГРЕБНЕВА, г. Нижневартовск.....6

Дмитрий МИЗГУЛИН, г. Ханты-Мансийск.....7

Леонид ИВАНОВ, г. Тюмень9

Александр КЕРДАН, г. Екатеринбург11

ПОЭТЫ-ФРОНТОВИКИ РОССИИ

Сергей ОСТРОВОЙ. Сергей ОРЛОВ. Николай СТАРШИНОВ.....15

ПОЭТЫ-ФРОНТОВИКИ ХАНТЫ-МАНСЕЙСКОГО РАЙОНА

Евгений ВДОВЕНКО. Алексей СМОЛЬНИКОВ.18

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Еремей АЙПИН, г. Ханты-Мансийск. *Дона, или последняя ночь в Шато-Лурье*.....20

Мария ВОЛДИНА, г. Ханты-Мансийск. *Сердце матери. Мужчина проехал*30

Сергей КОЗЛОВ, г. Тюмень. *То не вечер*.32

Андрей ТАРХАНОВ, г. Ханты-Мансийск. *Маршал Жуков. Бабушка. Вечный бой*.39

Альбина КУЗЬМИНА, г. Нижневартовск. *Рынья*.42

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ, г. Нижневартовск. *Осень*.45

Игорь СЕВЕРСКИЙ, г. Нефтеюганск. *Плач. К жизни. Босиком*.58

Валентин ОВСЯННИКОВ-ЗАЯРСКИЙ, г. Нижневартовск. *Что значит Родина*.60

Лейла АБАСОВА. *Кунак. Я вновь в его плену... Судьбу благодарю...*61

Валентин АВДЕЕВ. *Война моего брата Петра*.63

Валерий АКИМОВ. *Штурм. Преображение. Самотлорские ночи*.68

Татьяна БУТНИК. *Когда поются песни*.70

Денис БУРДА. *Нелепый дождь... Когда замолкают... Твой полет*.73

Екатерина ВОЛОДИНА. *Не тревожит лунный отблеск*.75

Александра ДАРЬИНА. *Поклонитесь мальчикам*.76

Лидия ЖУРАВЛЁВА. *Улица Дружбы Народов. Что такое Белоночие. Факела на Самотлоре. Полечка*.77

Василий ЗОЗУЛЯ. *Чертополох*.81

Тамара ЗУЕВА. *Слово об отце. Оплот любви Югорской Мыг*.85

Светлана КОТОВИЧ. *Посвящаю*89

Альбина КОШКАРЕВА. *Утреннее. Урманная тайга. Нотр-дам де Пари*.91

Нина ЛЕКСИНА. *Письмо солдату. Дед Иван. Дедушкина культя*.94

Татьяна ЛУКАШЕВА. *Свиристели*.98

Светлана МАЙОРОВА. *Вдохновение. Будем помнить. Военное фото*99

Марьям МАМЕДОВА. *В ритмах времени. Россыпи*101

Светлана РАМАЗАНОВА. *Вспоминая детство. Возвращение в бабушкин дом. Весной*103

Роза САРЬЯНОВА. *Боевая награда*.105

Елена СЛИПЧЕНКО. *Из цикла «Рифмы по поводу»*.109

Надежда ТКАЧУК. *Мелодия сердца – мой Самотлор*.111

Сергей ТРОХИМЕНКО. Тебе, великий Саянск. Осенний лес. Жизненная суть.....	112
Минзифа ШАРИФЬЯНОВА. Откуда берутся стихи.....	114

ГОЛОСА МОЛОДЫХ: ДЕБЮТ

Петр АНТОНОВ. Плыло облако.....	115
Ксения БУЛАТОВА. Мальчик-одуванчик.....	116
Родион ГАРИПОВ. Хвойное. А ты такая. О весне.....	117
Герман ДЕДЮХИН. Судьба поэта.....	118
Денис КАФКИАНСКИЙ. Закройся дома... Гулким маршем... Куда же.....	119
Константин КИКТЕНКО. Через век. Вальгалла — рай для павших воинов.....	120
Александр КОЗЫРИН. Тайны нет... Солнце стекает... Моя молитва.....	122
Наталья КОЛЕСОВА. Свободный полет. О творчестве.....	123
Андрей СЕМЕНОВ. О Дружбе.....	124

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА: НОВЫЕ ИМЕНА

Александр БАСКАКОВ. Здравствуй Крым. Мой дед — победитель.....	126
Александр ГОЛОЗУБОВ. О родном крае. Ах, березки... Бабушкины руки.....	127
Екатерина КАСТРЫГИНА. Бежать по воде.....	128
Юрий КУЗНЕЦОВ. Посвящение Югре. Сибирская тайга.....	129
Михаил КУЛТЫШЕВ. Наказ деда-ветерана.....	130
Виктория ПЛЕТНЕВА. Знать не дозволено.....	130
Нина РУКОВА. «Пася румэ».....	131

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ

Владимир ВОЛКОВЕЦ, г. Советский. Сапер. Война.....	132
Ирина РЯБИЙ, г. Ханты-Мансийск. Еще немного... В Березово. Какая веселая осень.....	133
Валентин КИРЕЕВ, г. Новомосковск. Скажи мне Россия. Запах меда.....	134
Людмила КОШИЛЬ, г. Нижневартовск. Первый день на буровой.....	136
Александра ЛАЗАРЕВА, г. Сургут. Строфы.....	138
Кристина ЛОМОВА, Польша, Словения. Ностальгия: Мегполис, СПб.....	139

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор КОЗЛОВ. Весенняя иордань.....	141
Павел ПЛЮХИН. Семен Ремезов и Андрей Вinius: поиски истины через три столетия.....	143

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Евгений КАРГАПолов, г. Ханты-Мансийск. От сердца, от души, от ума.....	146
Михаил РЯБИЙ, г. Ханты-Мансийск. История о том, как собака сорвалась с поводка и никого не покусала.....	151
Альбина КОШКАРЕВА, г. Нижневартовск. Использование сибирской промысловой лексики в художественной литературе.....	156

ДУХОВНОСТЬ

Илья БАЛАБОНКИН, Вячеслав ПОБЕДИНСКИЙ. Равноапостольный князь Киевский Владимир: от жизни к житию (к 1000-летию преставления святого).....	161
Лариса ТЕЛЕГИНА. Актуальные направления XXIII Международных Рождественских образовательных чтений в Москве и перспективы их реализации на югорской земле.....	167

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Юлия БОЧКОВА. М. К. Анисимкова: о библиотеке и своих учениках.....	174
Тамара ЗУЕВА. Невыдуманная, златом кипящая Мангазья М. Анисимковой.....	177

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕСТИ.....	185
-------------------------	-----

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ

Ирина ПОЛЫНСКАЯ. Живописец Хусаинов. Работы мастера.....	187
--	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

Наша с Вами встреча состоялась в знаменательный Год Литературы, посвященный многим юбилейным датам, значимый по всем основным признакам, делам и заслугам, которые совершают писатели страны. Литературное объединение «Замысел» города Нижневартовска подготовило для наших читателей альманах «Зори Самотлора», помня наказ нашей югорской писательницы Маргариты Кузьминичны Анисимковой, сделать его добротным.

Сегодня мы все осознаем, насколько право, важен Год Литературы, и пусть ПЕРО писателя — всегда будет надёжным ЩИТОМ для свершения благородных дел!

Скажу откровенно моим читателям, которые с нетерпением ожидают прочтения нового альманаха «Зори Самотлора», — нам есть с кого брать пример: это старшие наши братья по писательской организации, литературные альманахи «Наш современник», «Эринтур» — от всей души поздравляем литературную гордость Югорской земли с грядущим 20-летним юбилеем, а также другие близкие по духу литературно-художественные издания регионов страны...

В этой связи особую благодарность передаю тем, кто беззаветно помогал нам в издании журналов, ещё прижизненно дав писательнице СЛОВО и сдержав обещанное. Огромная признательность всем структурам власти за внимание к нам, писателям региона, территорий ХМАО-Югры и всей России...

Предпосылки для развития литературы, патриотического воспитания молодого поколения, у нас есть — это многообразие тех дел, тех мероприятий, которые мы совершаем ежедневно чтобы помочь духовному обогащению нижевартовцев, пробуждая чувства уважения к старожилам города, к ветеранам Великой Отечественной войны, чтобы высокие чувства рождали любовь к Русскому языку, к Слову, к родному Отечеству. Городские литературные конкурсы, в жюри которых участвуют наши поэты и прозаики. Издания авторских и коллективных произведений, и также — выявление талантливой молодёжи, — одни из главных задач «Замысловцев». Кстати, вслушайтесь, — молодые голоса звучат, пусть пока ещё нестройные, но — уже на страницах нашего альманаха!

Встречайте поэтов и писателей, пусть они увлекут вас вдохновенными произведениями, — возможно, когда-то вы увидите их имена в Большой Литературе.

Альб. Кузьмина

Альбина Кузьмина

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

Яна ГРЕБНЕВА

*Начальник Управления культуры
администрации города Нижневартовска*

**Здравствуйте дорогие друзья,
уважаемые читатели!**

2015 год объявлен Годом литературы и отмечен большим количеством значимых литературных событий, в том числе выпуском альманаха «Зори Самотлора».

Идейным вдохновителем которого являлась Маргарита Кузьминична Анисимкова, Почетный гражданин города Нижневартовска, член Союза писателей СССР и Союза журналистов СССР, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Литературно-художественный альманах «Зори Самотлора» знакомит с произведениями писателей и творчеством художников Нижневартовска. Практика последних лет показывает, что продвижение чтения стало «общегородским проектом», объединяющим учреждения культуры, образования, общественные организации, творческую интеллигенцию и жителей нашего города.

Важным фактором является продвижение книги и чтения лучших произведений художественной литературы, в том числе — писателей Югры.

Уверена, что наше сотрудничество позволит сохранить лучшие традиции Югорской земли, свою культуру, свой язык, совершенствовать себя и свою душу.

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

Дмитрий МИЗГУЛИН

*Председатель Правления Ханты-Мансийской
окружной писательской организации Союза писателей России,
г. Ханты-Мансийск*

Дорогие друзья!

«Зори Самотлора» — уникальное издание. Из года в год здесь удаётся собрать самые интересные, захватывающие, исключительные произведения. Замечательно, что у писателей Самотлора есть возможность на этих страницах представить своё творчество широкой аудитории.

Литература Югры давно получила в кругах отечественных литературоведов и критиков самые высокие оценки. «Литературный росток на ханты-мансийской земле», как писали когда-то о сборнике в Союзе писателей России, давно вырос в красивое и могучее дерево, которое оказывает существенное влияние на культурное развитие общества, на духовный рост нового поколения.

2015 год объявлен в России Годом литературы. Принятая в стране комплексная государственная программа направлена на развитие интереса к русской и мировой литературе, пропаганду чтения, и один из эффективных шагов ее реализации — «Зори Самотлора».

В век цифровых технологий и засилия «гаджетов», по-особому ценна становится книга, бумажное издание.

Альманах, который вы держите в руках, настоящий подарок для постоянных читателей литературного объединения «Замысел» и для любителей всей югорской литературы.

* * *

Синица, беспечно порхая,
Присядет на миг у окна, —
Хорошая весть ли, плохая —
А все-таки свыше дана.

Не верю в приметы, но все же,
Несу суеверий печать.
Даруй мне терпение, Боже,
Все с радостью воспринимать.

И чтобы с тобой ни случилось,
Напрасно судьбу не кляни,
Приемли, как высшую милость,
И эти ненастные дни.

* * *

Пиши, пиши писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил.

Всегда и всюду — лишний,
Но не переживай,
Уж раз тебе Всевышний
Открыл грядущий рай.

Вдыхая сумрак скверны,
Беги пустых похвал,
Покуда Милосердный
К ответу не призвал.

В лучах коварной славы,
В круговороте дел,
Молись, чтобы лукавый
Тебя не одолел.

Бесовских игрищ зритель
Не забывай Христа,
Уж раз тебе Спаситель,
Слова вложил в уста.

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

Леонид ИВАНОВ

*Ответственный секретарь Тюменского регионального отделения
Союза писателей России, редактор литературно-художественного
альманаха «Врата Сибири», г. Тюмень*

Дорогие вартовчане!

От имени тюменских писателей сердечно поздравляю вас с юбилейными датами Года Литературы! Выход очередного литературного журнала — это праздник всех: и его авторов, и читателей.

Пятьдесят лет назад весь мир узнал Саяногорск. На освоение уникального месторождения, ставшего легендой века, со всех концов огромной страны ехали десятки и сотни тысяч добровольцев. Они бурили скважины, тянули трубопроводы, строили прекрасный город, и были среди них те, кто в свободное от нелёгкой работы время писал стихи, слагал песни, сочинял романы о тружениках земли сибирской, о любви и трудовых подвигах земляков.

Саяногорск и его люди стали героями многих прозаических и поэтических произведений ведущих писателей Советского Союза, но не менее значим вклад в создание литературного фонда края и местных замечательных авторов. Маргарита Анисимова, Юрий Вэлла (Айваседа), Николай Смирнов, Николай Шамсутдинов, Виктор Козлов, Сергей Луцкий, Валерий Михайловский, Игорь Северский (Кириллов), Владимир Андреев, Владимир Мазин, Альбина Кузьмина во главе литературного объединения «Замысел», произведения которых регулярно публикует альманах «Зори Саяногорска».

От всей души желаю коллективу городского литературного объединения «Замысел» и редакционному составу альманаха процветания, многих лет творческой жизни, талантливых подвижников, новых литературных открытий.

Тесного вам творческого сотрудничества с окружным альманахом «Эринтур» (Поющее озеро), у которого нынче юбилей. Именно страницы ваших журналов стали той благодатной нивой, на которой дали первые свои ростки многие признанные сегодня писатели Югры. Сотрудничества и с аналогичными изданиями России, чтобы вместе быть активными проводниками русского литературного слова, нашей многонациональной культуры.

Читателям же искренне желаю сохранять свою любовь к популярным изданиям, подсказывать новые темы, принимать активное участие в наполнении интересными произведениями.

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

Александр КЕРДАН

Координатор Ассоциации писателей Урала, Сопредседатель Союза писателей России, г. Екатеринбург

Году Литературы — наши реальные дела и свершения

На первом Всероссийском литературном собрании, где мне посчастливилось быть вместе с моими коллегами А. Титовым, Е. Касимовым, В. Блиновым и другими писателями Президент России В. В. Путин провозгласил 2015 Годом Литературы. Это, на мой взгляд, несомненно, добрый знак возвращения отечественной литературы в сферу интересов государства и сигнал востребованности в современных условиях идеи государственного служения отечественной словесности. Оба эти символических сигнала направленные, как структурам государственной власти в центре и на местах, так и литературному сообществу, получили дальнейшее развитие в выступлениях Главы государства на собрании ректоров ВУЗов России, на съезде НКО и, наконец, на церемонии открытия Года Литературы в МХТ им. Чехова.

Слушая слова Президента России, ловил себя на мысли: многое из того, что было определено, как задачи, ждущие своего воплощения, у нас на Урале, уже решается, и довольно успешно. Наш регион выступает своеобразной Всероссийской опытной площадкой, где прежде всего, проделана большая работа по сшиванию разорванного в годы реформ единого литературного пространства. В рамках Ассоциации писателей Урала (АсПур) уникального, единственного в России объединения писателей из разных писательских союзов, действующих не только на территории УрФО, но и в Сибирском и Поволжском ФО, стало традицией ежегодное проведение конференций и других значимых дел в регионах. Тесно взаимодействуем с администрациями всех субъектов РФ, это Ханты-Мансийский автономный округ, Ямал, Свердловская область. В прошлом году литературной

столицей Большого Урала стал Сургут, в этом форум пройдёт в Шадринске, что не только позволяет восстанавливать межрегиональные связи, но и знакомит жителей всех регионов с лучшими писателями России, служит повышению престижа и узнаваемости самих территорий.

За пятнадцать лет на Урале создана и действует система обучения и воспитания литературной молодежи: литобъединения при вузах, в литжурналах, в городах, это региональные семинары, Всеуральские и Всероссийские совещания молодых. В плане Года Литературы, ТВ «Культура» и «Россия-24» среди особо значимых мероприятий назвали III Международное совещание молодых, которое прошло в Каменске-Уральском в мае с. г. Функционирует система повышения престижа писательской профессии, сохранения литературных традиций, увековечивания имён ушедших писателей и стимулирования творчества ныне живущих. Система литературных премий, от именных: Бажова, Мамина-Сибиряка, поэта-фронтовика Станцева до Южно-Уральской Литературной премии и Литературной премии УрФО (4-й год вручаемой под патронажем Полномочного представителя Президента РФ в УрФО, при поддержке Ханты-Мансийского банка, Уралвагонзавода и др. меценатов). О литературной премии Уральского федерального округа хочется сказать ещё несколько слов. Она стала по-настоящему авторитетной в писательской среде, заявиться на неё стремятся не только писатели, живущие на территории УрФО, но и наши коллеги из Москвы, других регионов России. Так, в этом году на суд жюри были представлены стихи и проза из 16 субъектов Российской Федерации, в том числе из нового субъекта — Республики Крым. Среди номинантов много известных имён: Виктор Потанин, Майя Никулина, Сергей Луцкий, Анна Неркаги. Но есть и молодые авторы, чьи произведения вполне достойно конкурируют с работами опытных мастеров.

Продолжая разговор о литературном процессе Урала, нельзя не отметить ряд заметных издательских программ: «Библиотека семейного чтения», «На разных языках». Немало делается для увековечения памяти ушедших писателей. В Сургуте, например, появился городской праздник — День Поэта. Он посвящен памяти поэта Петра Суханова, памятная доска которому была открыта в дни проведения в городе нефтяников XV конференции АСПур. Имена писателей-фронтовиков в этом году будут присвоены новым улицам Екатеринбурга, Тюмени и других городов региона...

Однако, скажем несколько слов и о проблемах, которые желательно решить, пользуясь возможностями Года Литературы. Прежде всего, о самом литературном процессе. Это вовсе не белый лист бумаги и авторучка или клавиатура ноутбука, а сложный феномен, субъектами и объектами которого выступают и государственные учреждения, и институты образования, и общественные структуры — от семьи до НКО, и РПЦ, и книгоиздатели, и толстые литературные журналы... Возвращаясь к посылу о вовлечении литературной общественности в дело государственного служения, решения задач по патриотическому воспитанию, воспитанию доброты и милосердия у граждан России и в первую очередь молодежи (цитирую Президента РФ), отмечу, что это возможно только при координирующей роли государства. Понятно, что времена

Идеологического отдела ЦК КПСС канули в лету, но без выработки единой государственной стратегии, скоординированного плана действий в области литературного процесса, ничего не сделать.

По итогам Года культуры Президент поручил разработать такую стратегию по развитию культуры РФ. Но разработка такой комплексной стратегии в области Литературы, на наш взгляд, это — не финал, а начало деятельности. По крайней мере, на уровне Федерального округа и субъектов РФ это необходимо сделать уже сейчас, не дожидаясь подведения итогов Года Литературы. Думаю, что немало выработке подобной стратегии должен способствовать и Совет по культуре, начавший свою работу при Полномочном представителе Президента в УрФО.

Второе, хотелось бы, чтобы в Год Литературы обрели законные черты взаимоотношения власти и творческих союзов. В Государственной Думе Закон о творческих союзах рассматривается уже много лет и никак не может сдвинуться с места. Это не только усложняет взаимодействие писательских организаций и федеральных, региональных властей и муниципалитетов но, по сути, лишает писателей профессии (в перечне профессий — таковой даже нет), следовательно, невозможно писателю, если он не выслужил какую-то государственную пенсию, получать пенсию даже по достижению пенсионного возраста.

Третье, о взаимодействии со СМИ. Высказывание Евтушенко: «Поэт в России больше, чем поэт», звучит сегодня иначе: «Шоумен в России больше, чем поэт». Хотелось бы, чтобы на экраны вернулись добрые, мудрые лица писателей. Примеры положительного решения этой проблемы есть — это передача ТВ «Регион-Тюмень» «Персона», которую ведет Анатолий Омельчук. Такие передачи нужны не только для популярности самих авторов и их книг, но и для повышения престижа регионов. В этой связи не могу не сказать, еще вот о чём: почему-то региональные власти недостаточно используют тот писательский авторитет, каким регионы обладают. Практически никогда писатели не включаются в состав правительственных организаций, а на международных книжных выставках, Россию представляют только писатели либерального крыла и никогда писатели-патриоты.

Поскольку, Год Литературы счастливо совпал с 70-летием Великой Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, представляется верным выпустить Антологию произведений писателей-фронтовиков Уральского федерального округа с тем, чтобы она поступила во все библиотеки Большого Урала.

Урал славится своими выставками инноваций, почему бы не провести в Екатеринбурге или Челябинске Международную книжную выставку-ярмарку, которая способствовала бы популяризации Урала и уральской литературы.

И наконец, пора возродить добрую традицию экранизации книг уральских писателей. У нас в округе всё для этого есть: и достойные кинематографисты, и замечательная литература. Считаю, что реализация всех этих программ позволит нам с успехом провести Год Литературы и реализовать на практике все задачи, которые ставит перед нами и руководство страны, и — само Время.

Коромысло

Светлые приходят мысли,
Мрачные приходят тоже...
Два ведра на коромысле
Мы несём по воле Божьей.

Тяжестью — сродни с судьбою
Под упругою дугой,
Но одно с живой водою,
А другое — с неживой.

И, порою сам не знаю,
Как две крайности принять,
Как суметь пройти по краю,
Чтоб воды не расплескать.

Чтоб полны ведёрки были,
Всем, чем жизнь полна сама,
Чтобы в каждом отразились
Солнца свет и ночи тьма.

У Дома Писателей в Екатеринбурге

На улице Пушкинской липы в цвету...

В. Т. Станцев

Учитель написал про улицу и липы,
А там тогда росли сплошные тополя...
Но он-то был — поэт, по-своему — великий,
И вещие слова услышала земля.

Поэта мы навек однажды проводили,
И сразу опустел писательский причал...
А после тополя на Пушкинской срубили,
Здесь липы зацвели, как Станцев обещал...

Так пусть живёт в веках пророческое слово,
Таится в немоте и расцветает вновь,
Как верный знак, что жизнь светла в своей основе
И нежности полна, как поздняя любовь,

Которая глядит на мир смиренно, мудро
И не винит судьбу, что дней в запасе нет...
По улице спешит доверчивое утро,
Как будто в первый раз, вдыхая липы цвет...

ПОЭТЫ-ФРОНТОВИКИ РОССИИ

Сергей ОСТРОВОЙ

Война

Пять лет
война меня
ломала.
А это много или мало?
Пять лет
ходил я
по войне.
В её воде. В её огне.
В её свинце. В её разгуле.
Снаряд к снаряду. Пуля к пуле.
Беда к беде. И к смерти смерть.
Но смерти я сказал:
— Не смей!
И смерть
не тронула меня.
Так, значит, я сильнее огня?
Сильнее судьбы? Сильнее напасти?
Свинца,
который рвёт на части?
Камней, которые кричали?
Земли,
седевшей от печали?
Нет, чтоб там ни было на ней —
А я сильнее.
Сильней.
Сильней.
Я обращаюсь к Вам, живые.
К вам,
обелиски
полевые.
Ко всем, кто был. Кто есть сейчас.
Ко всем, кто будет после нас:
Ещё
не выдумана сила,
Которая б меня скосила.
Война в меня металл метала —
Я сделался
прочней металла.

В Освенциме гудели печи —
Я шар земной
взвалил

на плечи,
Чтоб погасить огонь огнём
И чтобы зло сгорело в нём.

О, я прошёл такие дали,
Что вслед мне ангелы рыдали.
Я всех вас светом обниму.
Доверьтесь
сердцу моему.

Сергей ОРЛОВ

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Ему со всех боков.

На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжёлые гремят,
Ветра разбег берут.

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей.

Николай СТАРШИНОВ

Сушь

Марля с ватой к ноге прилипла,
Кровь на ней проступает ржой,
— Помогите! — зову я хрипло.
Голос мой звучит как чужой.

Сушь — в залитом солнцем овраге.
Сухота в раскалённом рту.
Пить хочу! И ни капли во фляге.
Жить хочу! И неумогу.

Ни ребят и ни санитаря.
Но ползу я, пока живу...
Вот добрался до краснотала
И уткнулся лицом в траву.

Всё забыто — боль и забота,
Злая жажда и чёртов зной...
Но уже неизвестный кто-то
Наклоняется надо мной.

Чем-то режет мои обмотки
И присохшую марлю рвёт.
Флягу — в губы:
— Глотни, брат, водки,
И до свадьбы всё заживёт!

ПОЭТЫ-ФРОНТОВИКИ ХАНТЫ-МАНСИЙЦЫ

Евгений ВДОВЕНКО

Весы войны

Дорога отступления...
Дорога наступления...
Дорога искупления
Просчётов и вины...
Живой — судьба солдатская,
Погиб — могила братская:
 таков закон войны.

Легко ли не отчаяться?
Весы войны качаются,
Покуда не кончается
Набор особых гирь...
Не дед Мороз морозами
Начал клонить их доземи,
 и не одна Сибирь.

От рядовых до маршалов
Мы в батальонах маршевых.
От мирного, вчерашнего —
Мы все отрешены.
Хоть доля и не ровная,
Но связь меж нами кровная,
И жертвенного нашего —
 не счесть в судьбе войны.

Да ты ль, железнокаменный,
Народ мой помыкаемый?!
В каких мошнях веками мы
Копили свой размах?...
Какую кровь не бедную
Смешали мы с Победою,
 чтоб ворог в ней размяк?

Дадим наняться нытику,
Нахвастаться политику
И примем самокритику
С начальной стороны —

С Дороги отступления,
С Дороги наступления,
С Дороги искупления
 просчётов и вины!

Алексей СМОЛЬНИКОВ

* * *

С войны не возвращаются. Не лги,
Что будто бы с неё вернуться можно.
Она лишь затаилась осторожно.

Когда, вернувшись, скинешь сапоги,
Она — как в рукаве пустом рука:
Её уж нет, а всё болит к ненастью.

Она — слепой осколок твой, что к счастью,
До сердца путь не отыскал пока.
Подписывают мир не для солдат.

Одним лишь павшим он сигнал отбоя.
А тот трубач, что в бой нас вёл с тобою,
Он всё трубит — и нет пути назад.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Еремей АЙПИН

Дона, или последняя ночь в Шато Лурье

Самой эффектной за столом в ресторане была Дона. Удивительно яркая блондинка. Казалось, она состояла из двух цветов — белого и оранжево-красного. Снежно-белые волосы, снежно-белая кофточка и снежно-белая-белая кожа лица и рук. И оранжево-красный костюм — пиджачок и юбка. И эти два цвета — белый и оранжево-красный — доминировали в ней и удивительно гармонично сочетались между собой и всему её облику придавали таинственную и загадочную непостижимость. Она сидела за столом напротив Джереми. И когда он поднял на неё глаза, она застенчиво улыбнулась. И эта застенчивая улыбка делала её еще более таинственной и привлекательной. Она улыбнулась ему, и тотчас опустила глаза.

Он невольно перевел глаза на её мужа, капитана траулера Джека. Капитан напоминал настоящего морского волка. Могучего испанского телосложения. Грубое красное обветренное лицо. Седые короткие волосы под бобрик. Его жесткие и суровые черты указывали по возрасту на все пять или шесть десятков лет от роду. Он сидел по её правую руку, в торце стола. Однако, сейчас, увлечённый едой и питием,

АЙПИН Еремей Данилович родился в 1948 году в с. Варьёган Сургутского (ныне Нижневартовского) района. Автор многих книг прозы, в их числе «В ожидании первого снега», «У гаснувшего очага», «Божья мать в кровавых снегах» и др. Переведены на языки народов мира. Лауреат премии Депутатской Ассамблеи малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в области литературы. Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа. Член Общественного совета при Департаменте культуры АО-Югры. Заместитель Председателя Думы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, председатель Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера. Кандидат политических наук. Член Союза писателей СССР. Живет в Ханты-Мансийске.

не обращал никакого внимания на Дону. В холле ресторана, час назад, когда, ожидая участников ужина, Джозеф Куптана, президент Корпорации «Китавик», представил своего коллегу-моряка:

— Капитан нашего лучшего траулера Джек!

Джек в свою очередь, кивнув на свою спутницу: — Моя жена Дона.

Компания сидела в банкетном зале небольшого уютного ресторана в центре Оттавы, в старой части города. Собрались по поводу того, что завтра он, Джереми, как они называли его на английский манер, улетал в Москву. И это был прощальный ужин. На другом конце стола, в торце сидели президент Корпорации с супругой. Слева от него вице-президент с женой. Наискосок от Джереми, слева от Доны занимал место менеджер, смуглый и быстрый в движениях и в говоре португалец Мануэль. Разговор за столом шел о вопросах сотрудничества между странами и коренными народами Севера.

Вдоль всего канадского побережья Ледовитого океана живут инуиты, арктический коренной народ. В России их называют эскимосами. Для Канады это название считается некорректным: переводится как что-то типа «замороженные». Есть общеизвестное мороженое эскимо. По всему огромному пространству побережья, от Баффиновой земли на Атлантике до Аляски в США, расположены десятков-полтора поселков-городков с благоустроенными коттеджами для коренных жителей. Городки напоминают наши районные центры с различными административными учреждениями. У инуитов две свои авиакомпании — «Фест эйр» и «Инуит эйр». Они обеспечивают связь между городками по всему побережью. На дальние расстояния, кроме авиации, других видов транспорта нет. Экономикой инуитов занимаются корпорации экономического развития, принадлежащие самому арктическому народу. Как и везде у коренных народов на американском континенте, в правлении Корпорации, в Совете, только представители самого народа, а в исполнительной дирекции работают представители других национальностей, принятые по контракту по профессиональным качествам по вопросам, за которые отвечают.

Эта Корпорация специализировалась на ловле креветок. Их запасы в прибрежных канадских водах были не бесконечны. А в России эти ресурсы никак не использовались. На побережье Камчатки, до самой Чукотки, в холодных водах водились креветки, которые никем не вылавливались. А организовать там промысел креветки представлялось весьма выгодным. Рядом находится Япония, где эта деликатесная продукция пользуется особым спросом. Выловил креветку и в охлажденном виде сразу доставляешь на рынок сбыта, до которого не далеко и, значит, транспортные расходы минимальные. И выгода обоюдная для двух сторон. У Корпорации флот, специалисты, технологии. Она вылавливает, транспортирует, сбывает продукцию. И платит налоги России, и по соглашению процент от прибыли отчисляет непосредственно коренным народам Севера в Российской Федерации за пользование природными ресурсами. Выгода была очевидной. Для реализации проекта только нужно получить согласие правительства России и подписать двухстороннее соглашение.

Казалось, что против взаимовыгодного сотрудничества никаких аргументов нет. Тем более, что после развала Советского Союза рухнула экономика и порвались все экономические и культурные связи России, и страна по наклонной катилась вниз, в пропасть. И народ был обречен на самовыживание. Каждый самостоятельно искал способ, как выжить. И в этой ситуации каждая соломинка — это спасение для людей, особенно живущих на окраинных землях бывшей великой державы. Каждая копейка в казну — это шанс для выживания многих людей.

— Как быстро можем запустить проект, Джереми? — спросил президент Корпорации.

— Для ускорения нужен Указ президента, — ответил он.

— Сложно ли получить такой Указ?

— И да, и нет.

— Все зависит от настроения одного человека.

— Президента?

— Нет, от Коржикова.

— Экономист?

— Нет, но самый влиятельный человек в стране.

Этот человек не имел никакого отношения к экономике, а был просто старшим охранником. Но все хорошо знали: если хочешь быстро получить подпись Самого, иди и договаривайся с охранником, с генералом К. Тот мог получить подпись на любой документ, принятие которого он считал необходимым. Но, получив такое доверие президента, он стал заносчивым и высокомерным. Легче и проще было с самим президентом договориться на каком-нибудь совещании, чем с его охранником. Он этим еще раз подтвердил общеизвестное правило: власть портит чиновника. Абсолютная власть — портит абсолютно. Чем дальше, — тем труднее становился доступ к генералу К. После, несколько лет спустя, в Венеции известный итальянский журналист Джульетто К., с которым он был знаком еще по Верховному Совету СССР, расскажет о своей единственной встрече с генералом К.

Это произошло на самом верхнем этаже Кремлевского Дворца съездов, где в перерыве между утренним и вечерним заседаниями обедали депутаты во время Съезда народных депутатов, вспомнит журналист. Получилось так, что избранный президентом России Ельцин, депутат СССР, задержался и совсем один обедал за соседним столом. Джульетто понимал, что не тактично, не этично задавать вопросы человеку за обедом. Но когда еще представится такая возможность задать вопрос новоиспеченному и опальному главе России? Но профессиональное любопытство взяло верх. И он подошел к столу главы республики. Но не успел открыть рот — получил мощный удар под дых от телохранителя генерала К. И откуда он появился — не могу понять, после, спустя много времени, удивлялся итальянец. Его же не было видно поблизости. Под столом что ли, сидел? От удара у меня перехватило дыхание, вспоминал журналист. Ноги обмягли, в глазах потемнело, и я шмякнулся на пол мягким местом. И мне захотелось заплакать. Не от боли, а от обиды. Я понял, что страной, которую я любил, теперь правит барахло. Пришло и зацепилось определение барахло. Именно,

барахло. Я знаю, что так о людях не говорят. Но это слово застряло в моей голове. Тогда мне хотелось заплакать. Но потом, спустя время, я даже вроде бы почувствовал некоторую приязнь к генералу К. за то, что он открыл мне глаза на всю эту новую эпоху, которая наступила после распада Советского Союза. Сейчас же Джереми думал о том, что если будет Указ президента, то легче преодолеть и повернуть в сторону проекта неуклюжую бюрократическую машину исполнительной власти.

— Вернусь домой и проработаю все варианты ускорения реализации проекта, — сказал Джереми.

— Будем ждать ответа, — сказал президент Корпорации.

— Я сразу же позвоню или напишу, — уверил Джереми.

Тогда он еще не знал, как тяжело вести справедливый и социально ориентированный бизнес. Особенно в России, где все ждут своей доли: чиновники от власти, представители правоохранительных органов, сборщики мзды от организованных преступных группировок. К этому еще нужно прибавить далеко не джентльменские способы борьбы конкурентов и зависть соседей, знакомых, приятелей и родственников.

— Мы всегда строго и в установленные сроки выполняем все свои обязательства, — сказал президент Корпорации.

— Это я знаю, — кивнул Джереми.

— Деловая репутация для нас важнее, чем прибыль.

— И это тоже знаю.

Он уже много раз убеждался в том, что обязательность в любом деле, будь то бизнес, бытовые вопросы, любовь, здесь высоко ценится. Имеет определяющее значение. Человек обязательный или необязательный. И этим можно сказать все. Надо с человеком иметь дело или не стоит с ним связываться. Он пригубил вино, затем взглянул на Дону. Она тоже посмотрела на него. Их глаза встретились, и какое-то мгновение они смотрели друг на друга не отрываясь. Потом она опять застенчиво улыбнулась, потупила взор и опустила глаза. Сейчас ее застенчивая улыбка, точнее, даже полуулыбка, делала ее особенно домашней, какой-то необъяснимо уютной. Как будто какая-то искорка, словно еле ощутимый электрический заряд, проскочила между ними. То ли от него к ней, то ли от нее к нему.

Между тем, как бы размышляя вслух, президент Корпорации говорил:

— Наши не любят янки, бизнесменов из Штатов.

— Почему? — спросил Джереми. — Странно, они же ваши соседи.

— В бизнесе они, мягко говоря, безжалостные, — вздохнул президент. — Если речь идет о прибыли, они напрочь забывают про мораль, честь, совесть...

— Странно, — повторил Джереми. — Живете на одном континенте. Казалось бы, одни условия для развития бизнеса и культуры...

— В Канаде все-таки мы больше думаем о чести и достоинстве, чем наши южные соседи.

— Что ж, это приятно слышать.

Общих тостов за столом не было. Каждый прикладывался к своему бокалу и отпивал столько, сколько хотел, сколько ему было нужно.

Португалец Мануэль, кажется, всё успевал делать одновременно: и ел, и пил, и поддерживал общую беседу. Но говорил он очень экспрессивно, жестикулируя руками. И чем больше прикладывался к бокалу, тем больше оживлялся. И когда разговор об американцах-янки прервался, он взял в правую руку бокал, и слегка пружинно подскакивая на кресле, громко стал выкрикивать одно слово:

— Португалю-Португалю!..

Через паузу снова начал вскрикивать: — Португалю-Португалю!..

Все за столом притихли. Ожидая, что же он скажет. Но, кроме одного слова «Португалю», он ничего не говорил. Наверное, хочет сказать, что португальцы лучше американцев и совсем не хуже канадцев, подумал Джереми. И он стал припоминать, кого из великих португальцев знает. И, чтобы умерить патриотический пыл Мануэля, он встал и предложил тост:

— Давайте выпьем за Португалию и замечательный португальский народ, который помогает развивать экономику коренных северян! Выпьем за нашего друга Мануэля!

Он чокнулся с Мануэлем и пригубил вина из своего бокала. Мануэль выпил и притих в своем кресле. А капитан Джек, сидевший по левую руку от Джереми, ел и пил молча. Казалось, ни на кого он не обращал никакого внимания, включая и Дону. Пил он не вино, а виски. И официант, кажется, зорко следил, чтобы его бокал не осушался до дна.

Президент Корпорации, отставив бокал, сказал:

— Если проект наш осуществится, капитан Джек первым пойдет на Камчатку, к берегам России.

— Я всегда готов, — откликнулся капитан. — С удовольствием пойду на Камчатку и Чукотку!

— Вот и славно, — сказал президент. — Джереми тебя там встретит. Может, и с тобой походит по тамошним морям и океанам.

— Никогда не был у российских берегов, — сказал капитан. — Знающий проводник мне будет нужен!

— Возможно, ты, капитан Джек, станешь героем нового романа Джереми, — сказал президент. Капитан повернулся к Джереми:

— Так ты еще и писатель?

— Да, — подтвердил Джереми. — Немного пишу.

— О-о, тогда мы славно побродим по Тихому океану! — оживился капитан. — Я тебе всяких историй на сто романов расскажу.

— Спасибо, капитан! Это такая честь. Непременно постараюсь попасть на ваш корабль!

— Люблю читать хорошие книги, — добавил капитан.

И они, благо, сидели рядом, заговорили между собой. Оказалось, что они оба почитают романы и рассказы Джека Лондона. Капитан Джек с детства увлекся его книгами и поэтому стал моряком. Родители его были учителями, также увлеченными романтикой Севера и Джеком Лондоном. И сын их получил имя писателя, произведения которого читали в семье.

Разговаривая с капитаном, он, не поднимая головы, краем глаза взглянул на Дону. Она внимательно прислушивалась к их беседе. Поймав на себя его взгляд, она снова улыбнулась своей застенчивой и загадочной улыбкой.

Между тем все снова вернулись к общей беседе за столом. Президент сказал:

— К началу запуска проекта Мануэль изучит рынки сбыта на Дальнем Востоке и в Японии.

Мануэль, услышав слова президента в свой адрес, встрепенулся весь, чуть не вскочил на ноги, скороговоркой, проглатывая слова, выстрелил как из пулемета: — Я это мигом сделаю, господин президент.

— В сию минуту не надо, — остановил его президент. — А к началу дела имей в виду. Для этого мы тебя и пригласили сегодня на ужин к отъезду Джереми.

— Я все сделаю быстро, — уверил Мануэль. — Если будет нужно, найду рынки сбыта где угодно. Везде у меня есть люди.

— Хорошо, Мануэль.

Президент помолчал немного. Потом что-то тихо сказал супруге. Она кивнула официанту, тот быстро подошел к ней, и она тихо дала ему какое-то указание. Наверное, относительно горячего блюда. А президент взглянул на своего соседа и сказал: — Проект с нашей стороны будет курировать вице-президент Корпорации.

Тот согласно кивнул и коротко сказал: — Мне все понятно.

— Вопросы есть к Джереми?

— Нет, если будут, напишу ему.

Проект, если осуществится, будет весьма полезным и интересным, подумал Джереми.

Принесли горячее блюдо. За столом шел общий разговор. О поездке на Северо-Западную территорию, о севере России, о севере Канады. О том, как на экономику и культуру повлияет создание новой административной территории для инуитов побережья Нунавут. Коренные жители инуиты возлагали на эту реформу большие надежды. Будет своё правительство, свой парламент, самостоятельный бюджет. Правда, всё это под патронажем федерального правительства. Но это уже реальная широкая автономия, когда все вопросы можно будет решать самим представителям инуитского народа. Сейчас пока управляет делами инуитов Еллонайф, столица Северо-Западной территории.

Потом подали десерт.

К концу вечера больше всех набрались Мануэль и Джек. Джек чем больше пил, тем более становился сдержаннее и молчаливее. А Мануэль наоборот стал оживленнее, темпераментнее, живее. Время от времени он подскакивал, словно на иголках сидел, и пытался привлечь всеобщее внимание своим неизменным призывом «Португало-Португало!» Остальные, казалось, все были трезвы. Джек тоже казался почти трезвым. Но, однако, он заметно отяжелел. Между тем он поинтересовался у Джереми, где тот остановился.

— В отеле Шато Лурье, — сказал Джереми.

— А, знаю, — сказал Джек. — Нам это по пути.

Когда ужин закончился и все собрались разъезжаться, Джек в холле, обведя всех взглядом, сказал: — Мы с Доной проводим Джереми.

— Хорошо, тогда мы все свободны, — сказал президент Куптана.

И они все трое попрощались со всеми и на такси поехали к отелю Шато Лурье. Можно было идти пешком, отель был не далеко от центра, тоже в старой, исторической части Оттавы. Но Джек настоял на такси.

Отель Шато Лурье смахивал и на дворец, и на средневековый замок одновременно. Прошлые века присутствовали здесь массивными стенами, колоннами у входа и башенками с острыми, напоминающими средневековую готику, медными вензелями и пиками. Медные украшения на крыше и башенках окислились и обрели светло-зеленый цвет, который придавал зданию особую нарядность, торжественность, незыблемость и древнюю медлительность бытия. Рядом, на взгорье, чуть повыше отеля стояло здание парламента Канады. Оба здания были построены в одном стиле. Наверное, одним архитектором и в одно и в тоже время. Только здание парламента отличалось тем, что оно имело высокую башню со светло-зеленой, тоже из окислившей меди, маковкой на вершине.

Машина остановилась у отеля Шато Лурье. Джереми хотел попрощаться с гостеприимными хозяевами, но Джек сказал, что они проведут его в отель. И все втроем вышли из машины. Поднялись на лифте на этаж, где находился номер Джереми. Джек предложил выпить еще рюмку на прощание, на посошок. И Джереми пригласил гостей в номер. Расположились за низеньким газетным столиком. И Джереми вытащил из бара-холодильника коньяк и виски для Джека, поставил на стол бокалы. Чокнулись на посошок. Джереми выпил свой коньяк. Дона только пригубила. А Джек опрокинул свой бокал, довольно побряхтел и низким голосом выдохнул:

— Хорошо... Идем на Камчатку...

Сладко зевнул и после паузы добавил: — На Тихий океан...

Похоже, этот бокал виски оказался последней дробинкой, которая добила слона. Потому, что после этого Джек широко расставил ноги, немного сполз с кресла, положил голову на высокую мягкую спинку и, шумно выдохнув воздух с присвистом, уснул безмятежным сном новорожденного младенца. Присвистывал, посапывал. Слава богу, хоть не храпел. Напрочь отключился.

Дона ровным спокойным голосом сказала:

— Теперь он не проснется до утра.

Джереми невольно почесал затылок. Что делать? Он понимал, что огромного капитана Джека с помощью Доны он может поставить на ноги, вывести в коридор, на лифте спустить на первый этаж, вывести из отеля, но как втиснуть его в такси? И как потом вытащить из такси? Как довести его до дома?.. До дома?.. А где его дом? Или квартира? Где он живет?.. Он не знал, где он живет. Не успел спросить. Наверняка, раз капитан, живет где-нибудь на побережье, в портовых городах. Может быть, в Галифаксе. А, может, еще в каком-нибудь другом порту. А здесь, наверное, остановился в отеле. Ладно, Дона знает, куда его везти. Главное, как его транспортировать: большой вопрос?

Он взглянул на Дону. Она была совершенно невозмутима, спокойна. Будто ничего не произошло из ряда выходящего. Наверное, такое

с бывалым капитаном случается не впервые. И её спокойствие переда-лось ему. Подумал, как-нибудь переживем ночь, пусть хоть на креслах.

Капитан спал. Джереми с Доной сидели и молчали. Было тихо.

Когда пауза затянулась и стала тягостной, Джереми, чтобы прервать тишину, кивнув на Джека, спросил у Доны:

— А откуда он родом?.. Ну, где родился, вырос...

— На Севере, в Инувике, — живо откликнулась Дона.

Молчание, видимо, ее тоже тяготило.

— В Инувике? — удивился Джереми.

— Вы знаете Инувик? — в свою очередь с удивилась Дона. — Вы быва-ли там?

Он хотел сказать банальную фразу «как тесен мир», но вместе этого кивнул:

— Был там. Зимой.

— Понравился Инувик?

— Да, земля там необыкновенная, суровая, белая. На скиду ездил по Маккензи...

Он вспомнил ту свою поездку на север Канады, на великую индей-скую реку Маккензи. Какая-то совершенно необъяснимая приворажи-вающая магия была в самом индейском названии реки — Мак-кен-зи. Если бы был поэтом, думал он, мог бы всю жизнь воспевать только одну реку Мак-кен-зи-и!..

— Да, Маккензи такая же белая и чистая, как и...

Он не закончил фразу, опомнился. А ведь непроизвольно хотел ска-зать, белая и чистая, как и вы, Дона... Он помолчал, потом спросил:

— А вы, Дона, наверное, из Швеции?

— Откуда вы узнали? — изумилась она.

— Не могу объяснить, — признался он. — Просто, когда увидел вас, первая страна, которая пришла на ум — это Швеция. Вот я и подумал: наверное, шведка.

— Да, я из Швеции. Мама финка, папа — швед. Я там родилась.

— В Стокгольме?

— Да. Вы знаете Стокгольм?

— Знаю, но совсем немного.

— Что вы там видели?

— Повстречался с королевской...

— С королевской четой?.. — с легкой полуулыбкой спросила Дона.

— Нет, с королевской каретой...

— Да, наш король иногда ездит в карете.

И Джереми вспомнил первое утро в Стокгольме. Была поздняя осень. Снег выпадал и таял. Над островами столицы прозрачными клочья-ми висел серебристый туман. Отель, где они жил, находился недалеко от Королевского дворца, через неширокий пролив, разделявший острова.

— Утром я проснулся очень рано, — стал вспоминать Джереми. — И вышел из отеля взглянуть на утренний город. Смотрю, на другой сто-роне пролива, по набережной медленно движется, будто плывет в беле-сой дымке тумана, таинственная черная карета. С двумя черными

мистическими конями. Было тихо-тихо. Так тихо, что было только слышно, как стучат копыта о мостовую набережной. Я знал, что в этом городе выезды в карете делает только король Карл. Такова традиция. Было такое ощущение, что карета выплыла из глубины веков. Может быть, из династии... А, возможно, из времен легендарного Карла XII, короля-полководца, последнего короля Великой Шведской империи. Смотрел и слушал стук копыт. А потом привязалась глупая мысль: интересно, король так рано выезжает из дворца или так поздно возвращается домой?! Хотя, какое мое дело до короля...

Припомнилась ему еще одна быль или небыль про короля Карла XII, которую то ли прочитал где-то, то ли рассказал какой-то историк. Будто бы в период Северной войны, когда Швеция стала проигрывать в сражениях русской армии, один из приближенных предложил Карлу убить русского царя Петра. План шведского царедворца был прост: царь Петр часто поздними вечерами прогуливается по окраинам строящегося Петербурга один, без охраны. Ничего не стоит нанять убийцу и уничтожить царя противоборствующей стороны. На что Карл гневно ответил: я не уголовник, чтобы убивать из-за угла...

Джереми замолчал. Сейчас ему припомнились байки про шведскую семью, которые рассказывают обычно все туристы. Будто про эту замечательную северную страну, кроме шведского стола и шведской семьи, больше и сказать нечего...

Молчала и Дона. Наконец паузу прервала Дона. Она с обыкновенной своей застенчивой полуулыбкой спросила: — Я могу взять ванную комнату?

— Конечно, возьмите... — откликнулся Джереми. — Какой может быть вопрос.

После паузы добавил:

— Дона, здесь вы можете взять все, что вам нужно...

— Спасибо, — сказал она.

Она грациозно поднялась со своего кресла, изящными мягкими движениями обеих рук поправила свои белые локоны и, мягко ступая, почти по-кошачьи неслышно, ушла в ванную.

Отель был шикарным, высококлассным. И номер тоже был шикарным. В огромной спальне стояла огромная кровать с белоснежными простынями, белоснежными подушками и белоснежными одеялами и покрывалами. В ванне висели два белоснежных халата и дюжина белоснежных полотенец. И в этом белоснежном мире услужливые горничные каждый день меняли всё, к чему гость в номере прикоснулся.

Когда Дона ушла в ванную комнату, и он остался один в обществе сладко посапывающего Джека, на него стала наваливаться дрема. Это был еще не сон, он осознавал, что ещё не спит, но в каждое мгновение все больше и больше сонливых флюидов наваливалось на него. Всё стало беспорядочно плавать и передвигаться, как в волшебной сказке. Белые потолки и простенки между окнами начали двигаться и меняться местами. Двери стали искать себе простенки и ниши поскромнее, поуютнее. А окна и вовсе начали почти незаметное глазу движение по стенам, как будто выискивая лучшие для себя места, откуда можно

охватить взором всю округу старинного замка-отеля. Только веерообразный желто-золотистый строгий и в то же время таинственно-рассеянный сноп света медных канделябров уличного фонаря на подъеме к дворцу-парламенту Канады беспрепятственно проникал в номер отеля. И когда Дона, вся в белоснежном, в белоснежном халате, с распущенными белоснежными волосами, с открытыми до запястья белоснежными руками, с открытой белоснежной шеей вышла из ванны, как царевна, она сразу попала в этот неожиданно стеснительно вспыхнувший поток полуночного света. На мгновение Дона застыла в потоке этого зыбкого и бледно-стеснительного света. Будто растерялась и не знала, как быть. То ли сесть в свое кресло и подремать, то ли стоять так до бесконечности в ожидании утра. Пауза затянулась.

И тут Джереми совершенно произвольно, помимо своей воли, будто это сказал другой человек, а произнес не он: — Дона, вы возьмите кровать...

И тут же, после короткой паузы, добавил о себе:

— Я себе возьму кресло. Как и Джек.

— Вы очень любезны...

После паузы она встала и подошла к огромной кровати с боку, расположенной со стороны дверей. — Вы очень любезны, спасибо, — повторила Дона.

А Джереми так толком и не понял, это сказала Дона или ему только померещились ее слова. Потому что он тотчас же уснул, медленно погружаясь в белое пространство.

Он спал.

Он спал, откинув голову на спинку мягкого кресла.

Сколько он так спал, не знал. А ворочаться и просыпаться он начал от того, что от непривычного положения затекло все тело. Затекли ноги, затекла спина, затекла шея. В полусонном полузабытии в его мозг пробилась мысль: почему я сплю не на кровати, на своём месте. На этой огромной кровати он всегда спал со стороны окна. Ибо утром, когда просыпался, вставал и шёл к окну. Шел к окну, чтобы по многолетней привычке посмотреть первым делом, какая на улице погода. Погода всегда ему беззвучно шептала, каким будет сегодня его день. Как будто от погоды зависела вся его жизнь. А может быть, и жизнь всех его близких. А может быть, и всего человечества...

Он в полусонном состоянии, не просыпаясь до конца, встал и медленно-медленно прошел к кровати на свое место, со стороны окна, и лег на отливающее белизной белое ложе. Опускаясь на ложе, краем глаза он увидел на противоположной стороне, в белых комьях простыней и одеял, белую фею в белых кольцах снегообразных волос. Это было похоже на сон. И ему подумалось: вот приснилось же...

Он лег и уснул. Он спал. Спала, похожая на невесомую белую снежинку, Дона. Спал и посапывал в кресле капитан Джек. Отель Шато Лурье погружался в сон. Все спали. И они трое тоже спали. Каждый на своем месте, и в то же время все трое в едином пространстве.

Что всем им принесет день грядущий, не знал никто...

Мария ВОЛДИНА

Сердце матери

*Посвящается
моей милой маме В.И. Вагатовой*

Матерь, всё тепло собравши,
Нежность кровную несёт нам,
Сердцем доброту познавши
Дарит силушку бесщётно.
Так земля на белом свете
Всё рождая в нашем лесе,
И листву, и хвою лета,
Нежит до поры белесой.
У болот необозримых,
Теша маленькие корни,
Ягель низенький любимый
Соком жизни сладко кормит.
У Земли и нашей мамы
Схожи древние заботы —
Самой честной, важной самой
Заняты они работой.

ВОЛДИНА (ВАГАТОВА) Мария Кузьминична родилась в д. Юльск Березовского района Тюменской области. Автор многих сборников стихов на хантыйском и русском языках «Маленький Тундровый Человек», «Моя песня, моя песня» и др. Лауреат международной премии им. Кастрена, премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в области литературы, Международной литературной премии «Полярная звезда», обладатель звания «Легенда журналистики Югры». Награждена Орденом Почета, «За освоение недр Западно-Сибирского нефтегазового комплекса», Серебряным знаком ЦК ВЛКСМ, и др. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Почетный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Член Союза писателей России. Живет в Ханты-Мансийске.

Сердце матери сравнимо
Только с жизнью, только с нею,
Старость пусть проходит мимо,
К очагу спешить не смеет.
С мамой первое дыханье,
С нею открываем двери
В мир прекрасный утром ранним,
С ней в бессмертье ханты верят.
Материнскими сердцами
Всё на свете бережется.
От того и над лесами
Над болотами поётся.
Из богатства ценной самой
Мать была и будет вечно.
Землю называют мамой
За надежность и сердечность.

Мужчина проехал

*Светлой памяти отца
К. Н. Вагатова*

Жизнь — дорога через тундру.
Хорошо бегут олени!
А возница сам походит
На оленя-вожака...
И несется вдаль упряжка
Вдоль урманов и селений,
И сидение на нарте
Сплетено из ивняка.
Бьют бубенчики игриво,
Каждый шаг встречая звоном.
И, как мох, черны возницы
И усы, и борода...
Мчит упряжка через годы —
После долгих перегонов,
Словно снежный ком на ели,
Станет голова седа.
Три стремительных оленя
Вдаль несут упряжку эту,
Чтоб потом, когда сомкнётся
Вслед за ними окоём:
— Как красиво жил мужчина,
Как проехал он по свету
На своей счастливой нарте... —
Говорили бы о нём.

Сергей КОЗЛОВ

То не вечер

Марево стояло над степью — зной, пропитанный гарью. И даже когда июльский день перевалил далеко за вторую свою половину, и даже когда небо смешалось с чадающими дымами и комями разворочанной взрывами земли, свежее не стало. Ярро-оранжевый глаз солнца пробивался сквозь всё и вся и палил, словно хотел сжечь то, что и без того горело. А ведь где-то за спиной тихий и прохладный Дон...

Старший политрук Пустельга собирался с мыслями. Не так много у него было времени до следующей и последней, как он понимал, вражеской атаки. Вот-вот начнут утюжить с диким воем «юнkersы» — певуны-лаптьёжники, потом миномёты, а потом поползут на остатки полка танки и пехота. И их будет много, а в окопах у него по последней переключке сорок человек, да на них два командира — он, да взводный лейтенант Белозёрцев на правом фланге. И два противотанковых ружья по семь патронов на каждое... И приказ — стоять на смерть. Сколько таких приказов за последний год получил Пустельга, он даже не считал. Но выполнил все. Выполнит и этот. Пусть и последний...

Там за спиной Дон, Сталинград, нефть... Но надо что-то сказать бойцам. И душой политрук чует и глазами видит: никакого тебе марксизма, никаких партийных выкладок, ничего о светлом будущем... Ничего, что он привык говорить. И даже не знает, с чего начать. И пришло в голову то единственно верное, то единокровное, ещё суворовское и крикнулось:

КОЗЛОВ Сергей Сергеевич родился в 1966 году в г. Тюмени. Автор многих книг прозы «Ночь перед вечностью», «Последний Карфаген», «Отражение», «Хождение за три ночи», «Время любить», «Вид из окна», «Дежурный ангел» ... Переведены на языки народов мира. По повести «Мальчик без шпаги» снят фильм «Наследники». Лауреат премии губернатора автономного округа в области литературы, Лауреат литературной премии УрФО и др. Депутат Тюменской областной Думы. Заместитель председателя Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России. Член Союза писателей России. Живет в Тюмени.

— Братцы!!!

И десятки усталых, закопчённых лиц повернулись к старшему политруку Пустельге. Не было в их глазах восторга, не было веры и надежды, но была смертельная решимость. И врать им не имело смысла...

— Сейчас они снова пойдут!.. — баритон Пустельги летел вдоль окопа.

— И... Наверное... Да почти точно, — мы все тут поляжем, но отходить нельзя. Там, — он махнул рукой в сторону Дона, — ещё не готова линия обороны, где их точно остановят. Там — точно. Но нам надо остановить их здесь. Так уж сошлось!.. Победа она ведь откуда берётся? Она от того, что кто-то где-то встанет насмерть и не отступит, не взирая ни на что! Да что я вам говорю, вы и сами всё знаете. Предки наши костями ложились, а сегодня наша очередь. — Политрук сбавил и уже тише сказал: — Если кому-то совсем немоготу, могу отправить в тыл с сообщением, последним сообщением... Одного... — он с надеждой посмотрел на самого младшего в строю — тщедушного и малорослого рядового Бориса Соловьёва, которому и восемнадцати ещё не было.

Но Соловьёв только осмотрелся по сторонам: на кого смотрит политрук? Ну не на него же! Не понял боец... Или не захотел понять. Только теснее прижался к старшине Рябову, суровому дядьке, который и Халхин-Гол прошёл и финскую. И пользовался в полку непререкаемым авторитетом, а также был специалистом по выживанию в любых условиях. Чуть поодаль сидели татарин Газитуллин и узбек Абдураимов. Всегда спокойные и выдержанные. На весь окоп, кроме самого политрука, осталось только два коммуниста — Иванов и Петров. Заводчане с Урала. Эти — не подведут. Ах да... лейтенант Белозерцев просил принять его в партию... Где он там? Не видно...

— Может, кто-то хочет тоже сказать?! — обратился политрук к тем, чьих глаз не видел. — Есть у кого?!

— Есть, — пробасил совсем рядом Рябов. — Ты прости, товарищ старший политрук, но я вот, что считаю... Братцы, кто помнит, подхватывай!

И вдруг Рябов басом своим, который в этот момент показался Пустельге целым церковным хором, нараспев заговорил молитву.

— Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшаго силу диаволю и даровавшего нам Тебе, Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата. О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки веков. Аминь!

— Аминь! — прям-таки грянуло в ответ со всех сторон.

Знал политрук, что Рябов из семьи священников, но не думал, что это в нём так глубоко, перечить же не посмел. Рябов, если было надо, поднимался в атаку вместе с ним в числе первых «за Родину», «за Сталина» и, что называется, под руководством партии большевиков.

Да и увидел, что крестились во время молитвы почти все... Да все, пожалуй, за исключением коммунистов Иванова и Петрова, а также Гизатуллина и Абдураимова, имеющих, скорее всего, отношение к другой конфессии. Но и те уважительно стянули с голов каски.

— Да ежели б к житью, — то и сам политрук перекрестился бы обеими руками! Помоги, Господи...

«Певуны» что-то задерживались. Не пунктуально. Не по-немецки. Видать, и у них бывает. И нельзя было допускать давящей тишины, порождающей одиночество, а в нём-то и прячется смертельная тоска. Уж если помирать, так с музыкой! С музыкой?

— Братцы! А ну-ка давайте встретим врага песней! Как деды и прадеды наши встречали! — И запел первое, что и полагалось, по мнению политрука: — Это есть наш последний и решительный бой... — Вроде как и к месту, да вот не подхватил никто. Более того, смотрели на Пустельгу с пониманием, но той печальной смертной тоской, замешенной на отчаянной решимости, с какой умеют смотреть только русские воины, у которых за спиной одна шестая часть света, а отступать всё равно некуда.

Пустельга смутился, стих, опустил голову на колени, потому как встать в окопе он не мог. Сёк по верхам снайпер. Вот и фуражку его насквозь продырявил. Старший политрук посмотрел на дырку в этой фуражке, смял её в сердцах, замахнулся рукой, дабы откинуть чёрный чуб со лба, да вспомнил, что острижен коротко, рука так и замерла у лица... Зато вспомнилось, зато само из сердца полилось, и Пустельга затянул... И баритон его разлился над дымящей степью под самый круг закатного солнца, откуда должен был прийти враг.

Ой, то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ох, да во сне привиделось...

На втором «мне малым-мало спалось» песню подхватил Рябов, а сверху неуверенно, но точно лёг тенор Борьки Соловьёва. А на повтор пели уже все, пели так, как ни один казачий хор в жизни ни пел! И Гизатуллин и Абдураимов пели, хоть и без слов, на «а-а-а», вливая в общий строй переливы и коленца восточных нот, но пели. А вот Пустельга вдруг от такого воодушевления голос чуть не потерял, потому как слёзы подступили к глазам, и комок в горле никак не проглатывался. Ему вдруг захотелось обнять каждого бойца, всех, пока они ещё живые.

Не знал Пустельга историю той народной песни, что ещё до немецкой пули так больно выстрелила в его сердце. Не знал, что она про Стеньку Разина, про сон атаманский вещий, и уже точно не знал старший политрук, отчего так на Руси православной, что теперь уже и на советской, отзывается она в душах народных замахом лихим казачьей сабли и в ту же пору той самой тоской смертной, от которой и не уйти никуда, не ускакать по степям бескрайним, не уплыть по рекам великим, не зарыться в снега сибирские белые... Не знал старший политрук Пустельга, но, как и весь народ, чувствовал. И не надо было ему этого

тревожного, щемящего чувства объяснять. Вот упало оно скупой слезой на дно окопа, а душа уже рванулась вслед за хором новым куплетом:

Налетели ветры злые
Со восточной стороны.
Ой, да сорвали чёрну шапку
С моей буйной головы.

Налетели и «шарманщики-юнкеры» как раз к этому куплету. Да уже не могли «ревуны» их смутить или перекрыть сиренами своими солдатскую песню. От души бомбили, смешивая степную землю с солдатской плотью, всё дрожало вокруг и солнце в небе, но песня звучала. И потому, как уменьшался строй голосов, мог бы определить политрук потери, но не суждено ему было. Когда пошли танки, а следом засеменила пехота, высунулся Пустельга с биноклем, но второй раз немецкий снайпер не промахнулся...

Снайпер не промахнулся, а песня продолжала звучать. В песню снайпер попасть не мог.

А есаул догадлив был —
Он сумел сон мой разгадать.
«Ох, пропадёт, — он говорил,
Твоя буйна голова».

И с какой отяжкой, с каким надрывом тянулось навстречу врагу «Ох пропадёт, — он говори-и-и-л...» И пропадали одна за другой. Пока ещё звучал бас Рябова, перебивал его командами противотанковым расчетам лейтенант Белозёрцев, и уже не пел-тянул, а просто кричал «а-а-а-а» навстречу врагу Гизатуллин, один из оставшихся в живых мусульман...

И душа старшего политрука Пустельги, отлетая в небо, трепетала вместе с голосами, трепетала, как птица в полёте, от которой досталась ему фамилия, но уже видела в зареве заката далёкую Победу. Да и могло ли быть иначе, если отозвалось вдруг последней надеждой рябовское «да воскреснет Бог!»..

Бой. Сколько он длится? Никто не знает. Часы во время боя измеряют что-то другое. Это где-то у карты генерал может измерять время: когда и кому вступить в этот бой, а для тех, кто находится в самой его гуще, в самой мясорубке, время идёт по-другому. Вот уж где оно точно сливается с пространством, вот уж где не работают никакие законы физики, и время то замирает, то несётся перебежками, как боец, то тянется как длинная нота «ревуна», зашедшего над твоей головой в пике... Не измерить в бою времени. Если и измеряется оно чем, так это ударами сердца. Да и то неровно. И состоит такое время из мгновений длиною полёта пули. Мгновениями, которые кончаются то точками, то многоточиями пулемётных очередей, то паузами после взрывов. Но движение у них не линейное, а хаотичное, и никакое замедленное кино не сможет полностью расшифровать картину боя, потому как сжавшееся перед опасностью сердце не всегда отмерит следующий собственный удар. И вжавшийся в землю боец ещё не знает, суждено ли ему поднять голову, но за это мгновение он переживает и переживает столько, что потом не может и вспомнить. Если выживет. Помнятся только рывки тела и души, почти автоматические, машинальные,

тревожного, щемящего чувства объяснять. Вот упало оно скупой слезой на дно окопа, а душа уже рванулась вслед за хором новым куплетом:

Налетели ветры злые
Со восточной стороны.
Ой, да сорвали чёрну шапку
С моей буйной головы.

Налетели и «шарманщики-юнкеры» как раз к этому куплету. Да уже не могли «ревуны» их смутить или перекрыть сиренами своими солдатскую песню. От души бомбили, смешивая степную землю с солдатской плотью, всё дрожало вокруг и солнце в небе, но песня звучала. И потому, как уменьшался строй голосов, мог бы определить политрук потери, но не суждено ему было. Когда пошли танки, а следом засеменила пехота, высунулся Пустельга с биноклем, но второй раз немецкий снайпер не промахнулся...

Снайпер не промахнулся, а песня продолжала звучать. В песню снайпер попасть не мог.

А есаул догадлив был —
Он сумел сон мой разгадать.
«Ох, пропадёт, — он говорил,
Твоя буйна голова».

И с какой отяжкой, с каким надрывом тянулось навстречу врагу «Ох пропадёт, — он говори-и-и-л...» И пропадали одна за другой. Пока ещё звучал бас Рябова, перебивал его командами противотанковым расчетам лейтенант Белозёрцев, и уже не пел-тянул, а просто кричал «а-а-а-а» навстречу врагу Гизатуллин, один из оставшихся в живых мусульман...

И душа старшего политрука Пустельги, отлетая в небо, трепетала вместе с голосами, трепетала, как птица в полёте, от которой досталась ему фамилия, но уже видела в зареве заката далёкую Победу. Да и могло ли быть иначе, если отозвалось вдруг последней надеждой рябовское «да воскреснет Бог!»..

Бой. Сколько он длится? Никто не знает. Часы во время боя измеряют что-то другое. Это где-то у карты генерал может измерять время: когда и кому вступить в этот бой, а для тех, кто находится в самой его гуще, в самой мясорубке, время идёт по-другому. Вот уж где оно точно сливается с пространством, вот уж где не работают никакие законы физики, и время тозамирает, то несётся перебежками, как боец, то тянется как длинная нота «ревуна», зашедшего над твоей головой в пике... Не измерить в бою времени. Если и измеряется оно чем, так это ударами сердца. Да и то неровно. И состоит такое время из мгновений длиною полёта пули. Мгновениями, которые кончаются то точками, то многоточиями пулемётных очередей, то паузами после взрывов. Но движение у них не линейное, а хаотичное, и никакое замедленное кино не сможет полностью расшифровать картину боя, потому как сжавшееся перед опасностью сердце не всегда отмерит следующий собственный удар. И вжавшийся в землю боец ещё не знает, суждено ли ему поднять голову, но за это мгновение он переживает и переживает столько, что потом не может и вспомнить. Если выживет. Помнятся только рывки тела и души, почти автоматические, машинальные,

заученные, иногда спасительные, иногда отчаянные... потому что отступать уже некуда и в твоей груди разрывается точка твоего последнего мгновения. Во всяком случае, здесь. И нет плавной картины, всё рывками, вспышками, клипами... Наверное, боевая выучка штука нужная, но тем, кто пережил бой последний, кажется, что победила отнюдь не она, а неизбежное отчаяние, принимаемое, как вера в свою правоту, отчаяние, которое со стороны называют отвагой. И как правильнее сказать: отчаянный или отважный? Не скажет, пожалуй, никто. А неизбежное отчаяние оно сродни душевной песне.

А песня стихла... И бой стих.

Борька Соловьёв осмотрелся сквозь слёзы.

Никого. Это был не первый его бой, и этот не стал для него последним. Он привык видеть искореженные, изорванные взрывами тела, искажённые смертной болью лица. Но сейчас его товарищи словно уснули. Умерли, как пели. Вон Гизатуллин за пулемётом «Максим» просто уткнулся, задремал. Вон серьёзный и вечно поучающий Петров просто присел на дно окопа отдохнуть... Вон старшина Рябов... Живой! Дышит! Плечо в крови, но живой!

— Товарищ старшина! — бросился к нему Борька.

— Тише, сынок, тише. Видишь, товарищи наши спят. Не буди... — из глаз Рябова тоже текли слёзы. По глубоким, забитым степной землёй морщинам. А седые волосы стали стальными. Отчего так? Серые глаза старшины смотрели куда-то далеко-далеко... И не поймёшь: то ли в прошлое, то ли в будущее, то ли совсем в другой мир. Смотрели и беззвучно плакали.

— Я вас перевяжу... — Борька помог ему сесть, опереться на неровную стенку окопного рва. Свои слёзы он уже размазал по всему лицу, ему уже было легче, он не один. Нашупал индивидуальный пакет, приложил к ране старшины.

— Есть ещё кто? Пробеги вдоль, глянь. Только пригнись, снайпер-то не спит... — прошептал старшина. — Так хорошо пели. В жизни так не пел, как перед смертью. Господи прости... Ну иди же...

Борька буквой «г» ринулся вдоль окопа. Ринулся в командирский блиндаж, где до боя лежали тяжело раненные, но блиндажа не было. Прямое попадание авиабомбы. Только бревна торчали во все стороны. И кругом мёртвые товарищи, как остановленные мгновения. Противотанковый расчёт... В обнимку... Лейтенант Белозёрцев сам у второго разбитого взрывом пулемёта... Рот открыт... Зачем? Он поёт! Он поёт, вдруг понял Борька и снова заплакал, не заплакал, зарыдал даже, вдруг закричал, запричитал. Нет, он не бился в истерике, не взывал к небу, никого не проклинал, просто сердце его переполнилось непрожитыми жизнями тех, кто ещё минуту назад прикрывал его собой, как самого молодого. Переполнилось, и пролилось.

С трудом ему удалось себя успокоить. Он вернулся к старшине. Тот всё понял по его глазам.

— Вдвоём, значит. Больше-то не удержим... всё... — подытожил старшина.

— Так наши-то что... не придут? — удивился своему вопросу рядовой Соловьёв.

Старшина не ответил. Он молча смотрел на небо.

— Ты вот что, сынок, помоги мне встать... — попросил Рябов.

— Так снайпер же?

— Помоги, Бориска. Надо.

Борька перечесть не стал. Помог старшему товарищу подняться. Тот осмотрелся, шатаясь.

— Мне бы там встать, — старшина кивнул на бруствер.

— Зачем?..

— Ты прости меня, сынок. Не уберёг я тебя. И уже не уберегу. Они всё равно попрут. Перегруппируются и попрут. Они знают, что нас уже нет. А я вот посмотрел, патронов-то тоже нет... Так чего нам остаётся?

— Чего, товарищ старшина? Молиться?

— Пусть они, гады, молятся, — посмотрел в сторону врага Рябов, — а мы петь будем. Как нам политрук завещал. Понял?

— Понял...

— Сколько сможем, петь будем. Ещё не вечер... — с победной угрозой Рябов смотрел туда, откуда целилась смерть.

Они стояли на бруствере окопа и пели... Маленький рядовой Соловьёв подпирал собой качающуюся глыбу старшины Рябова. Они пели...

Ой, то не вечер, то не вечер,

Мне малым-мало спалось,

Мне малым-мало спалось,

Ох, да во сне привиделось...

Снайпер Гельмут Кунц разглядывал последних двух русских в прицел. И не стрелял. Эти двое снова пели, как совсем недавно пели остатки их подразделения. К нему подполз лейтенант Хоффман.

— Почему ты не стреляешь Гельмут?

— Они без оружия. Я не убиваю безоружных и сумасшедших.

— Что они горланят? Какой-нибудь большевистский гимн?

— Нет. Совсем нет.

— Ты думаешь, кроме этих никого не осталось?

— Уверен.

Хоффман хотел было уползти, дать команду к зачистке, но что-то его остановило.

— Знаешь, Гельмут... — он замер.

— Что, Генрих?

— В Европе я такого не видел...

— Я тоже...

— Эти варвары... они такие стойкие.

— Я не понимаю, о чём они поют, Генрих, но мне кажется, у варваров не может быть таких песен. Да и умирают, словно римские legionеры или гладиаторы.

— Да они слов таких не знают!

— Может, и не знают, но только умирать с честью умеют.

— Ты не будешь стрелять?

- Нет. Зачем? Старому осталось жить всего ничего.
- Думаешь, они не будут сдаваться?
- Уверен. Можешь выстрелить по ним из гаубицы...

11 мая 1945 года старшину Соловьёва всё-таки отпустили к рейхстагу, которого он ещё не видел. Повезло же кому-то штурмовать центр, знамёна поднимать. Поджарый, небольшого роста Соловьёв bravо вышагивал среди руин, козыряя старшим по званию, позвякивая орденами и медалями на груди. В руке у него была банка с краской и кисть, в голове — пожелания от всего полка. В сущности, пожелания сводились к тому, чтобы найти на стенах свободное место для названия части, проделавшей путь от Сталинграда до Берлина. И так и написать: пришли, мол, от самого Сталинграда. Так старшина и написал, взобравшись на позаимствованную у артиллеристов стремянку. Таких «писателей» вокруг оказалось много.

— Думаешь, сохранится? — спросил, кивая на краску танкист-сержант, что царапал по камню отвёрткой свою фамилию.

— Так это их краска. Надёжная. — Соловьёв прикусил губу. Он как раз старательно выводил букву «с» и раздумывал, что сначала написать — «старшина» или «Соловьёв». И город родной указать или нет. Но тут вдруг услышал где-то совсем недалеко гармонию. Группа бойцов вдруг затянула совсем не победную, но такую родную «Ой, то ни вечер» ... Старшина Соловьёв уперся лбом в стену рейхстага, на глаза, не спросив, выступили слёзы. Все вдруг притихли, перестали увековечивать себя и своих товарищей, кто-то начал подпевать. И пока бойцы пели, старшина Соловьёв стоял так, и слышал совсем другие голоса. Он отвык стесняться слёз, но сейчас не хотел, чтобы кто-то его видел в таком состоянии. Песня в этот день звучала совсем по-другому... Для них, для тех, кто остался жить.

Скрипнув зубами, Борис Соловьёв, приписал слева от буквы «с», буквы «п» и «у», а с другой стороны — «тельга», потом подумал и добавил: «старшина Рябов. 1942 г. Сталинград».

Спустился со стремянки, внимательно осмотрел своё творчество. Ему пора было идти, было ещё много дел. Мирных дел. Ещё не вечер, в конце концов... Сегодня ему ещё предстояло накормить кашей и хлебом Эльзу Кунц, жену снайпера Гельмута Кунца, и двух их детей. Но об этом старшина Соловьёв ничего не знал...

Андрей ТАРХАНОВ

Маршал Жуков

Приснилась Божья Мать на амвоне
Ему в тот страшный сорок первый год.
И диво — чудотворная икона
Вокруг Москвы свершила свой полет.

Жила страна в немыслимой тревоге
От поля, от штыка и до пера.
И маршал молвил на рассвете:
«С Богом!»

В победную атаку нам пора.

С парада — в бой.
Шли в белых маскхалатах.
Как ангелы, в одеждах белых шли
Российские бесстрашные солдаты
В морозной и сияющей пыли.

Москва за ними — в озаренье алом,
Святой Георгий — в небе на коне.
И думал о войне товарищ Сталин,
А маршал Жуков думал обо мне.

ТАРХАНОВ Андрей Семенович родился в 1936 году в д. Аманья Кондинского района. Автор многих сборников стихов «Первая завязь», «Праздник грома», «Пасхальный день», «Видения пророков» ... Лауреат премии Губернатора автономного округа в области литературы, Всероссийских литературных премий им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. Т. Твардовского. Почетный гражданин г. Ханты-Мансийска. Награжден орденом Дружбы народов. Вице-президент Международной ассоциации финно-угорских писателей. Член Союза писателей России. Живет в Ханты-Мансийске.

Чтоб мой отец живым в леса вернулся,
Чтоб миллионов не было сирот,
Чтоб враг металлом нашим захлебнулся,
И танки открывали наш поход.

А впереди — руины Сталинграда,
Орел и Минск, Варшава и Берлин...
И в роли величайшего Солдата
Он, Жуков, был воистину один.

Бабушка

*Памяти бабушки Матры — Матрены
Александровны Тархановой*

Ты одна в этой тихой и скорбной избе,
Одинока по самой жестокой судьбе.
Сын погиб на Карельском в 43-ем году.
Братья пали в боях в Сталинградском аду.
Внуки учатся.
Сына дыханье тая,
Ты живешь, будто память под крышей жилья.
На сноху не в обиде, она далеко
Расставание с ней.

Как озвучить его?!

«Тут все корни...

и буду я здесь помирать...» —

Прошептала ты,

слезы пытаюсь унять...

И однажды увидели поле, изба,

Как ушла ты от них,

и с тобою судьба.

Получив извещение, приехали мы,

Опоздав из-за грозных метелей зимы.

Знай, за детство и ласку навеки любя,

Мы по-прежнему слышим и видим тебя.

Вечный бой

Отцу — Семену Прокопьевичу Тарханову

Глаза земли задумчивы и кари,

А щеки в конопушках земляник.

Поляна детства мне раздумье дарит,

И к ней душою

я сейчас приник.

Там — голоса.
Я чую запах гари.
Гранаты рвутся,
Вечный бой идет.
В горячих бликах
 близкого пожара
Отец в атаку поднимает взвод.
Ты оглянись, отец,
 и я запомню
Твои черты,
 ведь я не помню их.
Скажи о том солдатам запыленным,
Чтоб я запомнил и солдат твоих.

Но вы спешите.
Голоса стихают.
Я поднимаю голову —
Вокруг
Оранжевые бабочки летают,
Глухарь смешно оттачивает звук.

Мир на земле.
И нету выше блага,
Чем это —
 слышать небо и траву.
Дай бог, в стране жива отцов отвага,
И потому, наверно, я живу.

Альбина КУЗЬМИНА

Рынья

Среди хвойной тайги, где сливаются зелёно-голубые цвета земли, рек и озер, приютилась, словно спряталась, небольшая деревенька. Затерялась она между глубоких болот да глухомани таёжной. С какой стороны ни подойди, сразу не увидишь...

Расположилась Рынья у подножия одной из Белых гор, на крутом берегу таёжной речки Алымки. Быстрая река несла свои воды через громадные пространства болот к брату Иртышу, а вместе с ним к величественной Оби да к океану. Окаймляла широкую гряду гор, словно обнимала её. К этой реке спускались с самой вершины густыми рядами величественные кедр, пихты, сосны и ели, один за другим, словно хотели испить прохладной воды. Стояли, с поднимающимися вверх кронами, словно распластав зелёные крылья, и шумели о чём-то на свой особый лад. В воздухе ровно и монотонно слушался шум деревьев. Невдалеке от села — едва различимый говор деревни. Куда ни глянешь, — бескрайнее море зелени, которое колышут залётные ветра-бродяги, и — вечное повторение тайги, неба и болот...

Алёнка ухватила за бабушкину руку и несмело спросила:

— Бабушка, как наша деревня появилась?

— Не рановато, ли тебе знать? Вот появилась, и живем — не тужим. Длинная это история, — сказала немного погодя, бабушка.

— Прежде-то здесь ничего не было?

— Ни единого дома, ни улицы. Село, что основали, Верхней Рыньей звали, а уж потом Нижнюю Рынью образовали, тут мы и живем.

— А что означает это слово?

КУЗЬМИНА Альбина Семеновна родилась в с. Рынья Тобольского района Тюменской области. Автор книг «На священных берегах Ваха», «Мой Нижневартовск», «Главный лесничий», «Звонкоголосая Сибирь» ... Лауреат премии Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера». Кандидат культурологии. Руководитель городского литературного объединения «Замысел». Член Союза писателей России. Живет в Нижневартовске.

— Да, тебе внучка, трудно понять, пока будет.

Уже через минуту Анастасия Николаевна задумчиво произнесла:

— Чудодейственный край, о котором никто сторонний не знал. Здесь кроме священных рощ да урманов с их таинством и вечным богатством, другая жизнь на свете будто бы не существовала. Крепко хранил традиции вольный народ мансийского и хантыйского племени, жили себе, поживали... Ох, как давно это было!

— А мальчишки говорили, что «Рынья — это медвежий рай».

— И так тоже правда. Ух, сколько их тут, не зря ведь тебя на медвежьей шкуре вынянчили. Да я больше склоняюсь к другому, старейшины вешали, будто здесь «Место сна Золотой бабы».

— Правда, что-ли бабушка? Как интересно! — удивилась Алёнка.

— А как появилась? — И тут Анастасия Николаевна разговорилась.

Много веков назад вдруг возьми да объявись в этой глуши: часовенка. Неведомо откуда возникла. Говорят, с неё всё и началось. Годы стерли её облик, но в памяти народной она жива.

Рассказывали, будто здесь дивные дела случались: часовенка та стоит себе за селом, на берегу реки, да год от года не стареет. Правду говорят: чудны дела, твои Господи. Старая-старая, ветхой уже бывала, а в одно прекрасное утро засветится, вся обновлённая. И никто не знал, не ведал, как она новая образовалась. Да только понимали люди, что часовенка та — творение рук человеческих...

Случилось это, когда появился в лесу одинокий странник. Чудак-человек, всё-то мучился, свой путь искал, как говорится, крест свой нёс. Подальше от людей оттого и ушёл. Места здесь урманы да болота: человеку пропасть, что рукой взмахнуть. Сказывают, от горя головы поднять не мог, а как взглянул вокруг: красота покорила. Облюбовал он взгорье. Срубил на берегу речушки Алымки деревянную часовенку, крест поставил. Первое время там и жил. Потом дом себе крепкий срубил. Вскоре и трое братьев его объявились. Зажили. С того времени будто Божий промысел свершился: люди сюда дорогу стали находить. Так поселение образовалось.

Тут бабушка преобразилась, глаза её заблестели, и загадочно она произнесла: Основали то место хантыйские предки твои с отцовской да материнской стороны. Одинокий странник, чудак-человек и трое братьев его и были твои прапрадеды...

С часовенкой этой, воистину, столько разных войн пережили... Не знаю, так оно или нет, только в самые трудные военные годы, когда голодно было в семьях, сельчане стали потихоньку тянуться к часовенке, где поклон отбить, да кресту помолиться, душу отвести. И уже никто не удивился, когда за часовней появился неказистый с виду деревянный сруб — пристройка. Помощь людям невесть откуда стала являться. В этой рубленной избушке, что на курьих ножках стояла, — так у народа ханты было строить заведено, чтобы дикие звери не добрались, — появлялась нехитрая снедь, сушёное мясо, рыба мука, железки всякие... В центре — икона на тебя глядит, а в углу — лик святого из дерева изразчён. Кто совсем плохо жил, голодал, тот приходил сюда

за помощью. То оно и хорошо, что в избушке было. В деревне в ту пору одни бабы остались. Хватило бедным женщинам лиха, всем досталось... Этой помощью может и спаслись. Видно, мужчины заранее предусмотрели. На войну уходили, а их здесь долго помнили. Вот и в Отечественную многие тогда из нашего села не вернулись ...

Бабушка вытерла уголком платка нечаянно нахлынувшие слезы.

— И мой Сергей Петрович покинул меня...

Пережил народ всякие невзгоды: с часовенкой да с помощью Божией, верой людской всё случилось. Так с тех пор ветхую, покосившуюся, но временем не изъеденную, никто сокрушить не мог. Никакие злые люди, никакие события. Там, где сруб часовенки, недалеко от села, стоит с тех пор памятником — огромный камень-валун. Как и откуда он появился, никто не знает.

Только видится местным жителям странник, осеняющий крестным знамением всяк сюда приходящих. Местные-то, нет-нет да проговорятся, будто это сам Господь своего Ангела — Хранителя присылает.

Молчит Алёнка, сражённая услышанным:

— Как много я не знаю!

А бабушка продолжает шёпотом:

— Меня возле той часовенки как раз окунали в реку...

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

Осень

1

Осень. На севере конец сентября — поздняя осень. Неделя-другая и зима робко первым снегом начнёт пробовать свои силы. Последнее тёплое дыхание осени ещё переборет его, соскребут последние теплые лучи легкую кружевную паутину и всё. Только свет останется от солнца. Скупой свет, которого хватит на короткий, как заячий хвост, день. Тепло кончится. До весны. Сегодня с самого утра идет непрерывный, нудный дождь. Уже который день дождь начинается рано утром. Ночью он прекращает свое мокрое дело, уступая ночному холоду. Всеволод Сафронович уже не первый вечер замечал редкие кружащие снежинки. Гуляя с собакой, он рассматривал их на фоне уличных фонарей. Ночными бабочками они летели на огонь, кружили, словно жались к свету и теплу. Касаясь влажной сырой земли, они исчезали тихо и незаметно. Летят и гаснут, летят и гаснут. Летят, летят первые снежинки. Витиеватый их полет хоть и тих и короток, но пророческим шёпотом возвещает всем о приближающейся зиме. Ближе к ночи на небе появляются прорехи в ватном одеяле осенних облаков, и звезды редкими снопами яркого бисера показываются одиноким прохожим. Круговерть снежинок прекращается, чтобы утром снова сыпать мелким дождем.

Всеволоду Сафроновичу такая погода по душе. Она располагает к раздумьям, заставляет не торопясь заняться делами, которые обычно откладываются на потом. Старательно укладывая в чехол своё старое ружье, он поглаживает стволы, стирает ладонью несуществующую

МИХАЙЛОВСКИЙ Валерий Леонидович родился в 1953 году в г. Хмельник Винницкой области. Автор сборников повестей и рассказов «Зимник», двухтомника «Души неприкаянные», «Северные ветры» и др. Лауреат премии Губернатора автономного округа в области литературы. Член Союза писателей России. Живет в Нижневартовске.

пыль. Ещё раз напоследок глядит через зеркальные стволы в окно. Поймав крупную каплю на стекле в кружок, проводил её до самого подоконника. Подготовка к охоте казалось, занимала его не меньше, чем сама охота. Он стал замечать, что с годами научился получать удовольствие от чистки ружья. Раньше он этим занимался только потому, что нужно: ружье было старое, стволы не хромированные, и требовали особого ухода. Иногда его это раздражало.

Сегодня же он миллиметр за миллиметром протирал сухой вехоткой стволы, механизм, курки. Холодный металл грел его душу. Он смотрел на свою старую двустволку, как на родное существо, как на что-то от себя неотъемлемое. Всеволод Сафронович застегнул молнию чехла, погладил его рукой и поставил в угол, взял телефон и набрал номер.

— Привет, Сережа. Я готовлюсь. Ружьишко сегодня начистил, блестит, как медный самовар. Как ты думаешь, сколько патронов брать?

— Я думаю, стрелять много не будем.

— Ну, полсотни хватит? Я завтра патронами заниматься буду. Всё идет по плану. Послезавтра — продукты... Значит, говоришь, полсотни?

— Хватит, я тоже много не беру. Учти, Сафроныч, там глухарь водится, так что единичку заряди.

Неделю назад ему позвонил друг Сергей, пригласил на охоту. Сначала, однако, Сафроныч отказывался: работа, жена собиралась на курорт и не с кем оставить собаку, намечается командировка...

— Сплошная зависимость от обстоятельств, — услышал он в телефонную трубку, — у меня тоже не легче, тоже думаю, как выкроить эти две недели. Сергей еще что-то говорил, потом резко закончил:

— Ну, смотри сам. Я тебе предложил. Не поедешь, я поеду один, а если есть предложения по срокам, позвони. Думай, Сафроныч, думай.

Думал Сафроныч всю ночь. Работа, жена, командировка, собаку некому выгулять. Все это не то. Отпуск возьму, когда захочу — своя рука владыка, командировку можно отложить, путёвка у Людмилы только через месяц. Здоровьишко шалит. Сдрейфил старик. Плечо ноет уже месяц. Вот и сейчас невозможно найти ему место. И так ноет, и так... Сафроныч ворочался, укладывая правую руку. В темноте не видно, как боль искажает его лицо. Сергей помоложе, ему то что... Вот в чем соль! Диабет, что б ему...: то жрать нельзя, то особая диета... Но хочется поехать. Может, не доведется больше в тайгу. Да и зовёт его Сергей в свои места, где уже не был пятнадцать лет, о которых столько рассказывал интересного. Меня зовёт. Значит, уверен во мне. Тряхнуть, что ли, стариной?

— Что с тобой? Тебе плохо? — спросила жена. Она заметила, что Всеволод Сафронович не спит, ворочается с боку на бок, уже дважды выходил на кухню.

— Мне хорошо, может лучше, чем обычно. Вот Сергей зовет на охоту. И не знаю что делать.

— Так езжай, — спокойно сказала Людмила, — развеешься.

На две недели. Это триста километров отсюда. Добираться от Покачей на моторке полдня. Как и любая женщина, Людмила плохо

понимала, как можно две недели жить в тайге. Её пугало расстояние. На моторке добираться... Тайга для неё населена страшными зверями, таит опасности на каждом шагу. Но, она привыкла за долгие годы собирать мужа на охоту, ждать его, потом слушать его удивительные рассказы, из которых она, единственно, что понимала, так это то, что ему там нравится.

— Ну, решай сам, мне в Белокуриху через месяц, успеешь вернуться.

— Ты не представляешь, как мне хочется поехать. Может это моя последняя охота здесь на севере.

— Тем более.

Подлубные собрались переезжать на «большую землю». Недавно вслед за отцом умерла старенькая мама Сафроныча, и они решили поселиться в родительском доме на родине. Дети уже взрослые, обосновались в Тюмени, а им хочется туда, где покоятся предки, где до сих пор слышатся детские голоса их сверстников. Сафроныч в последнее время часто вспоминал своё послевоенное детство. По его земле война прокатилась тяжелым металлическим катком. Много железа осталось в земле. Ещё долго после отсалютовавших победных залпов слышались взрывы. В глазах ожила картина того страшного дня, когда ребята, его соседи, друзья, нашли немецкую мину. Двое погибли, один до сих пор на костылях. Он же, единственный отделался «мелкими царапинами». Отлежался в военном госпитале месяц, вытащили осколок, зашили брюхо и будь здоров. Так и сказал военный хирург полковник Василенко: «Ну, будь здоров. Теперь ты знаешь, что к чему — стреляный». Сколько пацанам потом жизни спас. Если не хватало аргументов, задира л сорочку: страшные швы через весь живот — останавливали.

Сафроныч нащупал ногами тапочки, погладил рукой рубец на округлившемся животе, тяжело поднялся и пошел на кухню; расстегнул чехол, вытащил ружье, собрал, отработанными до автоматизма движениями, погладил его и, вскинув, направил в окно. На мушку попалась заблудшая снежинка. Она, расплываясь, превращается в куропатку. И вот он стреляет, она медленно планирует вниз... Боль в плече не беспокоит. Вот тебе и на! То шевельнуть больно, а то ружье держу на весу, и хоть бы что. Он снова собирает ружье, зачехляет и, улыбаясь, ковыляет в спальню. Теперь он засыпает быстро и спит до утра.

2

Позади длинные километры на машине, затем на большой, похожей на катер моторной лодке до стойбища хантов.

— Кузьма Михайлович, это твоя дача что ли, получается: живешь в городе, а сюда приезжаешь отдыхать, рыбачить? — спросил Сафроныч, радуясь, что, наконец-то может размять затекшие ноги. Он впервые оказался на стойбище ханты, а ведь прожил на севере без малого двадцать лет.

— По-вашему, вроде, дача, — отвечал Кузьма Михайлович, открывая домик. — Я здесь родился, здесь вырос, здесь умерли мои родители, мой

дед. И сам я хочу здесь свой век дожить. Мне тесно в поселке, воздуху там не хватает... Так что сам посуди. Дача... Называй меня Кузьмой. По-нашему не обязательно тревожить давно умерших родителей, поминая их имена попусту. Это на работе меня называют по отчеству: там так принято. А здесь они близко, когда нужно я сам их поминаю.

Игорёк, младший сын Кузьмы, уже носился вдоль высокого берега, заполняя собой всё пространство. Два часа в лодке без движения его утомили. Он даже вздремнул по дороге. Мальчик уже нашел маленького соседского щенка и таскал, схватив его за шиворот. Щенок молчал. Игорёк поставил щенка на землю, тот замахал хвостом и, отскочив на пару шагов, развернувшись, стал облаивать мальчика. Игорёк с визгом и хохотом помчался вниз к речке, щенок за ним. Скучная жизнь щенка преобразилась с вторжением этого мальчугана и приобрела новые краски. Он лаял до хрипоты, Игорёк визжал от восторга. Вот они уже кубарем катаются в песке. Теперь уже щенок треплет мальчика за шиворот, а тот свернулся калачиком и его хохот летит по реке, отзываясь эхом от противоположного берега.

Сафроныч наблюдал за ними, улыбался, вытирая вспотевшую лысину. Мужчины втроем: Кузьма, Сафроныч и Сергей перетаскивали вещи из лодки в домик. Подъехал на другой лодке старший сын Кузьмы. Он только демобилизовался и наслаждался свободной жизнью. Павел привез бочку бензина. По дороге его застал дождь. Он, мокрый и озябший, бросив швартовочную верёвку, быстро посеменил к избе. Кузьма ловко привязал лодку к трапу, по которому жители стойбища поднимались на крутой берег.

— Вам хорошо, здесь дождя нет, а там..., — Павел на ходу махнул рукой назад.

— Завтра погода солнечная будет, — Сергей смотрел на посветлевшее небо на западе.

— Не говори так, — испугаешь. Какая будет, такая и будет. Вот на этой лодке дальше поедете сами. Паша мотор сделал нормально — не подведет. В этом году вода большая, так что по Елке подниметесь до самого места, — Кузьма деловито посмотрел на бочку, окинул взглядом крутой берег. «Пьяным ванькой», однако, придется поднимать: так не вытащить.

— Чем поднимать? — Сафроныч подумал, что ослышался.

— «Пьяным ванькой», — повторил уже Сергей.

Кузьма с Сергеем выкопали на высоком берегу яму, поставили в неё вертикально специально приспособленное бревно — «ваньку». К вершине его петлей прикрепили верёвку и двумя концами привязали к вбитым колам: верёвки не должны дать «ваньке» упасть. Кузьма ловким движением накинул петлю на бочку с бензином. Один конец её подтащил к «ваньке». Он в петлю на конце верёвки вставил длинный шест и, двигаясь по кругу, стал наматывать верёвку на толстое бревно. «Ванька», пошатываясь и поскрипывая, натягивал верёвку, и вот уже поползла бочка вверх. Сафронычу и Сергею оставалось только поправлять бочку — не слетела бы петля.

Весь вечер Игорёк не отходил от Сафроныча. — Деда, а почему у тебя волосы белые вот тут? — он щипал деда за седую щетину, за баки. — А, почему у тебя тут волос нету? — и Игорёк хлопал деда по красной лысине. — Деда, а у тебя маленькие дети есть? Деда, а покажи ружье.

Сафроныч полулежал на оленьей шкуре. Его разморило тепло от печки, усталость разливалась приятной тяжестью. Он громко швыркал чай, отставляя горячую кружку подальше от непоседливого малыша, терпеливо отвечал на вопросы, рассказывал про своих внуков. Малыш не отходил от деда весь вечер. То он выбегал в коридор и приносил игрушки, сделанные руками отца: деревянные «Буран» и лодку. Заставлял деда загадывать загадки, сам загадывал деду, сам же отгадывал, громко хохоча. Потом Игорёк приволок сказки и заставил его читать. Сафроныч раскрыл потрёпанную книжку, надел очки и начал читать сначала выразительно, подражая разным голосам сказочных героев, потом голос его стал монотонным, а еще через какое-то время они в обнимку спали на оленьих шкурах и каждому снился свой сон. Игорёк летал вместе с богатырём через леса и реки, сражался с чудовищем, обнимал спасённую сестричку. То он уже рулит на своей огромной деревянной лодке, увозя сестру домой, к маме. На берегу его встречает щенок, но он, почему-то больше его. Во сне он играет с ним, кувыркаясь в песке, тот лижет ему лицо огромным языком...

Сафроныча сон унёс в его послевоенное детство, на зеленый луг, что сразу за родительским огородом. Разноцветная радуга огромным коромыслом выгнулась над прудом. Он хочет добежать до радуги, схватить её руками, а она словно играет с ним, то прячется, то удаляется, появляясь, все дальше и дальше. Рядом по зеленой траве босиком несётся Игорёк, громко хохочет, тянет руки к радуге. Бесконечный зелёный луг, радуга и Игорёк, вихрем уносящийся вперёд, а он всё отстаёт и отстаёт...

3

К утру в избе похолодало. Сергей проснулся, вышел на улицу. Под ногами хрустнула корочка льда. Небо вызвездилось. Избы, отбрасывая длинные тени от полной луны, стоят понуро. Вдоль реки до самого поворота тянется серебряная дорожка. Сосны в лунном безмолвии выстроились на задах, придрёмывая. Ни одна хвоинка не шевельнется на их посеребренных лапах. На востоке небо еле заметно посветлело. «Хорошо, — подумал Сергей, — вышла вся влага дождями, быть хорошей погоде». Он в сенях взял несколько поленьев, зашёл в избу, затопил печку, поставил чайник и пока разгорался огонь, мысленно пробежал предстоящий маршрут. Пятнадцать лет не бывал на Елке. Как там? Раньше богатые дичью были места. Глухари, косачи летали стаями, рябчики вдоль речушки высвистывали свои песни, выдры, ондатры резали водную гладь многочисленных стариц и омутов. Белку в этих местах ханты промыслили, ягоду бруснику по гривам собирали.

Летние олени пастбища радовали глаз бесконечным беломошным ковром. Ещё остался на болоте за озерами летний «олений дом»: убежище от комаров и гнуса; почерневший остов чума стоит, упираясь жердями в низкие облака. Здесь паслись олени деда Кузьмы Павла Ивановича, нагуливали жир за короткое лето. Кузьма каждое лето жил в этом чуме с дедом, слушая его сказки и длинные, как летний день песни. Тихо поднялся Кузьма, сел на полати.

— Ты бы чаще приезжал, мы бы все в тепле спали. Что мерзнешь? — Кузьма всегда подтрунивал над другом, когда тот не выдерживал холода и, растапливал печку. Сам он наоборот любил утреннюю прохладу — крепче спится.

— Не то, чтобы мерзну, просто не спится. Думаю: дойдём на моторе до конца или нет? Да и как там?

— Дойдёте, вода нынче большая. Андрей, давеча поднимался по Елке до самого нефтепровода. Только вот намаешься ты с дедом: с ним много не походишь.

— А я много бегать не собираюсь, старею тоже, — Сергей погладил живот.

— Да, с таким рюкзаком тяжело ходить. Пули взял? Там лохматый ходит. Он у Ленчика в июне два оленя задрал, так что если встретишь... он теперь нам враг. Сейчас он тихий: ягоду кушает и греется на солнышке целыми днями. Сам не нападёт. Да ты и сам всё знаешь, что я тебя учу. Деда с собой в ту сторону не бери, ему с хозяином встречаться ни к чему. Я его спрашивал, он на него ни разу не охотился.

— Что ж вы с Ленчиком не прикормили косолапого, не наказали за такие пакости?

— Прикармливали, лабаз сделали. Сколько дежурили, — не приходит, а как день-другой не придем, — он уж и побывал. Чует хитрый: старый, опытный. Человеческие хитрости научился разгадывать. У него на правой передней лапе пальца одного не хватает, учёный, видать. Это тот, что водителя ГТТэшки поломал. Помнишь, я тебе рассказывал.

— Помню. Живой он хоть остался?

— Живой, только сильно покалеченный. Не работает сейчас.

Проснулась Дуся. Она принесла с улицы крупную щуку (Кузьма вчера успел проверить сетки), разделала её, ловко орудуя своим ножом, специально сделанным Кузьмой. Она не чистила чешую принятым способом, а подрезала её острым ножом, после чего щука стала необычно белой. Голову, хвост щуки и окуней сложила в кастрюлю, поставила на печку и стала чистить картошку для ухи. Всё она делала не спеша, тихо. Скоро и на столе воцарился порядок после вчерашнего позднего ужина. Всё получалось у неё споро и как-то незаметно. Сергей только потом замечал, что на столе уже чисто, уха кипит, падаушка румянится у раскрасневшейся печки, чайники поют. Никакой суеты, никаких лишних слов.

— Чай вырра, — тихо сказала Дуся Кузьме по — хантыйски.

Тот неспешно поднялся, взял с полки заварку, всыпал в маленький чайник, отставил в сторону.

Начинался новый день. Сафронычу надоело лежать. Он чувствовал себя отдохнувшим. Это было то редкое теперь утро, когда ничего особо не беспокоило. Так, немного ноет плечо, но ведь вчера поработал.

— Как спалось, деда? — спросил, улыбаясь, Сергей.

— Как дома побывал. Как там погода? Кто-то солнышко обещал, — Сафроныч посмотрел на Сергея.

— Обещал — будет. — Заморозок сегодня, так что погода хорошая и сегодня, и завтра будет, повезло, — подхватил Кузьма.

На пороге Сафроныч поскользнулся, чуть не потерял равновесие, но удержался, прислонившись к открытой двери. Ещё вечером моросил дождик, капало с крыши, а сейчас мокрый порог обледенел, выдыхаемый воздух клубился густым паром. Выкатывалось оранжевое солнце, быстро вытесняя сумерки и заполняя всё пространство золотом света. Где-то издалека доносился разноголосый перелив гусяного крика. Высоко в синеве утреннего неба тянулись неровными клиньями ключи на юг. Гуси перестраивались на ходу: из двух ключей образовались три, затем третий ключ снова начал вытягиваться в одну линию, образовав длинное плечо заднего клина. Неопытная еще молодежь ломала ровные линии. Вот пара-другая резко провалилась вниз, за ними тут же спланировали опытные, сильные птицы, помогли подняться, выстроиться в ряд. Сафроныч даже различал крики о помощи, затем тревожные трубные голоса кинувшихся на подмогу. Потом прозвучала команда, и вожака сменил другой прокладывать путь, прорезая плотный воздух крепкой грудью. Сколько раз сменятся они за длинную дорогу, сколько раз замыкающие поднимут ослабевших птиц, поддержат в пути. «Пока летают гуси — лебеди, человеку есть у кого поучиться добру, заботе, нежности и любви», — подумал старый охотник. Гуси уже пролетели над стойбищем, и Сафроныч, провожая их взглядом, поймал себя на мысли, что даже не вспомнил про ружье. Глаза стали влажными то ли от напряжения, то ли от переполнявших его чувств.

Утренние сборы были недолгими: всё уже приготовлено с вечера. Осталось только перенести упакованные мешки в лодку, завести мотор и, как говорится, «помахать ручкой». Кузьма, наблюдая, как побряхтывает дед, подошел к Сергею: — Намаешься ты с дедом — старый.

— Не беспокойся, всё будет хорошо, не такой он и старый. Вот будет тебе шестьдесят, тогда узнаешь, что не всё ещё потеряно.

— На озера пойдешь к Ленчику, его с собой не бери, — снова напомнил Кузьма, — шибко далеко, умаешь деда.

4

Мотор, действительно, работал ровно и надежно, лодка бежала резво, оставляя за собой вздыбленную струю. Берега летели назад и волна, поднимаемая мотором, облизывала песчаные отмели с одной стороны, упруго ударяла в отвесный обрыв противоположного берега. Гривы сменялись болотами, мелькали старицы то с одной, то с другой стороны. Поднимались вспугнутые утки и, стремительно набирая высоту, скрывались за вершинами безмолвных стройных сосен.

— Далеко еще? — перекрикивая мотор, спрашивал нетерпеливо Сафроныч.

— Два поворота до устья Елки, а там как получится, — Сергей перенял привычку у Кузьмы измерять расстояния по реке «поворотами».

Сафроныч не успел заметить, когда свернули в узкую речушку. Это случилось внезапно: берега просто сомкнулись, и река стала узкой и извилистой. Сначала он раскрыл рот от восторга, еле успевая прятать голову от нависших деревьев. Речка, чуть шире лодки изгибалась серпантином, прорезая болота и гривы. Виртуозно управляя мотором, Сергей закладывал очередной вираж. Лодка резко накренилась то в одну, то в другую сторону. Перед глазами мельтешило. Старый охотник вертел головой до хруста в шее. Ничего подобного он ещё не видел. Теперь он ловил себя на том, что уже думает об обратной дороге, как о чём-то несбыточном. Мельком ему удавалось взглянуть в напряженное лицо Сергея, но заговорить с ним не было никакой возможности. Оставалось полагаться на волю случая. Судьба на этот раз была к охотникам благосклонна. Добрались до места почти без остановок. Только два раза пришлось расчищать завалы ножовкой и топором. Вытаскивая бревна на берег, Сафроныч, в эти минуты, казалось, отдыхал и с тяжелым сердцем снова садился в лодку.

5

Палатку установили в красивом сосновом бору в месте, защищенном высокой гривой с севера.

— В это время преобладают северные ветра, — пояснил Сергей.

— Я на тебя надеюсь, у тебя опыт больше, — старый охотник остался доволен выбором Сергея: позади палатки высокая грива, справа начинался позолоченный березнячок, спереди речка, а слева красивый ковер светло-зеленого ягеля.

— Этот клочок ягеля я объявляю заповедной зоной. Хождение через эту поляну запрещено, — торжественным тоном изрек Сафроныч, очерчивая круг рукой.

— Предложение принято, — в тон ему отвечал Сергей.

Разбив лагерь, поставили сетку в живописной старице, прошлись по песку вдоль нефтепровода.

— Смотри, Сева, следы глухаря.

— Вижу, вижу, — сердце Сафроныча забилося от волнения. На глухарей не охотился уже добрый десяток лет.

— Рядом с палаткой. Вот тебе по утрам место для дежурства. А я завтра пойду в ту сторону, — Сергей махнул на север. — Там озеро огромное есть, хочу гусей посмотреть. До озера далеко, тебе тяжело будет идти. Только ты не обижайся, — добавил Сергей, перехватив укоризненный взгляд друга.

— Я и не обижаюсь. Я ведь не спал утром и слышал, что сказал Кузьма. Я все понимаю. Самое обидное в этом то, что он прав. А что это за история с медведем, что поломал какого-то водителя?

— Это было несколько лет назад, когда строили нефтепровод, тогда нефтяники бесконтрольно охотились, выбивая всё живое. Вахтовикам жалеть местную природу ни к чему: они и их дети живут за тысячи верст отсюда. Друзья шли медленным шагом, и Сергей рассказал Сафронычу историю, которая запомнилась ему своей логичностью и невероятностью.

— Особенно отличались водители вездеходов. Техника под рукой. Круглые сутки в их распоряжении. Не один раз Кузьма встречал их в тайге, выписывающих по ягельникам на газушках. По полсотни глухарей, косачей набивали они за один выезд. Птица технику не боится, особенно весной и осенью. Подъезжай и бей: просто..., много ума не надо. На замечания они в лучшем случае отшучивались: мол, птицы много, всем хватит.

— Всё кончается, всё имеет конец, — говорил им Кузьма, — природа вам отомстит. Наши боги не любят жадных.

— Ты что, пугаешь нас? — спрашивал водитель газушки.

— Нет, зачем пугать, сам посмотришь, Бог есть, — коротко отвечал Кузьма.

Настреляют они птицы, приедут в свои вагончики, приготовят пару глухарей, закусят. Ещё пару-другую на водку сменяют. А остальные куда девать? Выбрасывают на помойку рядом с туалетом. Потом снова стреляют. Ну и привлекли они внимание мишки протухшей птицей. По весне медведь ищет, где бы полакомится чем-нибудь. Бывает, оленя другого завалит, а тут... Несколько дней ходил медведь вокруг вагончиков, боясь приблизиться. Отпугивают запахи солярки, дыма, но голод не тетка. Потрошит он как-то птицу, а в это время тот водитель по нужде пошёл, и попал прямо в лапы мишке.

— Вот и думай, — говорил Кузьма, — наказал за жадность.

Сергей замолчал, посмотрел на север, куда собирался завтра.

— И это тот медведь, что задрал нынче оленей у Ленчика?

— Так ты и это слышал?

— Ну, не глухой же я, говорю, что не спал.

— Да это он. Кузьма его отличает по следу: у него одного пальца не хватает на правой передней лапе. Он и раньше пакостил: у Димки прошлым летом пятерых оленей задрал.

— Ты там смотри, — поосторожнее.

6

Наутро Сергей ушёл рано. Сафроныч не спеша пил чай и смотрел на заповедный клочок ягеля. Ствол давно упавшей сосны порос ярко-зелёным мхом и брусничником, разделяя поляну на две равные части. Брусника, наливаясь за короткое и скупое на солнце северное лето, склонила свои рубиновые гроздья. Старому охотнику захотелось подойти и сорвать ягоды, но он вспомнил о запрете, им же наложенном, и улыбнулся. По-стариковски покряхтывая, он медленно встал, закинул на плечо ружье. Через неширокую речушку перешел по огромному стволу старого кедра, балансируя ружьем. Поднимаясь на высокий берег, он внезапно увидел глухаря, вышагивающего по белесому песку. Старый

охотник прижался к земле и замер. Приподнявшись над травой, он долго наблюдал, как огромная птица, высматривая камешки, смешно по-куриному вертела головой. Время от времени, вытягивая шею, глухарь проглатывал очередной камешек, подставляя свою бороду лёгкому ветерку, и настороженно оглядывался по сторонам. Вороное перо на крутой груди и шее отливало зеленью в косых лучах восходящего солнца.

— Старый глухарь, — подумал охотник, — встретились два старика. Встретились две осени.

Вдруг глухарь остановился и повернул в сторону охотника бородастую голову. Показалось, что он заметил его. Сафронычу даже почудилось, что они встретились глазами и смотрят друг на друга. Глухарь настороженно вытянулся, быстро разбежался и мощными взмахами могучих крыльев разрезал осенний воздух. Его полёт над речкой до самого поворота провожал взглядом Сафроныч, любясь его силой и стремительностью. Только теперь он вспомнил про свою двустволку. Он не жалел, что не стрелял. Напротив, в груди потеплело, глаза заволокла слеза, резкости не стало, и Сафроныч потерял глухаря из виду. Только на высоком берегу старый охотник начал различать окружающее. Он сел на поваленное дерево, протер глаза и огляделся вокруг. Ярко жёлтые березки, вбирая утреннее солнце, отражались в ровной глади спокойной заводи. Запутавшаяся щука в выставленной вчера сети, распространяя круги, морщила отражение. Очень высоко над головой огромными ключами тянули гуси в сторону полуденного солнца. Вот он тот душевный покой, вот то равновесие, те минуты блаженства и тихой радости, что приходят в последнее время так редко. Сафроныч притащил несколько сухих хлыстов, постелил на них плащ, удобно улёгся и тут же уснул. Сон его был спокоен и лёгок. Ему ничего не снилось, он словно провалился в бездну, в небытие.

Сергей вернулся поздно. Видно, что ходил много: вспотевший, с осунувшимся лицом, он жадно пил чай, ел приготовленную другом падаушку и рассказывал о свои впечатлениях.

— Хотел на озера пройти. Там гусь по осени останавливается, но сил не хватило. По весне туда ходил, но то по насту, а теперь... Ноги по колену тонут. След мишки нашёл. Тот самый. Старый след, нет его здесь. Он уже ближе к своей берлоге держится на высоких местах. Глухаря вспугнул... А у тебя как? Видел, что-нибудь?

— Гуси высоко пролетали, сети проверил: три щуки поймались, — Всеволод Сафронович зачем-то стал шевелить головёшки в костре. Ему сейчас не хотелось говорить об утренней встрече. Костёр сначала сыпанул искрами в темнеющее небо, затем вспыхнул с новой силой. Друзья смотрели на огонь молча. Короткий осенний день заканчивался, в тёмном небе с севера беспрерывно наплывали низкие тучи.

Утренняя прохлада выгнала охотников из спальных мешков. Развели огонь приготовленным про запас смолем и, пританцовывая, грелись, вытягивая руки к костру. Костер разгорался нехотя, дым крутило

и невозможно было найти удобного места. Чайник скрипуче попискивал, указывая на изменение погоды. За ночь ягель присыпало снежком. Всё вокруг преобразилось: ивняк контрастно выделялся на темном фоне противоположного берега заиндевевыми ветками, тонкие плети берез согнулись под тяжестью снега, налипшего на желтых листьях, зелёный мох поседел. Даже гроздья брусники прикрылись белым пухом.

Сафроныч, проводив друга взглядом вдоль золотистого березняка, налил в кружку чаю. Он верил в приметы и делал всё, как вчера утром. Полюбовался «заповедником», прибрался на импровизированном столе, вымыл кружки, покряхтывая, встал, забросил ружье на левое плечо, как вчера. Через реку перебирался осторожно, скользя сапогами по заиндевевому стволу. Также неожиданно, как и вчера, появился глухарь. Он топтался на том же месте, высматривая блестящие камешки. Снег на песке лежал пятнами, и старый охотник наблюдал, как эта важная птица, бегом пробежав по снегу, останавливалась на песке и внимательно шаг за шагом всматривалась себе под ноги, затем снова бегом через снег. Глухарь ходил то кругами, то уходил вверх по прямой, затем снова возвращался. На облюбованное место — небольшой бугорок над речкой, он возвращался уже третий раз. Ружье лежало на коленях. Сафроныч привычно левой рукой смахнул песок с планки прицела, но скидывать ружье не спешил. Его пленило умиротворение, сердце работало ритмично и спокойно, как на диване у телевизора; им не овладел тот азарт, что заставляет охотника бежать без устали по следу, стрелять влёт, или по бегущему зверю, когда силы удваиваются, когда ничего не замечается вокруг — только цель. Старый глухарь, вдоволь набегавшись, спокойно и важно вышагивая, направился в сосновый бор и больше на пески не вышел. Сафроныч внутренне обрадовался этому обстоятельству, встал и побрел вдоль реки.

За поворотом берег становился ниже, и густые заросли черёмухи давали надежду на то, что здесь водятся рябчики. На манок тут же ответили сразу две птицы, тщательно выводя коленца своей песни. Едва ступив в заросли, старый охотник вспугнул доверчивых рябков. Рябчики вспорхнули, и едва поднявшись в рост человека, уселись на изогнутую луком черемушную стволину. Два серых комочка, две беззащитные души. Казалось, их мало волновало присутствие человека. Замерло сердце охотника. Он остановился, прислонился к сухаре. Слившись воедино с древним замшелым стволом, почувствовал, как потеплело в груди. До его обостренного слуха донеслось легкое шуршание: самец пробежал по мерзлой стволине, мелко перебирая лапками. Он поворачивал чубатую голову в сторону своей подружки, приглашая полакомиться черной черемухой, что нависала неполными гроздьями. Сафроныч смотрел спокойно, едва улыбаясь той, как он считал глуповатой улыбкой, что иногда ложилась на его уста в минуты умиления. Правая рука самопроизвольно гладила стволы старой двустволки. Петушок потоптался на месте, теряя терпение, вытянул шею и затынул свою песню — тонкую и тягучую. Где-то в стороне ему ответила курочка. Подружка, почуяв неладное, тут же поспешила принять приглашение кавалера: короткий перелет и она уже рядом.

— Так то вот лучше, испугалась соперницу? — Сафроныч оттолкнулся от лесины и побрел в сторону палатки.

Сегодня Сергей вернулся еще позже: уже по темну, принес косача. — Утром в твою сторону вместе пойдем. На старицу. Там утки должны быть, — сказал Сергей. Сафроныч заволновался. Он по-прежнему ничего не говорил про свои утренние встречи. Завтра всё решится.

Ночью сон не шел. Глаза таращились в пустоту. Темнота была осязаемой, имела густоту, и Сафронычу казалось, протяни он руку, сможет её сжать в кулак, разогнать одним взмахом. Глаза, что открытые, что закрытые, вязли в этой тягучей темноте осенней прохладной ночи. Будто огромная птица накрыла чёрными крыльями всё вокруг, и свет исчез навсегда. Воздуху не хватало. Сафроныч на ощупь достал из кармана рюкзак валидол...

Старый охотник проснулся рано, до рассвета. Тихонько выполз из палатки, быстро развёл костёр, вскипятил чай. Пил долго, непрерывно смотрел на огонь и, казалось, ни о чём не думал. Потом резко встал, бросил на левое плечо ружье и, быстрым шагом направился к берегу. Через речку перешёл ровным шагом, ни разу не пошатнувшись. Глухаря еще не было. Сафроныч удобно устроился в своём скрадке и стал ждать. Он ни на минуту не сомневался, что глухарь появится. Напряжённо всматриваясь в сереющие вершины сосен и кедров, он ждал. Любой звук вызывал сердцебиение. Ружье лежало в сильных руках как литое, как продолжение самого охотника, как единое с ним целое. Серое небо, серый песок, серая вода в реке. Нет красок, нет звуков. Тишина. О такой тишине говорят — гробовая. Что за глухие удары? Бух, бух, бух! Сафроныч потёр виски руками, потом лицо, оно обдало жаром прохладные ладони. Ещё секунду назад на сосне никого не было. Силуэт глухаря ясно вырисовывался на самом высоком дереве. Глухарь наклонял голову, щипая хвою. Далеко. Ждать. Ждать Сафроныч умел. Сколько раз он сидел часами в скрадках на утку, гуся, да и на глухаря. Он знал его повадки, знал, что тот поклюёт хвоя и обязательно сядет на песок. Слово гипнотизируя птицу, охотник не сводил с неё глаз. Вот она, расправив крылья, планирует вниз. Глухарь приземлился на свой любимый песчаный холмик и огляделся по сторонам. Он заметил своего старого знакомого, глянул своим острым глазом в черную бездну стволов, затем чёрные провалы сместились в сторону, и из них в то же мгновение вырвался ярко-красный сноп огня. Крылья мгновенно сами обняли воздух, крепкие ноги оттолкнули твердь земли. Внизу потянулась синяя лента знакомого до каждой заводинки ручья.

Необычно громкий выстрел оглушил Сафроныча. Вода в тихом омуте словно вздыбилась кучным снопом. Круги быстро поглотились еле заметным водоворотом. Далеко за поворотом, поднимаясь выше кедров, стремительно набирал скорость глухарь. Сердце колотило своими тугими мышечными стенками по реберной решетке, которая уже шестьдесят лет держала его в своём плену. Звуки его биения торопливым бубном разносились по сосновому бору, доходили до стены тёмного кедрача на том берегу; эхо разносилось по речке, отражаясь мелкой

зыбью от стоячей воды тёмного омута. Запах тайги, речки, серого неба сгустился, сконцентрировался в одну неприятную болотную вонь.

Сафроныч лежал на влажном песке, прижавшись небритым лицом к сырой кочке. Перед самым носом росла осока. Шурша своими жесткими листьями, она цеплялась мельчайшими щетинками за нос, щеку, подбородок. Шевелиться не хотелось. В ушах ещё звенел выстрел. Он повернулся на спину и долго смотрел на появляющиеся прорехи в сером небе. С востока наплывала чистая голубизна, редко помеченная белыми, быстро плывущими облаками. Переменчивая осень меняла серое покрывало на яркий пятнистый наряд. Словно радуясь таким переменам, враз взорвалось птичье многоголосье.

— Ты стрелял, или мне приснилось? — Сергей еще не выходил из палатки.

— Стрелял. Глухаря стрелял... промазал, — в голосе друга не чувствовалось досады.

— Что так весело?

— Потому, что действительно хорошо, черт возьми, — и он рассказал Сергею про свои утренние встречи, и как отвел стволы в последний момент. Сергей смотрел на своего друга, увлеченно размахивавшего руками, видел его радостное лицо, повлажневшие глаза и улыбался.

— Я ведь вчера тоже капалуху встретил — не стал стрелять. Лезет, дура, прямо на стволы. Дважды её встречал. Тебе стеснялся рассказать.

Шестидесятилетний юбилей Всеволода Сафроновича праздновали в ноябре. Собралось много народу, и юбиляр взахлёб рассказывал о недавней охоте, показывал снимки, восторженно живописал красоты тамошних мест, рассказывал о необыкновенно вкусном чае, заправленном ветками местной смородины, о заповедном уголке у палатки. Гордился, что выдержал испытания холодом, вынес немалые нагрузки. Гости слушали его рассказ, переспрашивали названия рек, уточняли, как готовится падаюшка. Юбиляр был, как говорится, на коне. Женщины тепло смотрели на Людмилу. Мужчины, естественно, по доброму завидовали имениннику. Еще бы!

На стене висело ружьё, обклеенное прямо по обоям, фотографиями недавней охоты. Сафроныч тыкал пальцем в осенние пейзажи, шурил добрые глаза, по-детски улыбаясь во всё своё круглое лицо. Сергей смотрел на расчехленное ружьё, на счастливые глаза своего друга и всё понимал. Он хорошо знал его.

— Ружьё почему не в сейфе? Нарушаем, — игриво спросил он, улучшив момент.

— Это уже не ружьё — исторический экспонат. Я бойки вытащил. Всё! Оно своё отстреляло.

— Самым удачным выстрелом был последний?

— Да!

— За твою золотую юбилейную осень!

Веселый перезвон бокалов перерастал в птичий перелив над Елкой речкой в шелест осенней листвы. Из этого многоголосья явственно выделялись резкие хлопки могучих крыльев ЕГО глухаря.

Игорь СЕВЕРСКИЙ

Плач

Над рекой, на крутояре
Одинокая береза.
По весне, на этом месте
Слышно пение капли.
Под березой — холм могильный.
Каска с красною звездою.
И лишь только пригревает
В полдень мартовское солнце,
Как жена о павшем муже
Плачет старая береза.
Той военною порою
Здесь на этом крутояре,
Насмерть полк стоял стрелковый.
И невестушкой своею
Звал березу парень русский.
Но зазубренный осколок
От фашистского снаряда
Грудь его пробил навывлет
И застрял в стволе белесом.
Так они и повенчались...
Смертью, вражеским осколком
Их судьба соединила.
И как только пригревает

СЕВЕРСКИЙ (КИРИЛЛОВ) Игорь Викторович родился в 1954 году в г. Красный Луч Ворошиловградской области. Автор сборников стихов «Письмена», «Фрески». Лауреат творческого конкурса Ханты-Мансийского отделения Союза писателей России в номинации «Очерк». Заслуженный работник культуры ХМАО-Югры. Почетный член городского литературного объединения «Замысел» Нижневартовска. Член Союза журналистов России. Член Союза российских писателей. Живет в Нефтеюганском районе.

В полдень мартовское солнце
Как жена о павшем муже
Плачет старая береза...

К жизни

Эти свадебные сани,
Две дорожки параллельно.
Я с любимой – ветер с нами.
Щёки милые алеют.
У моей любимой ножки
В шубу кутаны соболью.
Мчатся свадебные сани
В чистом поле,
В чистом поле.
У моей любимой очи,
Будь-то кто светёлку вымыл,
Да зажжёт огонь в камине, –
Переливами играют.
Никого на белом свете,
Только я да ветер вольный,
Да любимая со мною.
А очнись, в окно стучится
Дождь осенний и холодный,
Госпитальная палата,
В занавесках серых окна...
Кто-то рядом тихо стонет,
Кто сквозь стоны шлёт проклятья...
Ну, а где-то, в чистом поле
Сани свадебные катят.

Босиком

Босиком по воде,
По земле,
По траве...
По опавшей листве,
По ребячьей судьбе.
По болотам за ягодой,
По камышам
Пробегают погодки –
Три крепыша.
А потом –
В том далёком сорок втором,
Их по снегу вели
На расстрел.
Босиком.

Валентин ОВСЯННИКОВ-ЗАЯРСКИЙ

Что значит Родина

Что значит Родина для каждого из нас?
Да всё на свете. Всё до основания!
Мы, вспоминая трудный в жизни час,
И там находим чувственность признанья.

С родным порогом многое роднит,
Мы помним голос матери любимой.
Волной святой обдал нас малахит,
Полей раздольных и неповторимых.

Потом, потом нас жизнь вдаль унесёт,
Забыв о том, что в детстве так роднило,
Постигнем мы трудов своих почёт,
Запомним то, как часто нас штормило.

Теперь у нас есть Родина одна,
Её сердцами трепетно взрастили,
Она всем смыслом, разумом дана,
Мы для неё сердца свои открыли!

ОВСЯННИКОВ-ЗАЯРСКИЙ (ОВСЯННИКОВ) Валентин Петрович родился в 1934 году в г. Волноваха Донецкой области. Автор поэмы «Хатынь», многих сборников «Стихи, рожденные жизнью», «Город моей судьбы», «Молодые таланты Нижневартовска», «Город, шагающий в тайгу» ... Лауреат премии им. В. И. Муравленко, литературной премии «Урал промышленный — Урал Полярный». Председатель Совета ветеранов войны и труда. Член Союза российских писателей. Живет в Нижневартовске.

Лейла АБАСОВА

Кунак¹

Не из томов о бытности кумыков,²
Из уст в уста, от сердца к сердцу в нас
Живёт обычай, в пору ту возник он,
Когда лишь гор законы знал Кавказ.

Обычай давний, как отвесы скал:
Любого с уваженьем принимать,
Будь это путник, кто в пути устал,
Или уздень,³ ты мог его не знать.

И цель визита вовсе не при чём,
Хозяин встретит радостно, без лести,
«Спасибо, — скажет, — что вошёл в мой дом»,
Уважить кунака считалось честью!

И снова бурки белоснежные одели
Вершины гор, не страшен холод им,
Прогонят скоро вьюгу птичьих трели,
Готовится Кавказ, уж снова, стать седым.

¹ Кунак — гость

² Кумыки — тюркоязычный народ, один из коренных народов Дагестана.

³ Уздень — лицо, принадлежавшее к феодальному дворянству Дагестана.

АБАСОВА Лейла Пазировна родилась в городе Махачкале. Стихи опубликованы в коллективных сборниках и альманахах. Призёр городских литературных конкурсов. Живёт в Нижневартовске.

Давайте же, в природной круговерти
Не растеряем бытность, свой уклад,
А в нашем доме и сейчас, поверьте,
Любому гостю каждый будет рад!

Я вновь в его плену...

На плазме ночи трепетной улыбкой
Мне светит юный месяц — ободок луны,
В глубокой мгле его свечение зыбко,
Спешат его завесить тучи — валуны.
Ликует мрак теней, окутав мысли,
Холодными руками давит грудь, —
«Зачем вы, тучи, надо мной повисли?
Разлив чернила, в чём нашли вы суть?»
Бродяга-ветер, ты не из пугливых,
Развей убогих мыслей пелену.
Уже, толкаясь, тучи ходят мимо,
Мне улыбнулся месяц, я вновь в его плену...

Судьбу благодарю

Ропщу я на судьбу, строга ко мне не в меру,
Упрямо чертит линию пути,
Огнём страстей испытывая веру,
Заставит потерять, чтоб снова обрести.
То в спринт, то в марафон меня отправит,
Забавы ради, не со зла конечно,
То невзначай обидою отравит,
Рисуя лабиринт во тьме кромешной.
Судьба — калейдоскоп меняет краски живо,
То с лёгкостью подбросит к небесам,
То в омут позовёт, мне улыбаясь лживо,
Не бесконечен путь у жизни колеса...
Конец за поворотом, возможно, я не знаю,
Но солнце ещё дарит мне алую зарю,
Живу, тружусь, люблю, на Бога уповаю,
За это я судьбу благодарю!

Валентин АВДЕЕВ

Война моего брата Петра

В 1941 году мне исполнилось двенадцать, когда 22 июня, сразу после обеда нам, трём подросткам, было поручено объехать на конях все поля и сообщить работающим страшную весть — о нападении фашистской Германии на нашу Родину. К вечеру мужики, собранные в бригадной конторке, узнали о срочной мобилизации, а утром следующего дня им предстояло отправиться на фронт.

Хутор гудел. Отовсюду доносился плач и рёв. Причитания, словно на похоронах, да мольбы и просьбы к богу, сохранить кормильцев. От суматошных мыслей в голове казалось, происходит что-то невообразимое, словно близко приближение конца света. Из домовых труб затянулись змейкой до небес сизые дымы. Бабы готовили мужей в дальнюю дорогу.

Я запомнил светлую лунную ночь со сладостным запахом созревающего в печах хлеба. Вкус его был незабываемым. Из станицы Терновской, что в трех километрах доносился тревожный звон колоколов.

Ранним утром, уже с поющими петухами пять подвод с запряженными лошадьми уже стояли посреди улицы хутора. Военный, прибывший из района, вызывал по списку мобилизованных. И те, пыхтя самокрутками, рассаживались по подводам.

Как только обоз тронулся, раздались доселе не слышанные крики, голосили женщины, дети. Ревел скот, выли собаки. Бабы хватались за мужиков, цеплялись руками за спицы деревянных колес телеги. Поднялась густая дорожная пыль от обоза, уходящего куда-то в неведомое...

АВДЕЕВ Валентин Васильевич родился в 1943 году в совхозе Кубанский Новопокровского района Краснодарского края. Окончил Калининскую школу милиции. Стихи опубликованы в коллективных сборниках и альманахах. Живет в Нижневартовске.

Чем дальше обоз удалялся, тем становилось невыносимее от неизвестности, только слышались всхлипывания расхोдившихся по хатам провожающих.

Отец наш первое время оставлен был по брони. К тому времени нас в семье уже насчитывалось пятеро: три брата и две сестры. Кормилец наш ушёл на фронт весной 1942 года. Проводили мы его, как и положено, с почестями и причитаниями родных.

Июль 1942 года. Помню, в селе гутарили, будто сдан фашистам Ростов на Дону. Враг двинул войска южного направления на Сталинград. От этого ничего хорошего ждать не приходилось. Нам, подросткам, и всем оставшимся на селе, была дана команда сжечь необрунный с полей урожай, а оставшееся зерно разобрать по дворам, спрятать, чтобы сберечь до будущего посева.

Вскоре на Ровненский деревянный элеватор с зерном и разной продукцией налетели вражеские самолеты и кружась веером, разбомбили его. Там же была уничтожена советская зенитная батарея, которая отражала атаку немцев.

После налета на элеватор некоторые хуторские мальчишки, побывав там, умудрились принести домой листовки, сброшенные фашистскими летчиками. Мама же, запретила мне туда даже ногой ступить, и пригрозила: — не дай Бог!

С августа и все последующие месяцы нарастали воздушные бои: участились потери самолетов с обеих сторон. Советских летчиков, как нам казалось, сбивали чаще. Различить где советские, а где фашистские, было нетрудно по знакам на крыльях самолетов и хвостовым подкрылкам.

Денисенко Женька, Виктор Коломийцев и я, наблюдая за воздушным боем, видели, как однажды был подбит наш истребитель. Из него отделились три падающих черные точки. У двух раскрылись парашюты, а третий падал без парашюта в поле, в пределах нашей видимости. Те, у которых раскрылись парашюты, оказывается, уже погибли в воздухе от пуль мессеров. Каково было наше удивление, когда подбежав к огромному стогу сена, мы заметили стонавшего летчика. На подмогу нам, мальчишкам подоспели хуторяне, чтобы донести раненого до хаты. На следующий день приехали из авиаполка. Полковник, вытирая глаза рукой, сожалея о погибших, рассказал, что это был один из лучших экипажей.

Второй случай с истребителем произошел уже перед появлением фашистов в нашем хуторе. Что там случилось неизвестно, но только пришлось сделать аварийную посадку недалеко от нашей хаты, в зарослях густого камыша. Когда мы, мальчишки, подбежали, молодой летчик встретил нас настороженно, но потом попросил помочь, и мы с лихвой накопили и наломали камышей, чтобы укрыть самолет от фашистов. Вскоре приехавшие военные быстро завершили ремонт, и летчик, попрощавшись с нами, поднял истребитель высоко в небо.

Через несколько дней на дорогах появились колонны немецкой техники, тархтели мотоциклы, которыми управляли немцы с засученными

по локоть рукавами, завершала колонну многочисленная немецкая пехота. Двигаясь на Сталинград, немцы выглядели победителями.

В один из таких дней, когда снова появилась на хуторской дороге пехотная колонна немцев, я с дедом Денисенко, который только что успел набрать ведро воды, как вкопанные стояли у колодца. Из колонны отделился старший по званию солдат и, подбегая к нам, опрокинул ведро воды на себя, а глотнув воду, на ломанном русском языке прошептал, глядя на деда: «Гитлер капут». Мы недоуменно глянули друг на друга, эти слова запомнились надолго. После, мы впервые узнали, кто такие антифашисты.

Ненависть к захватчикам в наших сердцах нарастала. Это чувство, уже не скрывая друг от друга, росло в душах хуторян. Вскоре немцы вошли в село. Подразделение расквартировали по 4–5 человек в наши хаты и бараки. Деда Поливина из хуторских назначили старостой, кстати, после войны он был приговорен к расстрелу, но затем приговор был заменен 10 годами каторги, там он и умер. Поливин не был ревностным служителем, но при этом, старался ни хуторским, ни немцам что у него на душе, не показывать. Видимо, немцам было не до него, но всё равно, в нашей мальчишечьей тройке росли патриотические чувства против врагов, мы делали всё что могли, чтобы отомстить за родину.

На очередной явке решили устроить самосуд поливинскому псу Дунаю. Топор принёс я, Женька притащил в кирзовой сумке верёвку. Так что, задуманное разложили на троих. Заманили пса кусочками хлеба в лесополосу, обвязали морду чтобы не покусал, и — отрубили половину пушистого хвоста. Пес жалобно скулил, но мы вынесли ему строгий приговор. Нас вычислили, поскольку мы были очень заметны в своей неразлучной дружбе. Но мы все остались живы и много лет спустя при встречах шутя, вспоминаем, не отмеченный государством наш геройский поступок против оккупантов. Тем самым, мы внесли свою лепту в разгром фашистов под Сталинградом.

Однако было в то время не до смеха. Как-то однажды немцы вместе с полициями собрали всех жителей хутора в бригадную контору, где фриц на ломанном немецко-русском языке расспрашивал каждого, за что наказали пса. Мы, мальчишки словно сговорились, и указывали, что поливинский пес не всегда был на привязи, а это в хуторе не приветствовалось, поскольку он очень злой и часто бросался на проходящих мимо двора хуторян. Затем согнали всех старых и малых жителей у журавлиного столба колодца. Мама, две сестры и два брата, как и все хуторяне заголосили. Женщины крестились, прося пощады. Около двух десятков присутствующих немцев веселились, показывая пальцами на нас, мальцов.

По приказанию офицера, по одному — вначале Женька, снимал с себя трусы, оголяя задницу, затем все по очереди, — и вождями староста Поливин отпустил каждому из нас по десять назначенных ударов.

Мамы более месяца делали марлевые примочки, выхаживая нас. Уже в мирное время, мы узнали, что якобы захватчикам дано было указание особо не обижать население Кубани, Дона и Ставрополя.

Однажды даже один из немцев угостил меня кашей из котелка. А вот старшая на два года сестра Мария отказалась от еды, и немец, не взглянув на неё, выпустил очередь из автомата в воздух, и выбросил остатки каши из котелка собаке.

Подступали холода. Уже в конце ноября лежал снег, чего в прежние годы не было. Немцы стали заметно проявлять друг к другу и хуторянам нервозность. В небе, а мы, пацанята, за ним особо следили из густых терновников за хутором, заметили, что наши ястребки, мы так их называли, имели превосходство по количеству сбитых немецких самолетов. Бабы шептались, что со стороны Кавказа проходили уже «не первой свежести», а хорошо побитые нашими немецкие и румынские дивизии.

Зима наступила суровая. Морозы случились, как узнали мы из разговоров пожилых людей, а термометров на хуторе было не сыскать, какие не встречались прежде. В то же время, не проходило и часа, чтобы в небе не бились наши самолеты с фашистскими. Ох и давали они им жару! Перед началом февраля 43 го-года со стороны Сталинграда повалили пленные, различные, попавшие в окружения немецкие части. Если бы сегодняшняя молодежь, да и ты брат, — это он мне, младшему говорит, — видели бы это, то могли бы сказать, из фильма одесского оперативника: «Картина маслом»!..

Все хуторское население избегало встреч с немцами. Знали о разгроме не только мы, мальчишки. Однако, в один из январских дней, на окраине хутора, у конюшни остановилась фашистская легковая машина. Раздались глухие выстрелы из пистолетов. Слышался лошадиный храп, ржанье, и битье копыт о земляной пол.

Наша тройка вмиг оценила обстановку и вошла на небольшой конюшенный чердак, предназначенный в свое время для лошадиной амуниции. В базу, что из длинных жердей, примыкавших к конюшне, находились три пары волов. Это уже мы видели через щели прогнившей крыши. Четыре немецких офицера стали с остервенением расстреливать животных. Водитель машины прокричал что-то, видимо, торопя их, и спрятав в кобуры оружие, они быстро уехали. Мы слезли вниз, и — каково было наше изумление: насчитали мертвых тринадцать лошадей. Фашисты стреляли в морды лошадей — меж ноздрей. Ненависти нашей не было предела. Всех лошадей хуторяне знали по именам. Старые люди похоронили убитых животных. Хотя голод был неимоверный, — никто из хуторян не решился попросить мяса, — лошадям отдали почести.

На фронте шло медленное, но решительное наступление. Фашисты, потеряв двадцать две дивизии под Сталинградом, с тяжелыми боями вынуждены были отступить.

Кубанский хуторок у станции Ровное под оккупантами находился около семи месяцев, пережили всё: и голод, и холод, и страх, и смерти односельчан. После отхода фашистского фронта, подростки, старики и все кто мог что-то делать, приступили к подготовке посевной, к уборке полей для нового урожая. Наша дружеская тройка, возраст которой приравнялся к трудоспособному, работала «в поте лица». Я сел

за руль единственного тогда колёсного трактора, а исполнилось мне тринадцать лет.

...С войны не вернулась третья часть ушедших на фронт хуторян. Отец возвратился осенью 1945 года. Осколки в ногах проносил до конца своей жизни.

Когда я, Петр отслужил на Балтийском флоте пять лет и пришёл домой, нас в семье всех вместе было тринадцать детей.

P.S. Сегодня у брата Петра 85-летний юбилей. Все наши многочисленные семьи дружны. У него четверо детей, много внуков и правнуков. Всю жизнь старший брат вел здоровый образ жизни. Известный на Кубани хлебороб. Ветеран труда и тыла. Имеет медали, одна из них «За доблестный труд». Я преклоняюсь перед братом. Живите славно, мои родные, низкий вам поклон.

Валерий АКИМОВ

Штурм

«Свою науку побеждать
Мы познавали под Москвою,
Начав страну освобождать.
С патриотическим настроем.

Без маскхалатов, не тайком —
Тогда и сумерки не пали,
Двумя колоннами, гуськом
На Бобрик-Гору наступали.

Пускай прошло немало лет,
Не забываются те роты,
Глубокий снег и шаг след в след,
Как сверху били пулемёты,

Гася наш воинский порыв,
Но прибавляя сил уставшим...
И третий делался вторым
И становился первый павшим.

Мы не любили трескотни,
Но чтоб в потомках воскресали,
Свои фамилии в те дни
Навек в историю вписали».

АКИМОВ Валерий Юрьевич родился в 1949 году в г. Новомосковске Тульской области. Автор многих поэтических сборников стихов, в их числе «Полоса отчуждения», «День Победы», «Сочельник», «Поэзия жизни», «Не только нефть на Самотлоре», «Равнение — на героев». Стихи представлены в хрестоматии «Страна без границ» в «Антологии поэзии Югры». Лауреат творческого конкурса ТНК-ВР. Присвоено звание «Почётный нефтяник». Живет в Нижневартовске.

Преображение

Загадав себе желанье,
Спит седая старина...
Как в шамановом камланье,
Самотлорская волна

Плещет ветру-непоседе.
Ширь — куда ни бросить взор.
Словно рыканье медведя,
Надрывается мотор

И везёт людей трудиться.
Фары чертят небосвод.
Созидатели традиций
Тут — уже который год.

Светлячками серых буден
Огоньки на буровой...
И луна висит, как бубен,
В искрах звёзд над головой.

Самотлорские ночи

Вдохновитель стольких песен,
Горд рабочими плечами.
Город наш ещё известен
Самотлорскими ночами.

Не для Ялты или Сочи
Мы наряды одевали
И, не спав все эти ночи,
Проводили фестивали.

Танцевали до рассвета,
Песни слушали и пели,
Оставляли в сердце мету
Развесёлые недели.

Жизнь историю слагала
И с годами не забыто,
Как искусство помогало
В неустроенности быта.

Нам возможности давали
От работы забываться.
Вспоминаю фестивали —
И опять мне лишь за двадцать!

Татьяна БУТНИК

Когда поются песни

Сидя на низенькой деревянной скамеечке, деда Ваня убирал с грядки морковь и потихоньку пел. Выдёргивал из земли, обрезал ботву, аккуратно складывал в ведро и относил в гараж, в котором теперь сушили овощи. И всё время пел.

Из тех, у кого за плечами восемьдесят пять мало найдется желающих петь песни. Может быть, эта привычка осталась у деда с молодости, когда часто собирались в доме большими компаниями по праздникам. Почти у каждого была своя песня и своё время исполнения. Громко, вдохновенно пел он в молодости, проезжая на мотоцикле по любимым, с детства знакомым проселочным дорожкам.

Вот только память стала подводить. Иногда строка из песни выветится в памяти ночью, когда цепко пристанет старуха-бессонница. Одна строчка — и ни назад, ни вперед! Вот мука-то! Утром, бывает, выстроится в памяти целый куплет, а то и вся песня. Но чаще деда Ваня шёл к жене, вдвоём легче вспоминать. Как говорится, голова — хорошо, а две лучше. Но случалось, что воскрешённые в памяти одна-две строчки из забытой песни так и сидели в голове мучительной незавершенностью пока их не затмит новое воспоминание, подброшенное всё той же бессонницей.

На рыбалке он не пел. Нельзя шуметь на берегу. Рыба не любит. Ему нравится наблюдать, как по вечерней тихой воде пруда, что находится сразу за огородом, расходятся круги, большие и маленькие. Мальки играют. Это почему-то напоминает ему фейерверк. Весной на пруду развлекают водомерки. Станут на задние лапки, попарно, и кружатся на поверхности воды, словно вальс танцуют.

БУТНИК Татьяна Ивановна родилась в с. Коптилово Казанского района Тюменской области. Автор книги «Нашептали сказку травы», «Живет в лесу сказка». Проза опубликована в коллективных сборниках и альманахах. Живет в Нижневартовске.

Занятно. Но это весной. А сейчас осень. Надо убирать морковь. А песни — что? Песни, как годы. Сколько их пето-перепето за восемьдесят пять-то лет!

Над пустеющими морковными грядками разносится бодрое:

*Взвейтесь кострами синие ночи.
Мы пионеры, дети рабочих.
Близится эра светлых годов.
Клич пионеров — всегда будь готов!*

Деда Ваня, всегда был готов работать не покладая рук, трудиться через «не могу», если надо. Достался ему и тяжелый труд в колхозе, когда «всем миром» сено косили и хлеб убирали. И — не менее трудный от сознания ответственности труд сельского учителя. Он и детей так учил: работать, так работать! Своих троих вырастил, и к чужим как к своим относился, работая в школе. Многие из его учеников до сих пор навещают, приезжая в деревню к родственникам.

Вот уже всем известная «Катюша» бодро понеслась над осенними березами, к высоким тополям. Взлетела выше крыши дома, который он построил своими руками, и прожил в нём всю жизнь, и детей вырастил.

А за нею вслед — всепобеждающая «По долинам и по взгорьям», и «Тачанка-ростовчанка» приударила следом.

Устав от бравурности или от очередного ведра унесенной в гараж моркови, он запел ласково, размеренно:

*Пой, моя хорошая, жито в поле скошено.
Перед домом вечером тишь да благодать.
На дворе прохлада, на душе отрада.
И слова хорошие хочется сказать!*

А потом вместе с размашистой рекрутской песней, которую когда-то любил петь его отец, потомственный крестьянин, фронтовик, склонив седую голову к гармошке-трехрядке, охватила всё подворье старина:

*Последний нонешной денечек гуляю с вами я, друзья!
А завтра утром, чуть светочек, заплачет вся моя родня!*

Короткое молчание и снова смена настроения:

*Капитан, капитан, улыбнитесь,
Ведь улыбка — это флаг корабля!*

Но вот он, русский дед, вдруг запел на украинском языке, чисто-чисто выводя труднейшую мелодию песни, выученную ещё в армии, в то незабываемое время, когда вместе с ним служило много ребят из Украины:

*Стоит гора высокая,
Попид горою гай, гай.
Зеленый гай, густэсенький,
Нэначе справди рай!*

Голос задрожал, как всегда, подвел на последнем куплете этой мучительно душевной песни:

*А молодисть не вэзнеться,
Не вэзнеться вона!*

Заскрипела скамеечка. Дед поднялся. Слегка согнувшись в пояснице, подошел к калине, усыпанной алыми гроздьями. Какая вымахала, выше бани! Сорвал несколько спелых ягод с плоской твердой косточкой в серединке, бросил в рот. Горечь от них, наконец, помогла проглотить комок, что застрял в горле на последних строчках песни.

От калины потихонечку протопал в другой угол сада, где росла еще одна его любимица — черноплодная рябина. Ветки её под грузом тяжелых гроздьев иссиня-черных ягод наклонились к самой земле. Трава вокруг аккуратно скошена. Растущие рядом кусты малины ухожены. Если верить учёным, то растения, за которыми с добросердечием ухаживает человек, изучают все его болезни, вырабатывают и накапливают в своих плодах и листьях, вещества, необходимые человеку для здоровья. Если это так, деда Ваня был бы здоров, ведь сколько сил затрачено, отдано ласки и любви всему, что выращивал он в своём огороде.

Походил, размялся, вновь вернулся к морковным грядкам. Не может долго сидеть без движения. Ноют ноги, спина, и, видно, душа тоже. Прошёлся, — и душа повеселела. Снова принялся перелистывать страницы жизни: песню за песней.

*Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет, и ведет.
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет.*

Я сижу под огромным кустом красной смородины. Руки мои срываю и укладывают в корзину нарядные красные кисти, а душа летит за песнями, что начинаются снова и снова.

И слушаю, слушаю.

А мой отец, которого теперь внуки и правнуки зовут деда Ваня, всё поёт, поёт, поёт...

Денис БУРДА

Нелепый дождь среди зимы.
Чистейшей капелькой воды
Так беспощадно плавит снег,
Холодный оставляя след,

И разрушая белизну,
Теряя девственность свою
Под натиском людских подошв,
Кристаллом станет глупый дождь,

Впитав в себя всю грязь дорог,
Слизав печаль с людских сапог
Замёршей лужей нам предстал
Разнообразием зеркал.

Когда замолкают все звуки
И мысли блуждают нелепо,
Ты просто возьми мои руки,
Со мной посиди до рассвета.

Коснись, чтобы просто остаться,
Рассыпаться пылью незримой,

БУРДА Денис Вячеславович родился в 1980 году в п. Глебычево Выборгского района Ленинградской области. Стихи опубликованы в коллективных сборниках и альманахах. Живет в Нижневартовске.

Твоей красотой напиться
По-детски всё так же невинной.

И время не станет преградой,
Лишь силы сберечь нам поможет
Для этой минуты, — наградой.
А прошлое, не потревожит.

Когда замолкают все звуки
И сердца, не слышно биенье
Спасут нас лишь нежные руки,
Любви не земное рожденье.

* * *

Твой полёт это стих,
Рифма — белые крылья.
Мыслей юный каприз
С ароматом ванильным.

Ты лишь шёпот ветров
В лабиринтах сознания.
Ты лишь тёплый рассвет
На руках мироздания.

Твоё сердце цветов.
Он бутон не раскрытый.
А внутри — огонёк
Кем-то в спешке забытый.

И роса на ресницах —
Вкус соленого моря...
Мне б о камни разбиться,
Прихватив с собой горе...

Чтобы стать вмиг водою,
И дождём вдруг пролиться.
Прикоснуться рукою
И застыть на ресницах.

Твой полёт это стих
Рифма — белые крылья.
Я же — след на песке
В миг окутанный пылью...

Екатерина ВОЛОДИНА

* * *

Не тревожит лунный отблеск
Зеркало реки.
Небо стихло, погасило
Звезды маяки.
Север, ласковый и нежный,
Друг сердечный мой,
Мне подарок самый лучший —
Эта ночь с тобой.
Этой белой, светлой ночью,
Нам гулять, любить.
Этой белой, светлой ночью
Так прекрасно жить.
Цвет черемух белоснежный,
Дух захватит мой
Край таежный, край безбрежный,
Навсегда родной.
Птаха — утренняя зорька,
День не торопи.
Пусть продлятся,
Чудной сказкой —
Ночи на Оби.

ВОЛОДИНА (ШАРОХИНА) Екатерина Владимировна родилась в с. Кондинском Тюменской области. Автор книг «Свободное дыхание», «Крылья», «Вечное небо», «Сибирские читалочки», «Зимние олимпийчики». Член Союза российских писателей. Член Ассоциации писателей Урала. Живёт в Нижневартовске.

Александра ДАРЬИНА

Поклонитесь мальчикам

Из квартир уютных и не очень
Уходили мальчишки в окопы,
Где рвались снаряды днём и ночью,
В кирзачах сырых гноили стопы...

Где шинель — кровать и одеяло,
Ложка с котелком — вся ваша утварь,
Не будила мама нежно утром,
И друзей здесь полегло немало.

Где выросли на глазах мальчишки,
Без морщин, а волосы седые...
Старички с телами молодыми,
И у всех одним фасоном стрижки.

Но всю жизнь, все шесть десятилетий,
Помнят своих братьев по окопу,
Помнят, как встречала их Европа,
Вот она забыла встречи эти...

Поклонитесь мальчикам в шинелях,
Что остались вечно молодыми,
В восемнадцать и — уже седыми...
Поклонитесь мальчикам в шинелях.

ДАРЬИНА (ТАРАНЕНКО) Александра Петровна родилась в с.Бражниково Уваровского района Московской области. Автор сборников стихов «Бабье лето», «Поставим память в караулы», «Я заплутаю меж берез», «Такого неба нет нигде», «Скорбь крылами задела», «Родимый дом». Ветеран труда. Живет в Нижневартовске.

Лидия ЖУРАВЛЁВА

Улица Дружбы народов

Как будто бы рождается у храма,
И, получив судьбе благословенье,
Становится для нас любимой самой
Та улица со времени рожденья.

Название её как будто символ
Победы вечной разума и духа
Над ужасом вражды невыносимой,
Войны, братоубийственной разрухи.

Название её как будто знамя,
В нём мирный труд друзей увековечен.
Его услышав, станем лучше сами
И будем ждать с друзьями новой встречи.

Прекрасной этой улице, я верю,
Вовек не будет переименованья.
Как мощный оберег, как знак доверия,
Её неповторимое название.

Что такое белоночие

Как в июне-то на Севере
Засыпает Солнце в клевере,
Лишь на миг, во время ж прочее

ЖУРАВЛЕВА Лидия Яковлевна родилась в г. Омске. Автор поэтических сборников «Лирика», «Журавушкины песни», «Журавушкино перо», «Вкус жизни», «Без оглядки». Ветеран России. Отличник здравоохранения. Член Союза российских писателей. Живет в Нижневартовске.

Отдаётся Белоночию...
Замирает тьма испуганно,
И со звёздами-подругами
Ждёт Луну, её Высочество,
Избегая одиночества.
А Луна молчит растерянно,
В царство света не уверена,
Стынет ликом в ночи светлые,
Да глядится неприметною.
День иль ночь? Скажи, коль знающий!
Я душой, смиренно тающей,
Прикасаюсь к Солнцу смелому,
Удивляясь свету белому,
Что струится нежным пологом,
Укрывая землю мороком.
Ночь такая — диво дивное,
Волшебство непобедимое!..
Загляденье — хоть неАдолго,
Приезжай! Увидеть надо бы
Самому тебе воочию,
Что такое — Белоночие...

Факела на Самотлоре

Подлетая к Земле, отыщите Россию.
Это просто: такая большая страна!
В ней — моря, реки, горы, леса голубые,
А по ним — сизой дымкой тумана волна.

Приглядись: за горами седого Урала
Средь лесов и болот пролегает Сибирь.
Как бы ты ни старался, всего будет мало, —
Разве можно объять непомерную ширь?

Посмотри: там, на топком брусничном болоте,
Словно капельки крови, застыли в снегах
Чьи-то души? Иль ягоды?... В долгом полёте
Утомится душа. Но тревожащий страх

Перед встречей с родною Землёй отступает.
Ты увидишь, и станет понятно без слов:
Нефтяной Самотлор фейерверком встречает
Беспокойно горящих в ночи факелов.

Жарких рыжих лисиц неумная стая
Лижет небо. А месяц и звёзд леденцы
Разлетаются, звонами тишь оглашая,
Словно в старое время в ночи бубенцы.

И потом, где б ни брёл ты по белому свету,
И откуда б ни черпал для песен ты слов,
Неожиданным пламенем, дерзким приветом
Обожгут твоё сердце — огни факелов.

Полечка

Мне не спалось. Добросовестно пересчитав всех знакомых и незнакомых слонов, наконец, сбилась со счета. Засыпая, краешком сознания заметила девочку лет двенадцати у приоткрытой двери. Ручку двери с отколотым краешком я вспомнила: когда-то держала её в своей руке...

— Что же ты смотришь? — нетерпеливо махнула рукой моя ночная гостья.

— ?...

— Дверь может сейчас закрыться...

Машинально я набросила на себя первое, что попало под руку из одежды, и, только успела перешагнуть порог, как дверь за мной захлопнулась...

Я очутилась в доме, где прошло мое детство. Девочка, поманившая меня за собой, куда-то исчезла. Возникло странное чувство: с души спал огромный гнетущий груз, и появилась необычайная лёгкость. Казалось, стоит только захотеть, и я смогу и бегать, и прыгать, и даже летать! Заботы и тяготы минувшего трудного дня отступили куда-то и перестали существовать. Из большого зеркала в прихожей на меня смотрела уже знакомая девочка. Глаза её улыбались. Это удивило и позабавило. Внезапная догадка ошеломила: в зеркале я видела себя, — смешливую, озорную, какой была много-много лет назад. Годы, словно одежда не по сезону, будто слетели с меня. Зашла в комнату, в которой жили мы с бабушкой. «Полечка», — так ласково её звали в доме. Родители всецело были поглощены работой и делами насущными, а мы с братом предоставлены самим себе и неусыпным заботам бабушки. За Полечкиными плечами было всего три класса церковно-приходской школы, но она исправно заставляла меня и брата учить уроки строго по часам, время от времени проверяя, как мы справились с заданиями. Наверное, поэтому учеба нам давалась легко, и проблем в школе не было. Полечка научила меня читать года в четыре, и я, будучи школьницей, так пристрастилась к чтению, что перечитала все книги, которые были в нашем добром доме. До сих пор предпочитаю чтение другим занятиям.

А как Полечка пела! Её негромкий голос словно оживлял русские народные песни, которых она знала множество. Самой любимой песней бабушки была «Тонкая рябина», и теперь, слыша её, я с трудом сдерживаю слёзы. Не удивительно, что она была для нас самым близким и дорогим человеком. Могла и пожуришь, и пристращать тем, что пожалуется папе и маме, но мы относились к её воспитательным мерам со свойственной детям легкомысленностью, и оставались такими же, неугомонными и шаловливыми.

Было темно. Тишину в комнате нарушали редкие всхлипывания, и я, включив настольную лампу, увидела, как бабушка вытирает покрасневшие глаза.

— Полечка! Ты плачешь? Что случилось?

— Мама... мама... — голос Полечки прерывался, — твоя мама, она выбросила, выкинула мои цветы...

— Как выбросила?

— Она сказала, что цветы в доме — это мещанство.

И Полечка зарыдала.

— Так, наверное, когда-то и со мной будет...

Я знала, что Полечка всегда трепетно относилась к своим пышным туям, аспарагусам, фикусам и цветущим гортензиям, — они были расставлены по всему дому — на окнах, на этажерках. Бабушка с детства объясняла нам, что к цветам надо относиться, как к живым существам. Она разговаривала с цветами — и казалось, что они отвечали на её доброту и заботу.

Я в растерянности хлопала глазами и не могла, не смела произнести какие-то слова в осуждение мамы, хотя внутри всё кричало. Мама всегда знала, что делала и была неоспоримым авторитетом в семье. Наверное, у неё был резон поступить именно таким образом. Мне же, тогда и в голову не пришло, что можно как-то утешить, успокоить бабушку.

Прошло много лет после этой сцены, но только сейчас я поняла, что неподдельное бабушкино горе и моё растерянное предательское молчание мучили меня до сих пор...

И я — заговорила.

— Полечка, не плачь, пожалуйста. Не надо... Мы с тобой посадим другие цветы. И я сама буду ухаживать за ними, как ты меня учила. Правда-правда... У нас будет много цветов... Мы с тобой ещё порадуемся им.

Я ничего не могла придумать другого, как предложить:

— Давай, сходим и посмотрим, куда мама их выбросила...

И мы тайком направились по тропинке к клумбе, где увидели аккуратно пересаженные Полечкины цветы.

— Слава Богу, не выбросила, — облегченно сказала Полечка.

Я тогда не совсем понимала, почему бабушка так переживала за них... Мы жили в сибирском городе Омске. То, что цветы из теплого дома попали в холодную сырую землю, могло означать их неминуемую гибель.

— Полечка, прости мою маму...

Тут я сама заплакала, и обнявшись с бабушкой, мы плакали уже вместе. Я прижала её к себе крепко-крепко, гладила седую голову и чувствовала, что моя любовь, тепло и искреннее сочувствие передаются через нежные прикосновения. Полечка понемногу успокоилась:

— Ну, давай спать, внученька...

И мы заснули.

Проснувшись я от первых лучей солнца, чертивших «крестики-нолики» на моей подушке. Открыв глаза, поняла, что благополучно вернулась в моё «сегодня». На окне стояли комнатные цветы, нетерпеливо расправляя свои листочки навстречу солнечному свету. Совсем как когда-то, у Полечки. А на душе было радостно и спокойно от осознания того, что мне удалось сделать что-то очень важное.

Василий ЗОЗУЛЯ

Чертополох

В первый день ранней весны 1944-го года, в свою пятистенную приземистую избу вернулся гвардейским старшиной Семён Дрожкин. «Вернулся, — как говорили о нём в посёлке, — не весь, руку у немца оставил». Пришёл он не с пустой грудью, — с медалью. С хорошей такой медалью — «За Отвагу». Имелась на гимнастёрке и, положенная в его случае, золотистая прямоугольная нашивка, знак тяжёлого ранения. Нашивка нашивкой, не всякий её, положим, и поймёт как надо, а пустой рукав, заправляемый за кожаный пояс, был самым прямым и верным фактом его нечаянного фронтового героизма. Знали Семёна Дрожкина односельчане совсем другим, спокойным и не злоблывым парнем.

Изба его стояла на краю посёлка, продуваемая всеми ветрами. Жил он в ней бессемейно, не гонимый вводить в дом молодую хозяйку. Родился он на Волге, а в посёлок был направлен за два года до войны по целевому распределению, как выпускник финансового техникума. Может, поэтому во всех анкетах писал округлым, хорошо поставленным почерком, без помарок. Где в столь любимой им графе «происхождение», неизменно указывал: «Из пролетариев», — неожиданно дописывая: — «В люди выбился из московских беспризорников».

В сибирском посёлке, прежде о таких слышали, что оказываются они людьми чудными, дай Бог, что не воры. Оттого, к Дрожкину, долго присматривались, а в итоге: уверились во мнении, решив меж собой, что в совхозной конторе появился некто, кто был «хоть и не сволочной человек, но и не наш, — «себе на уме».

На фронт Дрожкин ушёл из-за брони не сразу, на передовой в самое пекло добровольцем не лез, но и из пекла не драпал, где

ЗОЗУЛЯ Василий Анатольевич родился в 1969 году в станице Павловская Краснодарского края. Окончил Московский Литературный институт им А.М. Горького. Стихи, проза и литературная критика опубликованы в различных коллективных сборниках и альманахах. Живёт в Нижневартовске.

приказывали — там и был, и делал своё ратное дело хорошо и просто, не вспоминая о доме. Может, он бы и дальше воевал в тыловом обеспечении гвардейской мотострелковой части, пока в очередной ковровый артобстрел, его не накрыло близко рванувшим снарядом под Невелем. Как он оказался потом в госпитале, того уже не помнил. Очнулся совсем оглохшим к звукам мира, с тяжёлой контуженой головой, в которой как будто кто-то безумный бухал и бухал часами не переставая, чем-то тяжёлым по медной кастрюле.

Его ушибленное тело, по-стариковски саднило, жаловалось, не находя поддержки, у ещё далеко неуспокоенного молодого духа, на своё вынужденное страдание. От этого он сутками не мог спать, впадая в какое-то тяжёлое забытьё, лишённое снов.

Эти первые, самые тяжёлые две недели своей жизни старшина Дрожкин лежал в продуваемом сырыми сквозняками коридоре, крепко, где надо заштопанный, в сплошной перевязке. Других мест в госпитале уже давно не было, хотя из палат двухэтажного здания каждый день выносили двух трёх умерших. Раненные бойцы поступали ежечасно, и их размещали там, где это становилось возможным, приспособливая любые закутки старой гимназии.

В эту новую для себя бытность, Дрожкин держался вопреки всему. Не брала его больше никакая хвороба, как будто судьба сжалилась и решила, что теперь хватит с него телесного убытка, отмерив ему дальше думать и действовать вновь самому. Весь вид его напоминал гусеницу, которая начала свиваться в кокон, но, так и не докончив начатое, была застигнута октябрьским заморозком. Лёжа в пропахших карболкой серых бинтах, он чувствовал себя другим человеком. Этот человек имел то же самое имя, что и прежний Дрожкин, но внутренне, по духу был уже иным, «перебродившим». Ему казалось, что эти бинты и есть предел жизни, её занавес, за которым ничего нет. А крысы, называемые в госпитале за своё проворство «белками», были последними провожатыми. Пять месяцев провёл он в госпиталях ближнего и глубокого тыла, учась говорить, ходить, глядеть на мир. И все пять месяцев, пока шло лечение, изо дня в день, мозолил он выздоравливающие глаза о стену, передумывая, не по одному разу свою новую жизнь. И то, что приходило ему на ум, будило в нём только одно невыносимое в своей непреодолимости желание: выпить спирта как можно больше, забыться сном и уже не проснуться.

Шли дни, менялись госпитали, от фронта его переправляли всё дальше в тыл, а стены палат оставались для него, идущего без всякого желания на поправку, похожими одна на другую. И чем ближе была окончательная дата выписки из госпиталя, тем суше становился сердцем Семён Дрожкин, тем неразговорчивее, скупее на слова. Улыбка на чью-то солёную шутку, если и проскальзывала на его лице, то была вымучена, дёргана и в глазах никак не отражалась. Ни что не пробирало его больше до сердца. Мир, сложенный и цельный катился своей дорогой, а Дрожкин, как раскрученный, пришедший от тряски в негодность винтик, выпал из своего места, и теперь трепыхался где-то на самом

дне, без всякой надежды оттолкнуться от этого дна и увидеть, что есть другая жизнь и другое небо. Он снова начинал жить не по своей воле, и не понятно для какой цели.

От кондовой Тюмени к себе в посёлок, ему надо было добираться попутным транспортом больше суток, а добираться было не к кому. Прежде, не единожды брошенный, преданный, осмеянный, а теперь и контуженный, он не видел своей полезности для людей. Никто не пытался с ним шутить, расспрашивать о войне, даже задерживать взгляд на его лице с клочковатой щетиной на худых скулах. В каждом дворе была своя забота, а чаще горе.

Полностью вернуться на прежнюю должность у него не получилось: левая рука была как чужая. Когда ему в конторе говорили, что цифры не требуют красоты написания, а только аккуратности и точности, — начинал скрежетать зубами, и не вставал, а выскакивал из-за стола, и делая отмашку здоровой рукой выбегал на улицу.

К концу недели после возвращения, Дрожкина окончательно перевели в бригады полеводческого звена.

А весна в Сибири, понемногу начинала давать о себе знать брачным щебетом воробьёв, попеременным теньканьем синиц. Воздух становился мягче, податливее для вдоха. Дрожкин словно бы начинал оттаивать, как и ледовые наледи на скатах изб. Надежда появилась у людей, что скоро конец войне. Что может быть, те похоронки, — это чья-то канцелярская оплошка. Мало ли однофамильцев на свете и полных тёзок? Людей сходным лицом и то много, а тут бумага, казённое извещение.

В бригаде Дрожкина больше половины имели на руках эти уведомления. Были и те, чьи мужья считались пропавшими без вести. Таким было хуже всех. Ожидание любой вести: письма ли, той же похоронки, или свидетельства, даже шепота, вытягивало в звенящую струнку нервы. Они подавали заявление в комиссариат. Бумаги ходили долго, сведения проверялись. Счастливицам, чьи родные воевали на фронте, государство выдавало продуктовый паёк: американские мясные консервы, гречку, яичный порошок, сгущённое или сухое молоко и обязательный кусок хозяйственного мыла.

А такие несчастные, как Таисья Панина, у которой было четверо детей, а муж пропал без вести, жила людской добротой. Колхозный паёк за трудодни был скуден. Сама она ложилась не ужиная, а дети пусть и не сытно, но что-то перехватывали в еде, чаще у соседей.

Внимание к себе Дрожкина её испугало. Семён и сам не понял, когда присох к Таисии. Первый раз она отшатнулась от него, едва не упав в тракторную колею, а второй раз уже оттолкнула своим конопатым кулачком, пригрозив, что молчать не будет. Семён отступил, и как бригадир, стал придирается по мелочам, и штрафовать её, снимая трудодни. Люди с ним пытались говорить по душам, но он молча, показывал разнарядку полевых работ, и все отступали.

А в августе Таисья попала Дрожкину на сборе колосков. Вызванный на место происшествия участковый Калинычев поглядел на грудь Дрожкина с медалью, и прежде чем составить протокол, харкнул себе

под ноги, попав ему на сапоги. Райсуд был строг, и присудил Таисии Паниной 10 лет лагерных работ. Детей же передали на воспитание в приют, а избушку их заколотили.

Спустя год, без всякого письма, после победы над Японией, вернулся с Дальнего Востока в посёлок тракторист Коля Панин. Как танкист, не раз и не два горел. Был и в окружении, и в плену, бежал и снова воевал, и снова горел. К Дрожкину подошёл с разговором не в первый день. Месяц только ухлопал на возврат детей, уже работая в совхозной бригаде. Ещё месяц просил председателя перевести его под начало Дрожкина, и только потом, когда появилось устное распоряжение, заговорил с ним прилюдно, затягиваясь самокруткой:

— Как спится тебе, пёсья твоя душа?

— А никак не спится, дремлю. Вопросы ещё, какие есть?

— Да, какие у меня могут быть к тебе вопросы, я ж не уголовный следователь. Мне и бумаг никаких не надо, всё ясно как Божий день.

— Говорят, ты детей забрал, а у меня крупа там есть. Хорошая просеянная крупа, без жучка, — предложил Семён, глядя в сторону.

— А что у тебя ещё ценного есть?..

— Дровами могу поделиться...

— Говоришь, дровами?.. Вот это хорошо. За это — отдельное спасибо. Будет на чём детям кашу варить, а то я всё на хворосте, да на хворосте... — сказал Панин и, не морщась, погасил папиросный окурочок о ладонь. Других, прилюдных разговоров у них после не было.

А в обмолот, нашли Дрожкина у молотилки. За каким-то делом сунул руку в барабан агрегата. Он был сильно пьян. Бессвязно, заикаясь что-то пытался сказать, но слов было не разобрать, его чёрный рот издавал одни булькающие звуки. Лицо его было грязно и сильно оцарапано. Рядом валялась разбитая бутылка казёнки. От единственной руки остались ошмётки. Медаль «За Отвагу» была втоптана в суглинок. С земли её поднял участковый Калинычев: осмотрел, очистил, и положил в расстёгнутую планшетку. Дрожкин ему был не интересен. Вызванная из посёлка фельдшер перевязала рану, заодно примотав к худым рёбрам бригадира то, что и отдалённо не походило на его руку. Следом, пришла подвода, чтобы вести его в район. Сидеть Дрожкин не мог. Его уложили спиной на солому.

Когда телега поехала, его ноги, которые свешивались донизу, создавали такой вид, будто Дрожкин топчется на одном месте, — между Землёй и Небом.

Тамара ЗУЕВА

Слово об отце

Ни он, ни я, мы были незнакомы.
Июнь сжирала страшная война.
Кружила смерть, цепляясь за погоны,
А я ещё была не рождена.

В слезах тоскливо вниз смотрели тучи.
А он во имя жизни на земле
Своих однополчан от пуль колючих
Тащил под лай орудий в дымной мгле.

Согнутой костью месяц портил небо,
От гроз свинцовых трескалась земля,
Пугала быть, чтобы не кануть в небыль,
От ран стонали русские поля.

Строчили немцы в цель остервенело,
«Капут» не забывая зло орать,
В душе всё клокотало и кипело,
И очень не хотелось умирать...

И я, придя девчонкой нерождённой,
Его просила выжить под огнём,
Злодейка — смерть металась разъярённой,
Гремя костями, как стражница при нём.

ЗУЕВА Тамара Трофимовна родилась в г. Белогорске Амурской области. Автор сборников стихов «Вечерние колокола», «О чём молчат дожди», «Наступит с Благовестом утро», поэм «Хвала дождю», «Тайны Байкала или загадки Байгала далая», «Оплот любви Югорской «Мыг». Живёт в Нижневартовске.

Готовилась к прыжку, звеня косою,
Но девочка из будущего шла,
Умытая июньскою росой,
Пред нею — чистый ангел против зла.

Смирясь, притихнув, смерть ушла погреться,
А он минуты даром не терял,
С бессмертием рядом и с горячим сердцем,
Спасённых жизни Господу вверял.

Он свято верил, что собой рискуя,
Давал бойцам живительный глоток,
От храбрости хмелел и, не пасуя,
Как чёрт был страшен, и красив, как Бог!

Не потому ли красные поляны
Влекли к себе после войны ребят,
Тот запах трав исповедально — пряный,
Где маки алой памятью горят.

К нему всё та же девочка бежала,
«Я жду, отец!» — был слышен детский крик.
Им встретиться ничто не угрожало.
И хрупкий образ растворился вмиг...

Ни он, ни я — мы были незнакомы...
Пришла, звеня, победная весна!
И жизнь звала в цветущие хоромы,
Чтоб я была героем рождена...

Оплот любви Югорской Мыг

фрагмент поэмы

Сотворение Югры

Бурлило море, издавая стоны,
Рассвет багряный осветил стихию вод,
Скользил в волнах, их освещая сонмы,
Крылатой тенью в красных бликах без забот.

Летала в небе смелая гагара,
Единственная в нём, за кругом — новый круг.
Сияя, радуги за дымкой пара
Застыли в ожиданье чуда божьих рук.

Там в древнюю былую пору Торум
Один средь тёмных вод без трав и птиц скучал,
Мечтал, как мог бы он подняться в гору,
Да не было земли – начала всех начал!

И он отправил ветер за гагарой,
Чтоб та ему, нырнув, со дна достала ил,
И птица без конца в глубь вод ныряла,
«Неси ещё», – упрямый Бог тахтэн просил...

С усердьем Торум сотворял твердыню,
Создал на ней урманы, горы и людей.
Их вылепляя, в помощь взял Богиню,
Сваяв семью, как пару верных лебедей.

...Чтоб люди Севера достойно жили,
Снабдил богатствами леса, послав дары...
Наполнил нефтью под землёю жилы,
С небес руководил безвременьем Югры...

Жизнь на земле Югорской процветала,
Народ учтивым был к урокам божества,
Зверья и рыб в угодьях больше стало,
Югра была полна красот и торжества!

Цвели болота яркими огнями –
Был славен солнечной морошкой милый край,
И Мыг жила с вороньими вестями,
И радовал сердца весёлый птичий грай!

Народ Югры был опьянён свободой,
В просторы Хант влюблённый, он не ведал слёз,
А вылеплен особою «породой»,
Он не бежал от бед и не дрожал в мороз...

И дом родной у остяка повсюду,
Кочуя, вдаль стрелой летел под свист ветров.
И всё в руках у кочевого люда,
Что зависть вызывал у неба и богов!

...Стекает время с неохватных кедров
Легко с вечнозелёных и тяжёлых крон,
Летит на крыльях удалого ветра,
Что кружит над тайгой со всех её сторон.

Сказания перелистав страницы,
С историей Югры расстаться не спеши.

Дрожит слеза у леса на ресницах,
Играет бубен вновь мелодию в глуши...

Полунощная страна

глава первая

Здесь, среди богатств несметных,
Глухомани и тайги,
Соткан край Югры заветной
Из морозов и пурги.

Бубен дробью выстилает
Путь к преданьям остяков,
От души шаман камлает
С незапамятных веков.

Шумы леса раздаются
У таёжных жар-костров,
Тайной песней разольются
Под крылом лихих ветров.

И ворвётся на оленях
В мир нетронутых снегов
Удивительное племя
Из страны забытых снов.

И слагается в легенды
Та старинная пора —
Позабывшие моменты,
Как жила-была Югра,

Чьё студёное дыханье
Северян не утрашит,
О земле родной преданье
Быль народную вершит.

Из столетия в столетье,
Седовласая, она
В мирный день и лихолетье —
Полунощная страна.

Светлана КОТОВИЧ

Посвящаю

*Моему отцу Петру Андреевичу Мардашеву,
воевавшему на Дальневосточном фронте*

Наш папа плакал по ночам,
Нам было страшно и обидно.
Мальцы шептались по углам:
Он темноты боится, видно.
И будто по нужде на двор,
Мы в коридоре свет включали.
Предвидя с мамой разговор,
Бегом в постель, под одеяло.
Ругалась мама поутру, смеялся папа:
Кто там сник?
Вперед, трусишки, на турник.
Потом все дружно, марш за мной,
и — обливаемся водой.
Визжали гордые мальчишки.
Веселье, кутерьма, галдеж.
Кричали мне: слаба, мол, слишком
Девчонка, что с тебя возьмешь!
На папу я в окно глядела:
Красивый, сильный, молодой.
Лишь словно выбелены мелом,
Виски отмечены войной.
На фронт бежал без разрешенья,

КОТОВИЧ Светлана Петровна родилась в пос. Игра Удмурдской АССР. Автор сборников стихов «Я просто женщина», «Истина», «Тропы судьбы». Автор песен «Нижневартковский вальс», «Вартовчанка» и др. на муз. Б. Фокина. Живет в Нижневартовске.

Его вернули — не дорос.
А в третий раз, в свой День рожденья,
Домой повестку гордо нес.
На фронте папа был танкистом,
Отважным командиром был.
Имел награды, не гордился
И о войне не говорил.
Ночной пугался тишины
И догоравшего заката.
Так на руках в конце войны
Друг догорал его когда-то.
Корил, что жив, а друга нет
Тогда стал темноты бояться.
Он старший — 19 лет,
А другу было 18.

Мой сын вдвойне взрослее деда,
Не знает правнук — очень мал, —
Что есть война и есть ПОБЕДА,
За счастье прадед воевал.
Чтоб жить без горя и без плача,
И разорвать несчастий круг —
Для всех людей Земли задача,
Она — важнее всех наук.

Альбина КОШКАРЕВА

Утреннее

Встречают солнце птичьи хоры.
На травах влажный след росы.
Из света и теней узоры
Волшебной утренней красы.

В лучах росинки, как алмазы,
Сверкнули радужным огнём,
Забилось сердце жарко сразу
И столько ликования в нём!

Как жизнь прекрасна на рассвете:
Пусть ветер, дождь, листвы игра —
И нет тебя милей на свете,
Любимый край, моя Югра!

Урманная Югра

Югра — страна обетованная,
Сибирская сторонushка моя,
Любимая земля желанная,
Суровые с метелями края.

КОШКАРЕВА Альбина Михайловна родилась в г. Тобольске. Автор поэтических сборников «Одолень-трава», «Осеннее настроение», «От весны до весны» ... В арсенале более 50 научных работ: статьи, книги, пособия, словари промысловой лексики северных районов Тюменской области. Кандидат филологических наук, доцент. Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Заслуженный работник образования автономного округа. Живёт в Нижневартовске.

Озёрная моя, урманная,
Туманная в грибную рань,
С цветами, травами духмяными
И солнышком прогретая елань.

В тиши лесной чудесно пение
Пернатых непоседливых пичуг,
Напомнит бубен в отдалении
Упавших шишек гулкий перестук.

Под эту песню Богом данную
Смотрю на белок шустрых суету,
Красы природы первозданную
Вдохну в свою таёжную мечту.

Сорву неспешно кисть брусничную,
Смакуя терпких ягод рдяноцвет,
Любуюсь синью голубичною,
Узорами, что вяжут тень и свет.

Но вот тропа, едва заметная,
Ведёт меня в излюбленный мирок,
В котором место есть заветное,
Качает травы тихий ветерок.

Сижу на дереве поваленном
В плену у сосен и седых берёз,
Забыв, что за спиной оставлено,
От счастья вдруг заплачу я без слёз.

Нотр-Дам дё Пари

Гюго поведал нам о власти
Волшебной женской красоты,
Гореть заставившей от страсти
Мужей до роковой черты.

Цыганку Эсмеральдой звали,
(Мужских имён не назовём),
Удержишь слёзы ты едва ли,
Когда роман будет прочтён.

За гибкий стан, за голос чудный
И в танце трепетный полёт
На площадях Парижа людных
Любил цыганочку народ.

Горбун глухой, звонарь церковный
В красотку дивную влюблён,
И помнит замок лишь соборный,
Каким огнём был опалён.

Готовность грешного аббата
В себя влюбить цыганки дочь,
Презрев устои целебата,
Украсть божественную ночь.

Она же рыцаря лишь любит,
Ему и сердце отдаёт,
А он, неверный, деву губит,
Любовь цыганки предаёт.

Краса с верёвкою на шее —
Ничем помочь не может он.
И в замке мечется отшельник,
Колоколов рождая звон.

Теперь один горбун несчастный
Владеет Эсмеральдой он:
Целует тело её страстно,
Любовным пылом опьянён...

Судьба играет с тем, кто любит,
Испытывая вновь и вновь:
То возрождает нас, то губит,
Смешав «коварство и любовь».

Нина ЛЕКСИНА

Письмо солдата

Я на Курской дуге.
Комиссар нам сказал: будет битва.
Вы сейчас вдалеке,
Но спасет меня ваша молитва.
Береги сыновей и дочурок
Катюша, я знаю:
Ты дождешься меня,
Верю, помню, родная.
Враг силен, но при том,
Для него мы опасней и злее —
Защищая свой дом, —
Края отчего нету милее...
Ну а если — беда,
Если все-таки без вести кану,
Напиши в никуда —
Поднимусь я, из пепла восстану.
И последний мой вздох
Ты услышишь, Катюша, родная,
И исполнишь наказ:
Верной будешь солдату — я знаю.
Я — на Курской дуге...

ЛЕКСИНА Нина Ивановна родилась в с. Удельное Нечасово Тетюшского района Татарской АССР. Автор сборника стихов «Край родной». Стихи и проза опубликованы в коллективных сборниках и альманахах. Рассказ «Дедушкина культа» получил Диплом Лауреата регионального конкурса «Книга Года — 2014» в номинации «Книга подвига и памяти». Живет в Нижневартовске.

Дед Иван

Был, помню, в доме уголочек.
Стоял там старенький диван.
Я жду: войдет без проволочек
Любимый дедушка Иван.
Он у окна, что смотрит в дворик,
С работой каждый день сидит.
И мастер обувной, и шорник,
И самовары полудит.
И в ранний час ему не спится.
И вечерами он спешит.
Блестит игла, мелькают шильца.
Глядишь — и валенок подшит.
Мне жаль его: мой дед безногий.
Но в этом нет моей вины...
Защитник, доблестный и строгий, —
Укор зачинщикам войны.
Он знал её не понаслышке...
Терзал осколок — не кричал.
А зыбку — пятый спал сынишка —
Под «Чёрна ворона» качал.
Давно уж нет со мною деда.
Внук Ваня спит, и мирны сны.
Но в доме нашем, в День Победы,
Грохочет ЭХО ТОЙ ВОЙНЫ...

Дедушкина культа

*Памяти деда Силантьева Ивана Семеновича,
ветерана Великой Отечественной войны*

— Девчонки, марш на печку: дедушке надобно раненую ногу лечить, — коротко приказала бабушка Катя мне и сестрёнке Танюшке. — И занавеску на печке задёрните — тут вам смотреть нечего...

Не подчиниться было нельзя, поэтому мы быстро оказались на лежанке.

— Тань, а как это бабушка будет деду ногу лечить, у него ведь её нет? Он ведь на войне «оставил»?

— Не знаю, — ответила она и тут же нашла себе занятие.

А я никак не могла понять, как это бабушка будет деду «лечить» ногу, если ноги-то нет, а вместо неё пристегнут протез, которого все дети в деревне боятся. Нет, тут что-то не так...

Бабушка на самом деле умеет лечить людей, и я с интересом всегда за ней наблюдаю, потому, что мечтаю стать врачом, когда вырасту. Теперь мне непременно хотелось увидеть, как она будет «лечить

раненую ногу». Но вести наблюдение мне мешала печная занавеска. Может, попроситься на улицу под любым предлогом, тогда всё в окно и увижу? Но как ослушаешься — нельзя... И на улице сегодня холодно, сыкотно, хотя конец апреля, да и вечер уж близится. Что же делать?

И тут, отсунув в сторону подушку, заметила я внизу, на занавеске дырку, маленькую такую... Не медля ни одной минуты, я сунула в дырку мизинец, потом — средний палец, крутанула им в дырке несколько раз — готово! И — замерла: а вдруг дедушка и бабушка заметили? Но они были заняты своим разговором. Оглянулась на Танюшку: она спала в обнимку с котом. Любопытство разбирало меня всё больше и больше.

Прильнув глазом к дырке, будто это была подозрительная труба, я увидела деда, сидящего на кровати. Дед мой вовсе не похож на деда: бороды он никогда не носил, а только чапаевские усы, щеки чисто выбриты. Широк дед в плечах. Никогда не сутулится и не горбится, «прямо-спинный», как говорит бабушка. На нём полосатая рубаха-косоворотка, ворот расстегнут, и на широкой груди медный нательный крестик кажется детским. Он был в светлых кальсонах, обе штанины подвернуты выше колен, и мне показалось, что обе ноги у него на месте. Но почему тогда протез лежит рядом, на полу возле кровати? Полностью видеть ноги мне мешала бабушкина спина. Я ждала, замирая от страха быть замеченной.

— Эх, Ваня, Ваня, пятеро сыновей у нас с тобой, а только вот где они? Город забрал... Были бы они с нами, не надсадил бы ты свою бедную ногу, забор поправляя, — со слезами в голосе участливо говорила бабушка Катя.

— Лето уже скоро, до отпусков рукой подать, — съедутся, помогут. Крышу на сарае перекрыть надо. Да сенокос начнется, как крутая гора. Что-то силы совсем поубавилось, Катюша, а тут еще подвела культа, — сокрушался дед. Он морщился от боли, сжимая руками края железной кровати, бабушка тихонько всхлипывала, приговаривая: «Ироды, что сделали, ироды...».

Мне не терпелось поскорее увидеть раненую ногу, которую дед называл почему-то «культей». Тут бабушка резко повернулась вправо, чтобы взять травяной настой и мазь в банке, и я едва не вскрикнула: у деда левой ноги, чуть ниже колена, совсем не было, а вместо неё — страшный, бледный обрубок, но с багровыми рубцами и кровавыми мозолями. Так вот она, культа...

Я отпрянула от занавески, не в силах осмыслить до конца, что же произошло там, на войне с моим дедом, но в то же время чувствуя, что совершилось что-то страшное, непоправимое, если плачут даже взрослые люди. Сердце мое бешено колотилось, зубы стучали, я кусала губы и пальцы, чтобы не закричать, не расплакаться вслух. И зачем я только подглядывала?

На другой день в моём классе был урок чтения. Учительница Анна Петровна дала мне задание: прочитать рассказ про черноморского матроса — героя Шульгу, потому что «Родную речь» я всю прочитала ещё до школы. Прочитав рассказ, я стала смотреть в окно, в школьный сад.

Серый, слякотный день. Ветки деревьев еще голые, но почки уже набухли, вот-вот проклюнутся листья. А вон клён изувеченный: самая большая ветка сломана и валяется в стороне, оттого дерево кажется кривобоким. Вчерашняя история с «культей» живо припомнилась и не шла у меня из головы. Бедный дедушка! Надо ещё больше любить его и помогать по хозяйству.

Анна Петровна спросила меня: «Ну что, прочитала рассказ? Так что же такое война?»

Вопрос застал меня врасплох и, встав, я выпалила: «Война — это дедушкина культя...».

Позади меня хохотнул второгодник Сашка, по прозвищу Батя. Ещё несколько человек засмеялось. Я села на место и громко, навзрыд, заплакала. Рекой лились мои вчерашние невыплаканные слезы. В классе наступила тишина...

Анна Петровна подошла ко мне, положила руку на плечо:

— Не плачь, — твой дед живым вернулся с войны. Ты радоваться должна, гордиться им. И, обращаясь ко всем, тихо попросила:

— Встаньте те, у кого с войны не пришел дед или кто-то из близких родственников.

Я вытерла слёзы, огляделась: большая часть учеников стояла. И тогда учительница сказала незабываемые слова:

— Запомните дети, война — это не только геройские поступки, но это смерть и кровь, раны и увечья. И ты Нина, правильно сказала: искалеченная дедушкина нога — это тоже война.

Тогда все снова поглядели на меня, но никто уже не смеялся.

А через год деда не стало: он умер в больнице, — на этот раз врачи его не спасли. И я решила: когда вырасту, стану учительницей.

Татьяна ЛУКАШЕВА

Свиристели

Умчались к полюсу последние метели.
Весенним солнышком согретая, иду.
И вдруг... О, чудо! На березе — свиристели,
Как будто яблоки осенние в саду.

Как очутилась здесь хохлатых птичек стая,
Прервав нечаянно своих инстинктов путь?
К гнездовьям северным привычно улетаю,
В аллею сада опустилась отдохнуть.

И щеголяя шелковистым опереньем
В «костюмах» красочных «а-ля тореадор»,
Заворожил протяжным серебристым пеньем
Тот перелетный «гастролирующий хор».

Вдруг встрепенулись птички бойко, улетаю,
Избавив сад от зазевавшихся червей.
И, как виденье, растворилась в небе стая —
Осталось легкое дрожание ветвей...

В лесу болотистом среди замшелых елей
Вдруг «свири» звонкое услышав в вышине,
Замру я радостно: там гнезда свиристелей!
Не тех ли, что встречала по весне?

ЛУКАШЕВА Татьяна Афанасьевна родилась в Колпашево Томской области. Окончила Новосибирский институт советской кооперативной торговли, по профессии экономист. Стихи публиковались в коллективных сборниках и альманахах. Живёт в Нижневартовске.

Светлана МАЙОРОВА

Вдохновение

Вдохновение моё! Вдохновение...
Вновь рождаются слова — откровения,
И мотив, как сердца ритм, — повеление.
Вдохновение пришло! Вдохновение!

Сквозь туман оно идёт лёгкой поступью.
Для меня мечты несёт мелкой россыпью.
Сквозь бессонницу летит птицей белой,
Да не спросит никогда, что я делаю.

«Отложи, — мне говорит, — суету сует,
Да любовь приворожи! — Вот тебе совет!»
Посидит оно со мной несколько минут,
И мелодии мои в облака вспорхнут!

Будем помнить

Невозможно позабыть войну:
Боль народную, беду, утрату...
Мы приходим к Вечному огню,
И к могиле воина-солдата...
Кланяемся прадедам, дедам,

МАЙОРОВА Светлана Ивановна родилась в с. Маслянское Шадринского района Курганской области. Автор сборника стихов «Без вуали», книги рассказов «Сашкин автомат». Автор-исполнитель. Участница трех литературных семинаров: Всероссийского и окружных семинаров молодых писателей в г. Излучинске, г. Сургуте. Живёт в Нижневартовске.

Женщинам и малолетним детям,
Жизнь отдавшим, чтоб сегодня нам
Без нужды жилось на этом свете.
Боль суровых тех сороковых
До сих пор нам сердце снова гложет.
Господи, храни нас всех — живых!
Павших нам вернуть —
 никто не сможет.
Будем помнить их!

Военное фото

моему деду Кондакову А.П.

В бабушкином деревенском доме,
В сереньком потрёпанном альбоме
Пара фотографий пожелтевших:
Дед на них — уставший, поседевший.
В офицерской форме он, с медалью.
Потускневший взгляд уносит в дали.
Лет, наверно, деду — сорок с гаком...
Как же?.. — Фото снято в сорок пятом...
Лихорадочно в уме считаю:
Он с двадцатого. — Я точно знаю.
Боже! Боже... Даже ветер сник...
Смотрит с фото — молодой старик.

Марьям МАМЕДОВА

С юбилеем!

В ритмах времени

Было лето 1994 года... «Скорая помощь» отправилась в Центральную городскую библиотеку. Врачи-акушеры принимали «роды» у Музы. Родился «мальчик». Над Обью-рекой взошло солнце. пышным цветом распустился нежный северный цветок «Иван-чай».

«С криком младенца» раздались и птичьи трели. Вдруг небо покрылось чёрными тучами, грянул гром и на землю обрушился настоящий ливень... А потом взошла радуга: огромная, яркая и красивая, как праздник!

«Младенец» улыбнулся в люльке времени. Он родился в присутствии Анисимковой Маргариты Кузьминичны. Известная писательница земли Югорской стала «крестной мамой», приняв «Замысел», предвидя его судьбу и будущее.

«Качая мальчика в колыбели» Маргарита Кузьминична шептала ему: «Однажды, ты станешь важным, нужным и значимым поэтом города Нижневартовска и всей Югорской земли. Ты войдешь в историю творчества, объединишь поэтов, писателей, людей с разными взглядами, интересами и голосами в одно целое. В лице талантливых и уже известных, и только начинающих свой творческий путь людей, ты будешь видеть свой образ, свои достижения и победы. Будешь гордиться ими, а они будут с гордостью носить твоё имя. Будешь великим наставником и учителем для них, а яркий, нежный и ароматный литературный «Иван-чай» станет твоим символом и вдохновением. Пусть вершины будут в руках твоих, а светлый путь тебе покажет время. А пока расти...»

Это было более 20 лет тому назад. «Младенец» с ангельским лицом, теперь стал юным поэтом, звездой своей родной Югорской земли. На вершине творчества он напоминает сокола. Говорит нам о свежем воздухе белоснежных скал, некогда недоступных вершинах, покорённых голубых долей, плодородных долинах и широких просторах родной земли.

МАМЕДОВА Марьям Халидшах-кызы родилась в г. Кубинском в Азербайджане. Стихи и проза опубликованы в коллективных сборниках и альманахах. Живет в Нижневартовске.

Тикают часы на пороге времени 2015 года. Их ритм созвучен со стуком моего волнующегося сердца. Мы, литераторы, всегда собираемся в резиденции нашего «Замысла», в родных стенах Центральной городской библиотеки. За 20 лет многое произошло: кто-то, оставив свой след на пути творчества, уехал в другие города, кто-то отошел в мир иной... Ушла в вечность и Маргарита Кузьминична Анисимова, крёстная мама литературного «Замысла». Ушли, оставив о себе светлую память Светлана Лихая, Ричард Лоренц, Екатерина Жукова, Татьяна Зольникова, Владимир Филиппов, Нина Зинченко, Амирсаит Даутбеков, Николай Смирнов, Юрий Вэлла. Они ушли, чтобы пробудиться для иного мира...

Время неумолимо. «Замысел» живет, помня о Вас. Наш уважаемый капитан Альбина Семеновна держит флаг эстафеты в уверенных руках, с горячим сердцем руководя литературным объединением «Замысел» уже много лет. Всех своих товарищей «по перу» я поздравляю с каждым успехом, с каждой новой удачей! Люблю и желаю добра, радости на жизненном пути! Пусть никогда не покидает писателей страны вдохновение, а победа шагает с нами! Пусть высоко-высоко поднимается Российский флаг, говоря о достоинствах его победителей!

Россыпи

- * Я искала счастье, а оно оказалось — в моих руках...
- * В прошлом хранятся воспоминания. Будущее — непредсказуемо. А в настоящем сама жизнь качается в колыбели Времени!
- * Из-под скромного наряда человека, я смогла увидеть бесценное богатство его Души...
- * Каждая вечерняя встреча с закатом — надежда на встречу с утренним восходом.
- * Время было, есть и будет, и каждый имеет в нем свою долю: мудрый тратит его разумно, а глупый попусту.
- * Кто и где живет, я не знаю, но знаю, что живу на белом свете!
- * Ради душевного вознесения хрупкая жизнь разбилась.
- * Зачем такая красота, если она ослепляет?
- * Судьба непреклонна ко мне, как и я к ней...
- * Жизнь меряет Судьбу своей меркой, а я своей!
- * Дай воле не дикую страсть, а её фантазию...
- * Как можно иметь душу, если ты целиком отдаешь её любви!?
- * Какой язык лучше, не могу сказать, я — вегетарианка!
- * Смерть забирает и богатых, и бедных. Богатых есть за что. А у бедных что взять?
- * Удача мне была не по зубам, поэтому я схватила и сгрызла горлышко зависти...
- * Я всегда с открытой душой, так как её замок сломался!
- * Боюсь, что не умру во имя бессмертия...
- * Не подскажите, с какого бока можно пристроиться к удаче?
- * Мой внутренний мир настолько богат, что внутренний голос от удивления свистнул!

Светлана РАМАЗАНОВА

Вспоминая детство

Душе так много надо...
Казалось, что немножко:
Круженье листопада
И ягоды в ладошках...
Сиреневая «вата»,
И на заборе кошка,
Да в угольках заката
Печёная картошка...
Разучивая гаммы,
Стучал по крыше дождик,
И голос милой мамы
Про молоко и коржик...
Подарки, мандарины,
У ёлки хороводы,
С «дюшесом» именины
И радужные своды...
Звезда с небес в награду
И месяц — бычьи рожки...
Душе так много надо...
Казалось, что немножко.

РАМАЗАНОВА (НУРУМБАЕВА) Светлана Викторовна родилась в г. Куйбышеве (Самаре). Автор сборников стихов «Просто я об этом помолчу...», «Три оттенка слез», «Может быть», «Огненное сари», «Веткины секреты», книги прозы «Сестра». Живет в Нижневартовске.

Возвращение в бабушкин дом

Раскаты грома вдалеке,
Раскаты грома.
Скамейка, тополь под окном —
Здесь всё знакомо.
Ведёт дорожка прямо в сад:
Малины буйство,
Рубинов тысячи глядят —
Всё те же чувства.
А в палисаднике они:
Пионы, астры...
Благоухают зноем дни,
Дожди не часты.
Рука чужая с яблонь рвёт
Плоды тугие,
И улыбаются глаза,
Увы, другие.
И вот уж высь по швам трещит
Над головою,
А я, безумная, стою,
Стою и вою.
Стою и вою, да уйти
Никак не смею,
Ведь не со мной она давно,
А я не с нею.

Весной

Уже или ещё — какая разница,
Когда луч солнца просится в окно,
И, хохоча, проказник, будто дразнится,
И не даёт мне досмотреть кино...
Ныряю в туфли, плащик бледно-розовый
Я надеваю прямо на бегу,
Несусь туда, где клейкий лист берёзовый...
Как талисман, его приберегу.
Знакомый луч победно улыбается,
Я не в обиде, помашу рукой...
И в жизни что-то важное сбывается.
Я становлюсь безропотно другой...

Роза САРЬЯНОВА

Боевая награда

Дедушка, участник Великой Отечественной войны носил боевые награды редко, только в День Победы. И говорить о них тоже не любил. На все расспросы отвечал кратко: «Ни о каком героическом подвиге или об орденах даже не думали на войне. Воевал как все, всех награждали, значит, все были героями».

Сначала дедушка в пехоте воевал, командовал взводом. Отступали в сорок первом, товарищей терял. Не любил вспоминать об этом: «Ребята все молодые, так тяжело было их хоронить».

Ранило его тоже в сорок первом году, отправили в госпиталь. Когда вылезлся, вернулся в свою часть. Определили тогда дедушку Николая в разведку. Сколько раз ходили в тыл врага, сколько «языков» притащили на спине, не перечесть. В разведку ходили всегда втроём: долговязый Андрейка, крепыш Дима, земляк его, самый молодой среди них, и он, Николай, старший, он же командир разведки. У них даже примета была: если идут втроём — значит удача, притащат немца, если с кем-то другим — невезуха. Их так и прозвали — «святая троица». Никогда не подводили командира, всегда с языком, и не каким-то «второсортным», а обязательно в плен брали офицера. «Везёт вам», — говорили в полку. Но разведчики-то знали, что дело не в везении. Тщательно готовились они к выходу: когда переползали линию фронта, долго изучали обстановку, в луже, в грязи, зимой в сугробе зарывшись, лежали иногда целую ночь, а иногда и сутки, прислушиваясь к чужой речи. Вот тут Андрею цены не было, он хорошо понимал немецкий язык. А замаскироваться так, чтобы немец постоял бы рядом, но не смог

САРЬЯНОВА Роза Шавалиевна родилась в с. Туктагулово, Туймазинского района, Башкортостан. Автор сборника рассказов «Далекое эхо». Кандидат педагогических наук. Почетный работник народного образования Российской Федерации. Ветеран труда Российской Федерации. Живет в Нижневартовске.

их обнаружить — это по части Николая. Этому его ещё в детстве, до революции, отец учил, когда брал с собой на охоту. «Не торопись, приглядывайся, изучай повадки зверя, всё примечай» — учил его отец.

Сколько раз наука отца спасала ему и его товарищам жизнь. А когда «языка» добывали, всех выручал Дмитрий — крепыш, большую часть дороги он тащил проклятого фрица на себе. Остановится, передохнет, покрехтит бывало, и дальше тащит.

Хорошо запомнился один случай. Взяли они в плен немецкого офицера, а он такой тяжёлый попался, намучились с ним. Как назло началась перестрелка, и тут ранило Дмитрия. Они с Андреем вдвоем дотащили и своего брата — солдата, и этого жирного борова. Потом командир говорил, что пленный офицер оказался очень ценным языком, рассказал о предстоящем наступлении фашистов.

Наступил долгожданный перелом в войне. Повернули врагов назад, веселее стало воевать.

Говорят, снаряд два раза в одну яму не попадает. Попадает: во время очередной разведки напоролись на немцев. Фрицы открыли огонь, долговязого Андрея убило сразу. Дедушку опять ранило, снаряд взорвался рядом, он не чувствовал своих ног. Не только идти, ползти не мог. Дима, его земляк, взмолился тогда: «Пропадёшь, батя, не оставлю тебя одного. Убью этого гада — фашиста, тебя дотащу до своих окопов».

Посадил его товарищ Дима в снарядную яму: может хоть третий раз не попадет снаряд. «Как только доставлю пленного, останусь сам в живых, вернусь, товарищ командир, не сомневайся!»

В забытии, теряя сознание, слушая лающую чужую речь, Николай на дне ямы старался не стонать, молясь только о том, чтобы не обнаружили его фашисты, не слышали его стоны.

Не обманул товарищ, нашли командира спасатели под утро. Опять попал в госпиталь. Хирург, что оперировал после первого ранения, сразу узнал Николая.

— Ну что, не беспокоит осколок около сердца?

— Нет, товарищ военврач, иногда к непогоде ноет, а воевать можно.

— А сейчас плохи брат, твои дела. Нogu сильно ранило. Придётся отрезать, не иначе как гангрена начнётся.

— Нет, не дамся, не трогайте доктор. Как же я без ноги, мне ведь еще до Берлина идти надо. Как же без ноги домой вернуться?

— Может, на твое счастье, обойдется. Молись Богу да выздоравливай!

Провалился Николай в госпиталях долго. Нogu сохранили, но ступить на неё он не мог. И воевать уже не мог, отправили его домой.

Действительно, левая нога деда Николая как согнулась в колене, так и не может разогнуться. Утром он привязывает деревянный протез, а вечером снимает и, прыгая на одной ноге, добирается до кровати. Протез сам мастерит из липы, говорит, лёгкое, тёплое дерево. Меняет каждые полгода. Приловчился ковылять на одной ноге, да так, что даже на лошади верхом ездит, только вот посадить бы на коня. Ну, он и тут придумал хитрость: подводит лошадь к возвышенности, здоровую ногу ставит в стремя и ловко перекидывает тело на круп лошади.

Кажется мне, что нет такого дела, чего не умеет дедушка. И косит, и плотничает, и землю пашет — и все так ладно, хорошо получается. Из простого дерева такие свистульки мастерит, что все ребята в округе завидуют внукам. А песню затянет, что оперный певец, заслушаешься. Только вот плясать не может. Очень любит, когда мы, внуки пляшем. Накупит конфет, пряников кулёк, устраивает соревнования между нами — кто кого перепляшет. Затем награждает нас — и нет вкуснее тех подарков!

Каждый его приезд к нам в гости — целый праздник! Приезжает он правда, очень редко, по большим праздникам, или по делам своим пенсионным, или в поликлинику на очередной медосмотр. А медосмотр нужно проходить каждый год, чтобы получать пенсию по инвалидности. Дедушка смеется: «Хотят удостовериться, что нога у меня за год вдруг выросла».

А тут, пришла как-то я из школы, и — о чудо, дедушка у нас в гостях! Какой-то особенно торжественный, сияет как блин масляный. Стол большой накрыт как на праздник, принарядившись в новое платье, новый фартук мать подает на стол угощения. И что удивительно, мать — противница спиртного, сама принесла из погреба запечатанную бутылку водки, обтерла чистой тряпкой, поставила на стол. Что-то такое необычное, из ряда вон выходящее должно было случиться, если мама сама предлагает выпить в будний день! Действительно, случилось: дедушке сегодня в военкомате орден вручили! После того, как отец распечатал и налил водку из запотевшей бутылки в стопки, выпили со словами «За твое здоровье», закусили, обнялись, и мать попросила дедушку рассказать о награде.

Как получил дед повестку в военкомат, всполошилась тут бабушка, заохала: «Не к беде ли, может ты дед натворил чего в войну, может арестовать хотят»? Крестьяне не привыкли в те года далекие ждать от властей хороших вестей. Дед, хотя пошумел для острастки на бабушку, тоже призадумался, но виду не подал.

Поехал с утра пораньше в райцентр, а там его ожидала радостная встреча. Крепыш Дима, — теперь уже Дмитрий Савельич, боевой друг тот, что не бросил его раненого, вместе с санитарями вытащил из-под носа у фашистов и отправил в госпиталь, — сидел у военкома. Обнялись фронтовики, прослезились. Николай знал, что он тоже с этих краев, только не знал, дожил ли друг до Победы. Дожил, вернулся, закончил десятилетку, учится теперь в институте, женился, работает:

— Всё у меня в жизни хорошо, батя!

Опять прослезился Николай, — «батей» величает, помнит, помнит чертяка!

Главная новость, оказывается, была ещё впереди. Военком подождал, пока пообщались фронтовики, потом встал, и торжественно зачитал Указ о награждении. Выходило, что они были представлены к награде — к «ордену Славы» за особые боевые заслуги, но им вовремя не смогли вручить награду. Военком тогда так хорошо, задушевно сказал:

— Награда нашла героев. Поздравляю вас, фронтовики дорогие, живите долго, будьте здоровы.

Потом они долго пили чай с лимоном, разговаривали, а военком вызвал водителя и велел отвезти дедушку домой. А дед к нам заехал.

— Правильно сделал, что приехал, завтра я сам тебя отвезу куда надо, — сказал отец.

— А за что все-таки, наградили тебя, дедушка? — допытывались мы.

— А я и не помню за что, вроде никаких подвигов не совершал, воевал да в разведку ходил, — удивлялся дед. — Мне говорил командир части ещё тогда, в сорок третьем году, что представил к награде, но мы и не ждали орденов. А потом и вовсе забыли. Ведь была война, а там все — герои.

После награждения дед прожил ещё восемь лет, умер он рано, ему было всего 65 лет. «Перед смертью, — рассказывала после бабушка, — открылись свищи и стали выходить из его тела кусочки железа, осколки снаряда. Только один не вышел, — что вблизи сердца. Не захотела видно, сыра — земля принять чужеродный металл, — многозначительно добавила бабушка».

А на похоронах, пришедшие провожать деда в последний путь люди, ещё больше удивились. Гроб ему сделали глубокий, — нога ведь не сгибалась, а за ночь она выпрямилась. Отпустила война моего деда!

После смерти дедушки Николая, в самый День Победы бабушка обязательно доставала из самодельной шкатулки, красиво вырезанной дедом, завернутые в тряпку орден и медали. Вечером, надев боевые награды мужа на свой пиджак, «пинжак», — как говорила она, шла в клуб на торжественное собрание. Теперь, уже после ухода бабушки боевые орден и медали хранятся в нашей семье, у младшей дочери Галины, уже родившейся после войны.

В День Победы Галина достаёт заветную шкатулку и протирает награды дедушки Николая. Потом рассказывает своим внукам о геройском прадедушке, ветеране Великой Отечественной войны.

Елена СЛИПЧЕНКО

Из цикла «Рифмы по случаю»

День Победы

Мы молоды, нам вспомнить не дано,
Какой ценой стране досталась слава.
Нет в памяти — войны, а всё равно
Забыть о ней, мы не имеем права.
В безжалостных военных жерновах,
Тела и судьбы тоннами мололо.
С каким стремленьем взращивала страх
В людских сердцах гестаповская школа.
Пусть рассуждают нынче о войне,
Порой циничным способом и пошлым,
Нам не забыть о страшной той цене,
Заплаченной людьми в недавнем прошлом...

А. П. Чехов — русский писатель

Когда вы в Ялту, только что приехав,
Отправитесь к морской стихии пенной,
На набережной встретится вам Чехов,
Отлитый в бронзе классик несравненный.
Собачка рядом и конечно дама,
Печальная немного отчего-то,
Туристов не волнует эта драма,
Им с памятником нужно сделать фото.
И вряд ли кто пойдёт в библиотеку,

СЛИПЧЕНКО (СОСТАВОВА) Елена Александровна родилась в г. Нижневартовске. Автор сборника стихов «Плохая погода». Победительница конкурса «Лучшие стихи о городе». Участница Всероссийского семинара молодых писателей в г. Сургуте. Член Союза журналистов России. Живет в Нижневартовске.

Взять книгу драматурга, просветиться,
Нужны лишь фото цифровому веку,
Для социальной сетевой страницы.

М. Булгаков: роман «Мастер и Маргарита»

В сороковом году сгушались тучи,
Война была угрозой многих стран,
В период далеко не самый лучший,
Дописывал Булгаков свой роман...
Не Воланда, а фюрерская свита,
Весь мир пустить решила на убой,
И самолёты, а не Маргарита
Носиться скоро будут над Москвой,
Писатель не узнает, он болеет,
И пусть уже закрыт судьбы дневник,
Булгаков в феврале ещё успеет,
Нам подарить одну из лучших книг.

22 июня 1993 г. в Смоленске открыт памятник литературному герою В. Тёркину

Твардовский вряд ли представлял когда-то
Смотря на свой литературный труд,
Что памятник поэту и солдату,
Спустя года из бронзы отольют.
Где с Тёркиным как будто на привале
Забыв про смерть, войну, голодный мор,
И словно вместе долго воевали,
Они ведут неспешный разговор.
Пусть Тёркина и не существовало,
Придуман был находчивый солдат,
Таких встречалось на войне немало,
Простых, правдивых, искренних ребят.

Александр Беляев — русский писатель-фантаст

Болезнь могла лишить его движения
И уложить на месяцы в кровать!
Но у фантаста сложно отобрать
Размах и глубину воображения!
Он покидал больничную постель
В науку веря, веря в чудеса,
Без крыльев поднимался в небеса
Герой его романа Ариэль!
В стране далёких, необычных краев,
В пучине неизведанных глубин,
В литературе был такой один,
Волшебник прозы Александр Беляев!

Надежда ТКАЧУК

Мелодия сердца – мой Самотлор

У сибирских просторов
Километров не счесть.
Донеслась с Самотлора
Долгожданная весть.
Под мелодию сердца
Зазвучали стихи,
У костров чтоб согреться
Среди шумной тайги.

Поднялись маяками
Над землёй факела.
С трудовыми руками —
К недрам вахта взошла.
Под мелодию сердца
Воспою Самотлор —
Край беспечного детства,
Край таёжных озёр.

На земле Самотлора
Посчастливилось нам
Новый выстроить город,
Веря смелым мечтам.
Чтоб мелодию сердца
Сквозь года пронести,
Чтоб героев наследству
Процветать и расти.

ТКАЧУК (РОЗИМОВА) Надежда Викторовна родилась в г. Донецке. Автор сборников стихов «Северное сияние», «Второе дыхание». Стихи опубликованы в коллективных сборниках и альманахах. Живет в Нижневартовске.

Сергей ТРОХИМЕНКО

Тебе, великий Самотлор

Величию, кристальности озёр,
Людским трудом прославленному краю, —
Тебе пою я песню, Самотлор,
Твоим богатствам оды посвящаю!

Ты опоясан вдоль и поперёк
Артериями жизни магистралей.
Трубопроводы, линии дорог
Вонзились в заболоченные дали.

Когда-то в скромный уголок земли,
Где тихо обитали звери, птицы,
Геологи-нефтяники пришли,
Чтоб написать истории страницы.

Мы буднями историю творим,
Нас не страшат морозы и метели,
С упорством, трудолюбием своим
Вперёд идём, не изменяя цели.

Труду первопроходцев, чей задор
И подвиги записаны навечно, —
Звучит в просторах песня бесконечно!
Бурлит неутомимый Самотлор!

ТРОХИМЕНКО Сергей Михайлович родился в 1961 году в с. Почапинцы Лысянского района Черкасской области, Украина. Стихи опубликованы в коллективных сборниках и альманахах. Дипломант конкурса за «Лучшее поэтическое произведение о го-роде». Живет в Нижневартовске.

Осенний лес

Осень солнце спрятала
в плотных облаках.
И рисует охрою
на лесных холстах.
Разбросалась красками
вдоль и поперёк,
И ложится золотом
за мазком мазок.

Поутру под маревом,
прячется мороз,
Он палитру бледную
осени принёс.
Небо пригорюнилось,
моросит дождём,
Капли желто-яркие
падают с листом.

Ветерок встревожился,
зашумел слегка,
Разогнал унылые
в небе облака.
Улыбнулось солнышко
в синеве небес,
Радужным и солнечным
стал осенний лес.

Жизненная суть

Пламя лижет застывшую мглу,
Возмущаясь поленья трещат,
Мы душою стремимся к теплу,
Выбирая судьбу наугад.

Искры брызгами режут глаза
И не видно уже ничего,
Кто-то нужное слово сказал
И за это, — мы любим его.

Мчимся ввысь на пределе мечты,
Вероятное счастье познать.
И общаясь с фортуной на ты,
Необъятное сердцем объять.

Минзифа ШАРИФЬЯНОВА

Откуда берутся стихи ... — В облаках!
Я их сочиняю с жар-птицей в руках!
Откуда берутся слова — не пойму,
Они разлетаются все на ветру!

И рифмами падают как звездопад,
И льются с небес, как волшебный каскад.
Но вдруг, на рассвете они зазвонят...
Все слоги — как бусы на ниточке в ряд.

Откуда берутся стихи? — Не узнать!
Я горы Кавказа люблю вспоминать.
С Чегета с любовью смотрю на Эльбрус,
От счастья и радости я рассмеюсь!

Откуда берутся стихи? — Отвечай!
Беру их в лесу, где грибов урожай!
И вот за труды, за настырность мою
Я с рифмой — «грибницу» увижу свою.

Откуда берутся стихи? — Не понять!
Свою Сухоречку хочу я обнять.
Одни говорят, что там Сухарев жил,
Другие твердят, что Колчак проходил...

И кто его знает, где правда, где ложь,
Так и в стихах — ничего не поймёшь!...

ШАРИФЬЯНОВА Минзифа Мазитовна родилась в пос. Сухоречка Бижбулякского района Башкирской АССР. Автор сборников стихов «Под крылом». Живет в Нижневартовске.

ГОЛОСА МОЛОДЫХ: ДЕБЮТ

Петр АНТОНОВ

Плыло облако

В бескрайнем небе медленно плыло облако. Воздушное, пушистое, легковесное, почти прозрачное. Плыло медленно, любуясь на окружающий пейзаж. Видит облако в одном месте много людей. Скользнуло по ним взглядом, присмотрелось. Вышел в середину на возвышенное место один из собравшихся. Все вокруг расступились. Этот человек оглянулся, осмотрелся, улыбнулся и заговорил. Речь повёл о том, что он, мол, человек. И зовут его Человек. И, что это — самое прекрасное имя. Те, что вокруг стояли, зашумели, стали о его словах рассуждать. Кто-то с ним согласился, кто-то отказался его понять и говорил, что не так всё. Разделились они на две группы. И стали спорить: кто вяло, так как им было всё равно, кто горячо крича и яростно стуча себя в грудь, или пальцем тыча то в оппонента, то в Человека. Так долго шумели. Решить, кто прав так и не смогли. Началась драка. Особенно те жестоко бились, кто о красоте и приятности постулата говорил.

Облако задумалось, нахмурилось. «Люди. Кто они? Чудные существа. Спорят о том, что не интересно никому и не важно. Шуму-то, шуму. Крику. А зачем? Вот, я. Когда шумлю, то начинает идти дождь. Из-за моего поступка льётся вода. Вода питает траву и других живых существ. Они продолжают жить. Вода питает ручьи и реки, которые впадают в море. Выпавшая вода испаряется на Солнце, потому что, Солнце светит всем, кто продолжает жить. Испаряясь, вода становится опять мной. И я продолжаю жить. А люди? Кто продолжает жить из-за их шума? По моему, никто. А бесполезно шуметь могут лишь пустые внутри вещи, где лежит всякий вздор. Люди — пустые, бесполезные существа!» — так решило облако.

Пока облако так думало, оно разрослось, огорчилось, потемнело. И стало тучей. Грозная туча пролилась дождём. По мере того, как кончался дождь, у облака улучшалось настроение, и оно снова стало прозрачным и легковесным.

После дождя, место, где собирались спорящие люди, превратилось в грязную лужу. В ней плавали листы бумаги, которые исписал мудрец, что следил за спором людей.

Прошло много времени. От людского спора не осталось и следа. О нём помнили только пожелтевшие страницы дневника, что вёл мудрец, не принимавший участия в споре. К тому месту, где лежали страницы, подошла маленькая девочка. Ей было хорошо и приятно на солнышке. Она увидела разбросанные страницы, собрала их в одну

стопку. Пробежала по ним глазами. Не интересно ей показалось разбираться в причинах людского спора и выяснять кто прав, кто виноват.

Девочка прищурилась, весело улыбнулась, проводила глазами грозную тучу, уносящую дождь. И сделала из старой бумаги кораблик. Она пустила этот кораблик по ручью к морю. Ведь она не знала ни того, о чём думали раньше люди, ни того, о чём думало облако.

Ксения БУЛАТОВА

Мальчик-одуванчик

Пережитое — это не признак возраста, а признак опыта. Возраст, как правило, увы, ничего не значит...

Ему всего лишь десять лет, а он уже седой. Он рано повзрослел. Нескладный мальчишка со взрослым лицом. Для него вся жизнь, это борьба за выживание, боль, отчаяние, и — ответственность за маленькую сестричку. Ей всего шесть лет, именно столько, сколько было и ему тогда. Но она наивна и искренне верила, что её мальчик — одуванчик, как она называла любящего брата в шутку, может всё.

Война началась внезапно. Она затронула всех и постучалась в каждый дом, не оставила никого равнодушным. Дом в который тогда постучала беда, был не первый... и не последний: солдаты, чужие солдаты ворвались к ним и убили всех: мать, бабушку, а потом и отца. Детей не тронули. Не из жалости. Не знали, что в погребке сквозь щель на них смотрят два маленьких глаза. Тогда появились первые пряди седых волос. Когда ушли враги, он вылез из погреба, держа на руках сестренку, которая ничего не понимала. Ему хотелось плакать, кричать, грызть зубами землю. Но нельзя, она не должна знать. Прикрывая лицо малышки рукой, он тихонько выскользнул из дома. В лес, в лес. В охотничью избушку ту, которую строили они с отцом. Только бы не закричать...

С тех пор ему пришлось рано научиться и добывать пищу, и отвечать на трудные вопросы сестрёнки, которая то и дело спрашивала: — Где мама, где папа, где бабушка?

— Видишь облачко, это наши ангелы — хранители, туда наши родители ушли, но они любят и заботятся о нас, — как умел, объяснял брат.

Мальчик стал партизаном. Насколько хватало сил, помогал отрядам противостоять врагу. Подкладывал мины, делал ловушки, научился стрелять. С первым убитым, добавилась еще седина. Знал, необходимо защитить свою сестру. Она — это всё, что у него осталось.

Тяжелая зима и долгожданная весна. Еще один год пережили. Еще пара белёсых прядок в волосах появилась.

Он мечтал о мирном времени. Появился переломный момент в войне, — надежда на Победу. Война уходила, отступали страхи, и всё бы

хорошо, если бы не скинутые на родную деревню бомбы, при отступлении врагов...

Придя в деревню к дому, где оставил сестру, — увидел пепелище. Только черный котлован зиял на месте скромного уютного жилища. В ужасе он упал на колени. Слез не было.

Очнулся, когда кто-то тронул его за плечо. Он поднял голову:

— Сестрёнка!

Она гладила братишку по седой голове: «Ты белый как одуванчик» — сказала она.

— Да, я и есть твой брат, мальчик — одуванчик, — ответил он, обнимая сестру.

Родион ГАРИПОВ

Хвойное

Я хвойно хочу написать стихи,
Чтоб ими кольнуло душу.
И, чтоб среди всевозможных стихий,
Я был тебе очень нужен!

Лёд не остудит души моей жар,
Звездою колдуя на Млечном,
Нет, не утихнет на сердце пожар,
Манящей любовью вечной.

А ты такая нежная...

Ты такая нежная,
Как сады в цвету,
Как волна безбрежная
В брызгах на лету!

Ты такая звонкая,
Как лесной ручей,
Что бежит потоками,
Я — пока ничей.

Ты такая чистая,
Как морской прибой,
Как волна игристая.
Стань моей судьбой!

О весне

Мне становится грустно порою,
Я Всевышнего часто молю,
Я весну беззаветно люблю,
Её песням я душу открою.

Разлюбить ни за что не сумею,
Звонкий смех никогда не предам,
Лето, осень и зиму отдам,
И забыть я её не посмею,

И любви я к веснянке не скрою,
Затоскую по шумной весне,
Пусть примчится быстрее ко мне
Со своею капельной игрою!

Герман ДЕДЮХИН

Судьба поэта

— Проходите, молодой человек, — психиатр кивнул на стул, — присаживайтесь.

— Э... С-спасибо, я п-постою, — ответил худощавый парень с чёрными длинными волосами и выразительными тёмно-синими глазами, один взгляд которых будто «просвечивал» насквозь. — Доктор, мне нужно лечиться.

— Симптомы болезни? Что заметили вы или сначала ваши друзья?

— С-сначала знакомые, а потом и я, — голос парня слегка подрагивал. — Я никогда не был человеком об-бщительным, но в последнее время со мной т-творится что-то ужасное.

— Что именно? — психиатр внимательно посмотрел на дрожащего и немного озадаченного парня.

— Понимаете, доктор, я как будто перестал жить. Я ни с кем не разговариваю. То есть разговариваю, конечно, — поправился он. — Но редко, к-когда люди с-сами начинают беседу. И об-бщаться мне трудно.

— Почему же?

— Мне это неинтересно.

— Как-как? — переспросил доктор.

— Мне это неинтересно. Неинтересно слушать лекции в институте, неинтересно готовить доклады. Ходить в кафе, клубы, читать книги и смотреть телевизор — всё это мне скучно.

— Что же вам интересно? Чем вы занимаетесь? — после недолгой паузы недоуменно спросил психиатр.

Пациент сел на стул, вытер пот солба, посмотрел на врача и прошептал:

— Я наблюдаю, — он сглотнул слюну и продолжил: — Я не живу. Я наблюдаю за всем вокруг. И б-было бы хорошо, если бы я был биологом или географом. Н-но ни география, никакие-то другие науки мне неинтересны.

Психиатр помолчал, почесал усы, еще раз внимательно посмотрел на парня. — Но тогда какой смысл в ваших наблюдениях?

— О! — пациент воскликнул, но на его лице не отразилось ни малейшего признака эмоции. — Ночью я вскакиваю с кровати, и начинается МОЯ ЖИЗНЬ. Я пишу стихи. Н-наблюдения сами откладываются в голове. Я с-сам не понимаю как, но у меня хорошо получается. М-мои стихи в-езде хвалят. Н-но мне всё равно. Днём я не живу. Днём я кукла, манекен, движущаяся видеокамера, — он замолчал и уставился на врача. — Я очень хочу вылечиться.

— Это не болезнь.

— Как?!

— Бог дал вам судьбу поэта, — психиатр снял очки. — И возможно, днём вы не живете, но за ночные труды мир может запомнить вас на века.

— Мне тяжело, доктор.

— Я понимаю. Они помолчали. Оба смотрели в пол. Парень встал.

— Из-звините. С-спасибо вам. До свидания.

— Да ничего, — доктор надел очки. — До свидания, удачи вам.

Поэт кивнул и развернулся к двери.

— Молодой человек!

— Да? — парень повернулся.

— Принесите как-нибудь свои стихи. Давненько я ничего не читал.

— Хорошо, доктор! — и именно в этот момент на его лице отобразилась улыбка, единственная эмоция за весь диалог. Парень открыл дверь и вышел.

Денис КАФКИАНСКИЙ (БЕЙДИН)

* * *

Закройся дома,
Читай Франца Кафку,
Пей кофе, или смотри кино.
Я впал в кому,
Мне не выдали в Рай справку.
Я с годами не стану лучше,
как становится лучше вино.

* * *

Гулким маршем по моему сердцу
пройдись.
приснись мне, приснись мне
приснись.
сожми в руке цветы
я — это Ты
я — это Ты
я — это Ты.

* * *

куда же ведёт сплетение этих дорог?
битым стеклом осыпаны все пути
закрой все окна и двери, закрой на замок
придумай сотню причин, чтоб никуда не идти
за окном темнеет и усиливается снегопад
я пишу письмо сам себе дрожащей рукой
о том, что где-то в городе N неизвестный солдат
на вечном своём посту давно потерял покой

Константин КИКТЕНКО

Через век...

Сто лет прошло,
А я опять вернулся...
И жом старинный
Ото сна очнулся...
Со скрипом дверь открылась,
И мышь в нору забилась...
Лежит лишь пыль,
Здесь света нет.
Остались тишина и быль.
Безмолвие играет свой сонет.
Здесь тени не мелькают,
Душа тихонько замирает,
С портрета улыбается корнет.
Сто лет прошло,
А я посмел вернуться
И грустно мыслям улыбнуться...
Как быстро время пролетело,

Век век сменяет оготело.
Теперь лишь хочется назад...
Но поздно, жизнь чеканит шаг.
Опять кружится в вальсе снег,
А я вернулся через век...

Вальгалла – рай для павших воинов

Начинаю отныне по-новому жить.
Я открываю двери Вальгаллы*.
И даже на байдарке проплыть
Сумею. Жару и не такого давали.
Знаешь, раньше спокойнее было.
Ритм был в щадящем режиме.
Сердце куда меньше ныло,
Несмотря на всё, что испили.
Хочу уехать, навсегда и подальше.
Хочу задохнуться в чужом кислороде.
Мои помыслы с дьяволом знаешь,
Утром я буду в дальней дороге.
Грешу, смеюсь, замаливаю душу.
Следую по асфальту и небу.
Мечтаю очутиться на пике Эльбруса,
Совершить омовение в Лене.
Родился в сибирской пустыне,
Но остаюсь журавлём Ставрополя.
Мои предки из Берлина и Рима,
Нашли в России дом и пристанище.
География моей страны обширна!
Не хватит жизни обойти здесь всё.
Из Монако другие страны видно.
А в нашей не видно и село.
Я потеряюсь на очередном вокзале,
Растворюсь в стенах домов.
Будет свеча гореть по мне в храме,
Освобождая от земных оков.

*Вальхалла, также Вальгалла, Вальгала (др.-исл. Valh ll, прагерм. Walhall — «дворец павших») в германо-скандинавской мифологии — небесный чертог в Асгарде для павших в бою, рай для доблестных воинов.

Александр КОЗЫРИН

Тайны нет, в том, что жизнь — интересная штука.
Никогда не соскучишься с ней!
Она вечно снует, бродит, входит без стука,
Вместо ровных путей творит карусель.

Тут и там, как перчатки, меняя дороги,
Здесь и где-то сквозь солнечный свет
Жизнь бросает вперед свои длинные ноги.
Я старательно двигаюсь вслед:

Шаг за шагом, чуть-чуть настигаю шальную,
Спотыкаюсь, бывает, но дальше иду,
Вот поймаю почти, обниму, поцелую,
Вдруг теряю из виду... И будто в бреду,

Будто в мрачном бреду, принесенном химерой
Опасаюсь дрожащих теней! ...
Ну да ладно, не стоит — всему своя мера.
Жизнь рассудит. Где тьма, где светлей

Станет ясно потом. А пока для досуга,
Чтоб умом не погаснуть, душой не уснуть
Буду с жизнью, с чудесной волнительной штукой
Продолжать карусельно-извилистый путь.

Солнце стекает по брюкам,
Златом сверкает ремень,
Греет и светом, и звуком
Летний безоблачный день.
Я, как и тыщи прохожих,
Вышел из дому с утра
Ради эмоций хороших,
Вышел по зову тепла.

Мимо асфальтные реки,
Мимо столбы фонарей,
Разные автотелеги,
Лица счастливых людей.

В их сути сменилось что-то,
К лучшим сместилось чертам,

Виновна, должно быть, погода,
А может причина не там.

Моя молитва

Пускай вернется снег обратно,
Уйдет, как дым, под небеса.
Где хоры вьюг ревели хладно,
Пускай теперь звенит роса.

Пускай во тьме глубокой ночи,
Нарушив мрачность и покой,
Вспылают солнечные очи.
Златой горячею волной.

Пускай сияние нахлынет,
Из вязкой дремы к свету вынет,
Покажет, где масштаб, где вид,
Взметнется пламенем. Горит!

Пускай горит огонь мечтанья!
Пускай кипит, бурлит в крови
Любовь, надежда, жажда знания,
Пускай просторы всей Земли

Манят шагнуть! Шагнуть поближе.
С мотивом складным или без.
Любой, кто полной грудью дышит,
Кто жаждет слушать, хочет слышать
Достоин эдаких чудес.
Хвала Творцу! Аминь. Конец.

Наталья КОЛЕСОВА

Свободный полет

Вдохновлённая ветром и солнцем,
Ты танцуешь, живая душа,
Ты кружишься в потоке событий —
Понимая, как жизнь хороша!

Слышишь ты переливы напевов,
Замечаешь палитру цветов,

Рвешься ввысь, чтоб со стайкою птичьей,
Вновь увидеть величье хребтов.

Ты паришь над высокой вершиной,
Полной грудью вдохнув тишину,
Ты свободна как вольная птица,
Ты не в клетке теперь, не в плену.

Так лети же, лети же быстрее!
Лучезарный чтоб встретить восход.
Напоённый небесною силой,
Так чудесен твой лёгкий полёт.

О творчестве

Тебя коснулась Божия десница?
Ты новичок иль признанный поэт?
Как твой талант на людях отразится?
Не признан будешь или же воспет?

Ты знаешь, как хрупка душа поэта,
И чувства как его обострены?
Хоть в сердце не всегда бывает лето,
Но мысли к Высшему устремлены.

Ты знаешь, эти чувства как кинжалы —
Пронзают дух и плоть, и рвутся в мир,
Летят и разбиваются о скалы
Той критики, острее что рапир.

Ведь мысли чувствам не дают покоя,
Коль вновь их не облечь в словесный строй.
Пусть льется образов поток рекою.
Твердя: «Пиши и сердце приоткрой!»

Андрей СЕМЕНОВ

О дружбе

- Возьмите за проезд.
- Секунду...

Водитель автобуса, человек с рыжей бородой, уже в возрасте, чёрные глаза которого проглядывали через половинчатые очки, — отсчитав

сдачу, передал билет. Я уселся на своё любимое место в хвосте автобуса: отсюда весь длинный салон был в моём поле зрения. Как адмирал Нельсон после победы над французами на флагмане британского флота, который рассекал воду Ла-Манша, добираясь до портов Англии, на своём корабле-автобусе добирался домой.

Глядя в окно, я предался осеннему настроению. Автобус катил по асфальту, оставлял позади аллеи золотистых деревьев с загрустившими летними цветами. ...Начало октября, а уже чувствуется скрипучий и продирающий до костей ветер, который заставляет каждую клеточку живого организма сжиматься от холода. Всё в природе увядало: солнце, становясь тусклым, уже не грело, хмурилось тёмно-синее небо, готовое уже расплескаться серым дождём, долгим и затяжным, смывающим пыль некогда жаркого лета. Природа готовилась к скорым холодам. Природа и люди.

В моей душе сгущался свой дождь, — липкий, хлюпающий, стылый. В такую погоду пора открывать зонт. Я укрылся под козырьком раздумий, мои мысли летели далеко, а полёт их был свободен от предрассудков и пустых догм, но пока они не имели формы. Размышлял о взаимоотношениях, об амурных заблуждениях и человеческой привязанности, но более моя голова была занята вопросом дружбы. Мои друзья — кто они? Почему они со мной? Откуда появилась эта привязанность, почему она существует? Всё больше подхожу к пониманию того, что много в этом мире сложных людей. Наверное, главное, что я и сам сложный человек, к сожалению, даже при всей дружелюбности и открытости. А вот, множество людей нравящихся мне, интересных, с которыми я хочу общаться, не отвечают увы, взаимностью. Понимаю, что не всегда получается так, как мы хотим, но всё же у меня есть друзья. Один мудрый человек сказал: «Не ломай себя: на земле семь миллиардов людей, и обязательно найдётся тот, кто примет тебя таким, каков ты есть». А я его приму? Ведь этот человек узнает меня ближе, а значит, лучше поймёт. Следовательно, друг это не только тот, кто всегда поможет в беде, но и примет тебя таким, какой ты на самом деле, без масок и грима, без дешёвого позёрства и показухи! А человек, что способен принять другого, и сам идёт по жизни со званием «Настоящего человека»!

Я вышел из автобуса на своей остановке, — за мной захлопнулись двери. Почувствовал легкое касание начинающегося дождя, и лишь улыбнулся... Улыбнулся, и достал солнечно-оранжевый зонт. Ливень стучал по нему, порывы ветра вырывали его из моих рук, становясь злее, наверное оттого, что его усилия были напрасными. Но я уверенно шёл вперёд: пока мой зонт со мной и я держу его двумя руками, — ничего не случится в этом мире!

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА: НОВЫЕ ИМЕНА

Александр БАСКАКОВ

Здравствуй Крым

Вновь враги нам пророчат разброд,
Меж славянами клинья вбивая,
Но поднялся весь крымский народ
От фашизма себя закрывая.
Голосуя за мир и покой,
Памятуя российские корни,
Здравствуй Крым – ты вернулся домой!
Севастополь – ты русский. Мы помним!

Мой дед – победитель

Мой дед Александр Гусев,
По жизни был кузнецом.
Но больше всего горжусь я,
Что он добровольцем-бойцом
В Уральский танковый корпус
Зачислен Родиной был.
И за свободу Отчизны
Из пушек захватчиков бил.
От Курска до самой Вислы
Он видел врагов в прицел,
На брустверах немцы висли
От дедовых метких стрел.
...Теперь я в архивах читаю
Как воевал мой дед.
Большую победу слагая
Их малых своих побед.
И вижу, прямой наводкой
Работает дедов расчёт –
Горящий тигр за «высоткой»,
Поверженный вражеский дот.
Средь боя круговорота,
Команды сквозь рёв и гам:
«Фугасным – по пулемётам!»
«Осколочным – по крестам!»
Он выбил врагов из России,

И в память о нём— ордена,
Но павшие будут живы,
Пока их звучат имена!
Я сыну дал имя деда,
Чтоб знали враги страны,
Что дедушкину Победу
Продолжат мои сыны!

Александр ГОЛОЗУБОВ

О родном крае

По извилистым улицам Зорино
Словно в детстве иду босиком,
Как спокойно на сердце и здорово!
Оказаться мне в крае родном.

Здесь знакома мне каждая улица
Было много друзей и подруг,
Озерки за околицей хмурятся,
Обмелели да высохли вдруг.

Скрылся берег под жгучей крапивою,
Что ведет вечный спор с лебедой,
Мы в обнимку с погодой дождливою,
Вместе плачем над общей бедой.

Славен край наш садами богатыми,
Растянувшись над речкою Пслом,
Весел дом казаками чубатыми,
И сиренью в цвету за окном.

Тронет душу певец голосистый
Вечный певчий России родной,
И восход разойдется лучистый,
Над моею страной луговой.

* * *

Ах, берёзки, любимые, милые,
Как прекрасны в осеннем саду,
В дождь грустите порою унылые,
Отражаясь в холодном пруду.

Чёрной тучею кружатся вороны
На ветру вьются стаяй стрекоз,
Они мчатся, крича во все стороны,
Над стогами, где старый покос.

Бабушкины руки

Леса черны, притихли доли,
Томится дождик у окна,
Уснули внуки после школы,
Под тихий скрип веретена.

Пришли промокшие до нитки,
В сапожках хлюпает вода,
Детей Трезорка у калитки
Из школы встретит как всегда.

Сидит за прялкой баба Нина
С напевом крутит колесо.
А месяц катится лениво,
Бросая блики на лицо.

Сопят на печке дружно внуки
Под треск поленьев видят сны,
И только бабушкины руки,
Полны забот и всем нужны.

Екатерина КАСТРЫГИНА

Бежать по воде...

Я читала рассказ (и не раз, и не два),
Как поморы — три старца, забыли слова.
А слова те, святые, священник твердил;
Повторить не смогли они: не было сил.
«Отче наш» — заплутали они в бороде,
Ветер выветрил всё в «небесах» и «Твое»:
Вместо хлеба лишь рыбой питались они,
А считать позабыли и ночи и дни.
И, когда, подхвативши сутану свою,
Тот священник в смятении, будто в раю,
Зрил, как младший из братьев бежал по воде
И кричал: «Я забыл, как молиться в беде?».
И, как будто ушат опрокинут с водой, —

Покачал тот священник слегка головой,
Поклонился, махнул слезы, крикнул в ответ:
«Как молились — молитесь! — и в том весь секрет...»
Если ты на коленях всю паперть прошел,
Если к каждой иконе не раз припадал, —
То спроси у себя: все ль слова ты нашел,
Чтоб бежать по воде, как старик тот бежал...

Юрий КУЗНЕЦОВ

Посвящение Югре

Север, север край могучий!
Плеск озёр, и шум тайги,
Дом стихии многозвучной
В песнях вьюги и пурги.

Много здесь месторождений,
Трубы, вышки, факела!
К Самотлорскому рождению
Быль урманная вела!

Ханты, манси, их угодя,
И олени табуны.
Юрты, полозы, поводья —
Самобытность всей Югры.

Край великий и могучий,
Дом, в котором я живу,
Нет его на свете лучше,
Что я Родиной зову!

Сибирская тайга

Тайга Сибирская полна
Обильными плодами.
Речная плещется волна,
Над ней кедров ряды.

Югорский ветер над страной,
Пусть тучи грозовые.
Поёт моя душа весной:
Угодья — вековые.

Как вены, трубы с нефтью, газом,
Лежат и вдоль, и поперёк.
Всё охватить пытаюсь разом,
Смеётся в выси — ветерок!

Михаил КУЛТЫШЕВ

Наказ деда — ветерана

Был зимний день, и как стрелой прочерченный,
След в облаках остался и лежит.
То самолет летит путём намеченным,
В огромном небе продолжая жить.

Ведет машину опытной рукою
Вполне земной застенчивый пилот,
Который любит утро над рекою
И сокола стремительный полет.

Он деда слышал все воспоминания,
Забыть не может ни один пустяк,
Как он с полком своим входил в Германию,
И брал с ребятами Рейхстаг.

Учись, служи, знай дома встрече рады,
Хоть трудно жить — так это не впервой.
Для деда будет лучшею наградой
Твой самолет увидеть над землей.

И верь, Россия снова возродится,
Когда орлы такие встанут снова в строй,
И славой воинскою будем мы гордиться.
Нет, не погаснут звезды над Москвой!

Виктория ПЛЕТНЕВА

Знать — не дозволено

Присяду обреченно у крыльца
Ступени лестницы от скуки посчитаю.
Уйдет печаль пусть с моего лица —

Я краткий миг с тобою вспоминаю.
Слова начертаны, исписана тетрадь,
Всецело верю, прочитаешь мои мысли.
Мое отчаянье бумаге доверять,
Рука дрожит, но продолжаю эти письма.
Ничто не в силах оградить от чувств:
Твои глаза желание рожают,
Полет идей и череду безумств,
В душе моей огонь воспламеняют.
«Питать привязанность к надежде и мечте» —
Я откровенно в слабости призналась.
Но обернувшись на тебя, вновь улыбалась.
За пунктуальностью минут следить нет сил,
И расставанье неизбежно, время знало.
Касанье губ. В руках кулон, — «Чтоб не забыл»,
О странной встрече — я её пообещала.
Дальнейших дней судьбы не угадать,
Храню в ладонке искру утешенья.
Что будет — не дозволено нам знать,
Но помни, повторится то мгновенье.

Нина РУКОВА

«Пася румэ»

Что же означает «Пася румэ»?
Я хочу вам просто рассказать,
Как олени быстро мчались к чуму,
Где ждала оленевода мать.

Годы очень быстро пролетали,
И уже совсем седая мать,
Но оленевода всюду ждали,
Чтоб ему приветствие сказать.

«Пася румэ!» — здесь любовь сыновья.
Так друзей приветствуют друзья.
Улыбайтесь, смейтесь на здоровье!
Без улыбок нам никак нельзя!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ

Владимир ВОЛКОВЕЦ

*Член Союза писателей России, Лауреат премии
Губернатора Ханты-Мансийского автономного
округа — Югры в области литературы, руководитель
литературного объединения «Кедр», г. Советский*

Сапер

С нервной улыбкой, калечащей рот
Он по седьмому десятку идет.
Китель навыворот... об этом молчок.
И в сапоге осипший сверчок.
Встанет под окна, шатает забор...
Под Сталинградом ошибся сапер.
Смерть оттолкнул и навек онемел...
Машет рукой, отрывает от дел.
Душу тиранит, зовёт по грибы:
Нынче маслят хоть лопатой гребь.
Как отказать?
Между сосен и лип
Режем с ним рыжики на перешиб.
Вон под сосёнки нырнул...
И каков!
Вынес масляток — сто пятаков.
Следом скорее. Вынес назад
Восемь копеек — восемь маслят.
Сядем в тени и дышим в небеса.
Уши не видят, но слышат глаза,
Как муравейник под боком кишит,
Птица звенит и ольха шелестит.
Там, на уродливо страшной войне,
Не о такой ли мечтал тишине?

Война

Что было внутри — то снаружи.
Над вами, лежащими в ряд,
В две стаи сбиваются души,
Его летит в рай, твоя — в ад.
Из ада, где пепел горячий,
И кровь вперемешку с землей,
Где всё, что увидит незрячий,
Расскажет глухому немой.

Ирина РЯБИЙ

Член Союза писателей России, Лауреат премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в области литературы, руководитель литературного объединения «Югорские ваганты», г. Ханты-Мансийск

Еще немного — снег растает,
А вместе с ним и ночь уйдет,
И зайчик солнечный взлетает —
Как радостен его полёт!

И все преграды — двери, стены
Между людьми сойдут на «нет»,
И жаждет сердце перемены
Тем ожиданием живет.

В Берёзово

Куда меня метелью замело —
В село, где от безлюдья бело,
Где душу жжет березовое тело,
Когда на улице трещит мороз зело!

Какой-то здесь пространственный изгиб:
Ведь столько сёл в заветренной России,
Но лишь сюда таких персон свозили,
Что можно новый возвести «Египт», —

Вернее, пирамиды... Мой порыв:
А где лежит птенец гнезда Петрова?
В музее что-то мямлят про разлив
Реки и про обрыв... и снова...

Какая тайна здесь погребена? —
Таинственна она и бело-синя,
Куда Египту — не достанешь дна,
Куда ушла, как Китеж, та Россия!

* * *

Какая веселая осень:
Бегут облака легко
И сморится солнце в просинь...
И золотом льется в окно!

Какая печальная осень:
Нахмурено небо и дождь
Стучится, сочувствия просит,
Он нищ, как ни странно, и тощ...

Какая богатая осень:
Рождением моим горда,
Рассыплет плоды, и гости
Не смогут уснуть до утра...

Какая ты странная осень,
То все заберешь, а то...
И бросить тебя не бросишь,
И любишь тебя ни за что!

Валентин КИРЕЕВ

*Член Союза писателей России, руководитель
Новомосковского и Богородицкого литературных
объединений, г. Новомосковск,
Тульской области.*

Скажи мне, Россия

Забытая лодка по плечи затянута илом,
Просевшую речку легко перемерять веслом,
Избушка паромщика с берега смотрит уныло
На век отслуживший, почти уже сгнивший паром.

Россия моя, ты скажи, что с тобою творится,
Как реки твои, обмелев, превратились в ручьи,
Как, выплакав слёзы, с тоской в пересохших глазницах,
На эту погибель глядят деревеньки твои.

Шумят города, проезжают по трассам машины,
Клаксоны гудят, нарушая дремучий покой...
Неужто же, люди деревни, настолько грешны мы,
Что видеть должны мы родимую землю такой.

Такой сиротливой, что слёзы кипят на ресницах,
При взгляде на эти, в проплешинах чёрных, поля,
Скажи мне, Россия моя, что с тобою творится,
Скажи, что с тобою творится, родная земля!

Ещё не устали, к работе привыкшие, руки,
Жива ещё совесть (но где-то совсем глубоко...),
А реки мелеют, и гибнут деревни в разлуке,
Как будто с войны не дождавшись своих мужиков...

Запах мёда

Мне не забыть горячей песни лета,
Несу с собой сквозь череду невзгод
В истоках памяти прозрачный купол света
И запах мёда из пчелиных сот.

Дожди грибные, радугу над полем,
Таёжный скрип просёлочных дорог,
Я болен детством и уже не волен
Шагнуть за детство, словно за порог!

Я слышу звон летящей паутины,
Как сыплются с ромашек лепестки,
Гул оводов, мычание скотины
И лёгкий плеск задумчивой реки.

Земля моя! От края и до края
Тебя и в мыслях не дано обнять,
И пусть я что угодно потеряю —
Одну тебя вовек не потерять!

Пусть осыпается, как листья, в осень лето,
Со мной, как счастье вечное, живёт,
В истоках памяти, прозрачный купол света
И запах мёда из пчелиных сот!

Людмила КОШИЛЬ

Автор детских книг «Чудо природы», «Люськины рассказы», книги для слепых детей по Брайлю, «Люськины приключения» и др. с переводом на хантыйский язык. Дипломант в номинации «Лучшая книга для детей» фестиваля краеведческой книги «Югорика-2010». г. Нижневартовск

Первый день на буровой

Переночевав в палатке, Алексей пришёл, чтобы позавтракать с семьей. Несмотря на ранний час, в квартире уже топилась печь. Мама успела подоить корову и варила кашу. Люське тоже не спалось, она встала и прибрала расстеленную на полу постель, чтобы было просторно ходить взрослым. За завтраком папа спросил дядю Гену:

— Кто в посёлке печи кладёт?

— Есть у нас печник Иван Серяк, но он один, вот и приходится долго ждать, а мастер хороший, ещё ни одна печь у него не задымила.

— Я тоже умею, вот и хочу ему помочь, чтобы быстрее, а то в палатке уже холодно спать, — сказал Алексей.

Так, беседуя о домашних делах, мужчины быстро поели и пошли на буровую. Уходя, папа, как всегда, дал задание Люське.

— Дочь, покорми собаку и приberi продукты в палатке, занеси их в дом. Девочка быстро оделась, положила каши, покрошила хлеба и несколько кусочков жареной рыбы. Соболько увидел свою хозяйку издали, радостно виляя хвостом, залаял. Люська, выкладывая еду в миску собаки, говорила ему: «Сиди пока на привязи, привыкай, папа тебя не велел отвязывать. Вот придёт вечером с работы, тогда ты с ним и побегаешь». Зайдя в палатку, она оглядела всё хозяйским взглядом и увидела ведро, накрытое куском клеёнки. Открыла его, а там до краев солёного мяса. Нести его одной было тяжело, и девочка сбегала за тётей Шурой. Вдвоём они принесли ведро и другие продукты, упакованные в мешок. Света и Люда тем временем уже встали и тоже завтракали. Девочки учились в первую смену, им нужно было идти в школу. Проводив дочерей, тётя Шура принялась готовить обед, а Люська продолжила учить уроки. Выполнив быстро домашнее задание, она собрала портфель. Девочка училась во вторую смену, и времени до начала занятий оставалось ещё много.

— Тётя Шура, давайте я вам помогу обед готовить, — предложила Люська. — Я умею картошку чистить.

— Ну, если умеешь, то помоги. А то мужики на обед придут, а у нас суп не сварен. Закончив с домашними делами, девочка собралась погулять по посёлку. Ей хотелось сходить на буровую и посмотреть, как там всё устроено. Однако детям находиться там запрещено. «Ну ничего, сейчас на буровой папа работает, и поэтому меня никто не прогонит», — подумала

девочка и пошла к заветному месту. Но тут ей стало страшновато: а вдруг дядя Гриша-мастер не пустит... И она пошла медленнее.

Чем ближе подходила девочка к буровой установке, тем сильнее она ощущала незнакомые ей запахи солярки, железа и масел. Люська зашла на деревянные мостки, на которых лежали бурильные трубы. У основания буровой была пристройка, в которой располагались дизели. Люди были увлечены работой: кто-то крутил большими металлическими ключами гайки возле станков, другие носили мешки с цементом и складывали их возле бетономешалки. Буровики выполняли и другую работу, значение которой девочка не понимала. Вокруг всё шумело, звякало и очень быстро передвигалось. Опомившись от первого впечатления, девочка стала искать отца и увидела его возле труб. Рядом с ним стоял мужчина, который что-то рассказывал и показывал ему. Люська подошла ближе, и тут только все заметили девочку и посмотрели на неё с удивлением. Алексей, смутившись, произнёс:

— Это дочь моя, она очень любознательная, вот и пришла посмотреть.

Подошёл мастер и спросил Люську серьёзно, но с улыбкой:

— Что, интересуешься, как буровая устроена? В школу ходишь? — Девочка кивнула. — С дочкой моей знакома, Валея Норкиной? — Люська опять кивнула. — Вот и хорошо, она тебе про буровую много расскажет. А теперь иди домой, детям здесь нельзя находиться по технике безопасности.

— А можно спросить? — наконец заговорила девочка. — Что это посередине стоит — железное и большое?

— Это называется буровой станок. Он бурит скважину, но не сам, конечно. Им управляет бурильщик или мастер, — объяснил Григорий Иванович. — Поняла?

Люська в ответ кивнула и улыбнулась. Затем обратилась к отцу:

— Приходите с дядей Геной обедать. Мы с тётей Шурой суп варим.

Все стоявшие рядом буровики рассмеялись, и для Алексея это оказался хороший выход из неловкого положения. А один из буровиков сказал:

— Давай знакомиться. Меня зовут дядя Витя, и я приглашаю тебя к нам в гости. Ты, как видно, смышлёная.

Люська опять кивнула головой в знак согласия и побежала обратно в посёлок. Это было первое знакомство с буровой любопытной девчонки. И она не могла сдержать детской радости.

Александра ЛАЗАРЕВА

*Член Союза писателей России,
руководитель литературного объединения
«Северный огонёк»,
г. Сургут*

Строфы

Мне плыть по жизненной реке,
Не поддаваясь злым ненастьям.
Проснуться на твоей руке —
Что нужно большего для счастья?

* * *

Когда меня возносят к облакам,
Как человека, женщину и друга,
Тогда я говорю: наверняка
То не моя — родителей заслуга.

* * *

Балалайка, частушка, гармошка —
Самый добрый признак села.
На денёк, на часок, на «немножко»,
Я бы в прошлое это ушла.

Земляки поднимались с рассветом,
Только сумрак ночной притих,
Соловьи с петухами дуэтом
Заводили мелодию-стих.

Всё сплеталось: работа и пляски,
Скрип ворот и подойников звон.
И скрывала влюблённых ласки
Тень больших тополиных крон.

Я смотрела в родное окошко,
Где по озеру лодка плыла...
На денёк, на часок, на «немножко»,
Я бы в прошлое это ушла...

Кристина ЛОМОВА

*Студентка,
Польша, Словения*

Ностальгия: мегаполис, Санкт-Петербург

«Говорит капитан корабля: через 40 минут идём на посадку. За бортом +13 по Цельсию. Просим всех пристегнуть ремни безопасности».

Сквозь облака пробиваются лучи солнца. Мы снижаемся. Волнуясь, ведь не видела любимый город уже целых 4 месяца. Приземлились. Аплодисменты пилотам! До сих пор удивляюсь, как они справляются с такой громадиной.

Питер, Санкт-Петербург, Город на Неве, Северная Венеция, Ленинград... Для каждого он разный, многогранный и самый желанный. Прошло пару часов, и я уже на занятиях, рассматриваю с глубочайшим интересом картины в Эрмитаже. Идёт защита. Группа туристов, проходящих мимо, с удивлением посмотрели на нас: мол, что ж они такие маленькие, — о картинах уже рассуждают. Ах нет, как они заблуждаются, маленькие да удаленькие.

Дина Абрамовна с удовольствием поделилась своими знаниями о модерне, и помогает нам разобраться в искусстве. Ещё осталось шесть дней нашей любимой программы «Город в Подарок» и — надо многое успеть.

Последующие дни посвящены Ахматовой и её интереснейшим стихам: Конструктивизму, не дурно развитому в Питере, Блокадному Ленинграду, Фонтанам и Садам в Петергофе.

Самый нужный и запомнившийся более всего день: Вузы города на Неве. Нам выдалась возможность посетить СПбГУ, и поговорить с преподавателями на филологическом факультете. Сама атмосфера поразила. СПбГУ, — словно маленький студенческий городок, различные старинные корпуса, миниатюрные памятники и фонтаны, а в перерывах играет спокойная музыка, и как только она замолкает, все понимают, что нужно торопиться на занятия.

После вуза моей мечты, мы едем в институт имени Герцена. Дворцы корпуса, но уже без той атмосферы, которая присутствовала в СПбГУ, того самого умиротворения и спокойствия, совершенно антонимичные ощущения: суета, беготня, энергия. Да плюс ко всему, институт находится в центре, на Невском проспекте, а это студенты, многочисленные кафе и магазины, Исаакиевский собор. Нет размаха фантазиям, но есть энергия, соперничество, которое бодрит.

По Санкт-Петербургу идёшь и ощущаешь себя другим человеком, другие мысли, другие интересы, другие улицы, другие люди, только небо остается родным. Небо, о небо, оно так напоминает родной

город, часто затянуто тучами, покапывает дождик, небо будто плачет о тебе. Серое небо днём, и яркое солнце утром, радужный закат вечером и белые ночи летом. Небо Северной Венеции как моё настроение, — такое же переменчивое и временами непонятное, может именно поэтому, я чувствую себя в Питере как дома. Уезжать нисколько не хочется. Скоро я вернусь сюда, снова в Ленинград, стану опять его частичкой и смогу ощутить всю переменчивость погоды, порадуюсь солнцу и поплачу вместе с дождём...

* * *

С большим и тёплым сердцем, и добрыми руками
Мне хочется обнять тебя с закрытыми глазами;
Я в бурю, снег и стужу приду на помощь маме,
Мы справимся с печалью, сумеем вместе, сами.
Мне хочется с любимой объехать целый свет,
Что б ты купалась в море, числа не помня лет!
Я знаю, ты мой ангел, я верю, ты — мой Бог,
Лишь счастье пусть встречает среди путей, дорог,
Пусть беды и ненастья побудут за окном.
Приди ко мне родная, чудесным светлым сном!

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор КОЗЛОВ

*Член Союза писателей России,
Лауреат премии Губернатора автономного
округа области литературы,
г. Мегион*

Весенняя Иордань

Буровая Р-70 Северо-Сикторской площади была смонтирована на окраине большого болота, на мощной торфяной подушке, и её нужно было пробурить до того, как торф оттаёт. Весна 78-го года обещала быть ранней, и приходилось торопиться: забурку Р-70-й решили произвести силами подготовительной вахты Геннадия Кочнева, в обиходе Лариончыча. Через несколько дней после завоза кочневцев на буровую прилетел и я — посмотреть: как, и что? Хотя на Лариончыча я всегда мог надеяться, но посмотреть самому — никогда не мешает.

Работали кочневцы, как обычно скоро: оборудование упоили, трансмиссию прокрутили, сделали оснастку тадевой системы, бурильный инструмент и кондуктор уложили на мостики, котёл запустили, одна заковырка: глинистый раствор не был готов. ... И глиномешалка в порядке, и бентонит с химическими реагентами есть, а сливать раствор — некуда!

В нефтеразведке в то время, применяли так называемую амбарную систему хранения глинистого раствора, включавшую в забурочный и рабочий амбары напорную металлическую емкость. На Р-70-й оба мерника заполнились торфяным выпотом, который покрылся, чуть ли не метровым льдом. И хотя большая часть пара расходовалась на отпаривание забурочного мерника, дело не двигалось. Посоветовавшись, решили вырезать — паром — две майны: возле глиномешалки и под «виселицей» вертикального шламового насоса; часть эскуданта откачать на болото, часть использовать для затворения бентонита; пар использовать для подогрева раствора, — чтобы бентонит мог распускаться. Решили — сделали! Начали раствор готовить и в амбаре его паром и воздухом от пневматической системы буровой. Тонн двадцать глины замесили, бочку гипана израсходовали — раствор бы уже приличный должен бы быть, а у нас, что ни замер — все малоглинистый! Даже хуже: почти техническая вода! Но, как говорится, голь на выдумку хитра! Сделали на напорной ёмкости настил, с помощью лёгкости и трактора установили там ФСМ (фрезерно-струйную мельницу), оставшуюся глину сделали возле устья приямка, подвесили над ним ВШН (вертикальный шламовый насос), обвязали его с ФСМ и пустили циркуляцию по малому кругу (минуя забурочный мерник). Кочнев,

как обычно, бросил горсть серебра под болото, и мы около полуночи закурили «нулевку» ...

Началась проходка скважины. Убедившись, что всё идет путём, я пошёл в культбудку, которая стояла на самом конце жилого посёлка, на берегу взбухшего ручья: нужно передать срочные заказы буровой, узнать план работы вертолетов на завтра.

Переговорив с базой, я пошёл на буровую. Краткая весенняя ночь иставала голубоватой сосулькой. Переменчивый рёв дизелей, переходящий в рокот, лязг металла, свист воздуха, выпускаемого из муфт, возвратный гул, — привычные звуки работающей буровой, — приятный слуху буровика.

Первым делом я решил проверить, как идёт барботаж раствора в забурочном мернике: всё же короткая схема циркуляции ненадежна! Воздух сейчас нужен был на бурение, да и пар тоже, поэтому в мерник пар шел только от двух сосков, да и они без присмотра: вахте было не до них. Паровые шланги змеисто как лежали, впаялись в лёд, а насадки из превенторных трубок завалились. Я переставил одну насадку, пошёл к другой и... вместе с обломившимся куском льда рухнул в раствор или, как его там, в техническую воду...

В первый момент, честно говоря, я не испугался: делов-то! Лишь бы буровики не увидели, а то потом подначек не оберешься! На мне был свитер, геологический костюм и яловые сапоги с портянками. Поначалу я даже и особого холода не почувствовал. Но после нескольких попыток выбраться, замандражил: лёд был висячий со всех сторон, и чтобы ухватиться за край, мне приходилось по-дельфиньи подпрыгивать, — но зацепиться было не за что: в оплавленных краях майны не было ни одной ущелинки, за которую можно было бы, уцепиться, хотя бы ногтями.

— Кричать? Бесполезно. Ждать, когда кто-то случайно, может по ерунде — появится с этой стороны? Тем более: замерзну. Так нелепо завершить жизнь? И я снова — по периметру — стал делать попытки выбраться... И — о чудо! — в одном месте сапогом нащупал то ли отошедшую стойку обшивки амбара, то ли что-то ещё, и я смог дотянуться до канавки, в которой лежал шланг, опершись на это «нечто». По дороге к культбудке, — бежать у меня сил не было, — я механически сунул руки в карманы геологической куртки и обрадовано констатировал: «Раствор!» Тут же вытащил руки: в пригоршнях был отличный раствор!

Я быстренько переоделся в чью-то робу, сполоснул в ручье свою одежду и пошёл на буровую.

«Мужики! — сказал я вахте, — не будем счастье испытывать! Переходим на обычную циркуляцию через забурочный мерник: раствора у нас — хоть попой ешь. Сапогом сам пробы отбирал!».

Павел ПЛЮХИН

*Член Союза писателей России, Лауреат Тюменского
регионального конкурса «Книга года-2013» в номинации
«Самая популярная книга»,
г. Нижневартовск*

Семён Ремезов и Андрей Виниус: поиски истины через три столетия

Работая над книгой «Карагайка — частица российской истории», охватывающей значительный исторический период Южного Урала, я искал древние карты Урала и Сибири и был немало удивлен огромному качественному отличию карт конца 17 века от карт начала 18 века. Чувствовался огромный прорыв в русской картографии в этот переходный период, причины которого были необъяснимы. Изучая материалы Сибири, я не мог не познакомиться с картами Семёна Ремезова, более совершенными, информативными и практичными по содержанию. Но вопрос всё же оставался: как мог талантливый сибирский чертёжник создать первоклассные карты европейского уровня? Кто же из европейцев был его учителем, наставником? После долгих поисков ниточку к разгадке нашёл в самом тексте вступления Ремезова к «Чертёжной книге Сибири» (1699-1701гг): «Повелено в Тобольску по грамоте великаго Государя всю сибирскую землю описать, грани земель, жилища, межи, реки и урочища и всему учинити чертёж».

И далее С. Ремезов пишет «...по велению царского пресветлого величества» и «...трудолюбным прилежанием сибирского приказа думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса сия чертежная книга совершился». Здесь, уважаемый читатель, необходимо подробнее обратиться к биографии А. А. Виниуса, на которого ссылается Семён Ремезов. Его отец, Андрей Денисович Виниус, обосновался в России ещё при царе Михаиле Федоровиче. Сначала он занимался хлеботорговлей в Архангельске, однако учитывая острую потребность в металлах, решил «переквалифицироваться». В 1632 году он основал первый крупный железоделательный завод под Тулой, а в 1646 году принял православие и поселился в Москве. За свой вклад в развитие России купец пользовался почетом и уважением при дворе.

Сын его Андрей Андреевич Виниус родился в 1641 году, крещен патриархом Никоном. С детства он получил хорошее образование (по свидетельству современников он знал голландский, английский, французский, немецкий, польский, латинский и древнегреческий языки, был силен в математике, черчении, горном деле, экономике, географии, алхимии и медицине). Будучи православным, он хорошо знал богословие.

Карьера А. Виниуса началась в 23 года, когда он был принят переводчиком на службу в Посольский приказ (1664г). Начальство старалось использовать связи Виниуса для развития отношений России с Голландией: когда в Россию прибыл голландский посланник Якоб Борейль, переводчиком

при котором был А. Виниус, в его свите оказался кузен Виниуса, известный голландец Витсен, и это значительно повлияло и возвысило значимость Виниуса в глазах приближенных царя. В 1672-1674 гг. он посещал Францию, Испанию и Англию с дипломатическими поручениями, после чего был пожалован в дворяне и возглавил Почтовый приказ. С 1677 г. возглавил Аптекарский приказ, положив начало «аптекарского научения» и создания библиотеки медицинских книг, а попав в поле зрения царя Петра I и, став его доверенным лицом (он учил царя голландскому языку), в 1691 г. был пожалован в Думные дьяки. С 1695 г. А. Виниус возглавил Сибирский приказ, руководил строительством железоделательных заводов на Урале, организацией поиска руды, выполнял длинный список важных поручений царя.

После поражения армии Петра I под Нарвой и пленения шведами главы русской артиллерии имеретинского царевича Александра Арчиловича, А. Виниуса назначают надзирать за Приказом артиллерии с задачей наладить литьё русских пушек, что и было сделано в кратчайшие сроки. Но в 1703 г. по доносу он впал в немилость царю, был уволен в отставку и вынужден бежать в Голландию. (Это было обычной практикой царя Петра I, когда он давал огромные полномочия приближенным и чиновникам, потом проводил сыск и лишал не только должностей, но и имущества.)

В 1708 А. Виниус обратился к Петру I за прощением, подробно описав сделанную им ради державы работу, перечислив свои достижения, был реабилитирован и вернулся в Россию. Ему вернули конфискованное имущество и чин Думного дьяка, а царь дал ряд поручений, включая перевод книг по механике, фортификации, артиллерии. Им собрана богатая (по тому времени) библиотека научных книг, которая после его смерти в 1717 г. была по указу царя передана в Санкт-Петербургскую публичную библиотеку.

Возглавляя Сибирский приказ в Tobольске и, имея практически неограниченную власть и поддержку Петра I, Виниус (а опыт и знания по составлению карт у него уже был приличный!), выступил инициатором работы по созданию новых подробных карт Сибири. Тем более, появился талантливый ученик Семён Ремезов, который смог сделать эту работу качественнее и быстрее. Карты остро нужны были для нанесения полезных ископаемых, прокладки торговых путей и сообщения между поселениями. Они содержали данные о расстояниях, маршрутах дорог, о крепостях, городках, храмах, проживающих людях, наличии воды, болот, хлеборобности земель и т.д.

Участие Виниуса в руководстве и контроле над картографической работой подтверждает наличие надписей на голландском языке на ряде карт. Многие названия на голландском языке присутствуют рядом с русскими (как бы карты были переведены и подготовлены для западноевропейского пользователя, см. фрагмент карты Мангазеи с полным переводом на голландский язык).

Для югорчан представит интерес фрагмент карты с местоположением Сургута, района реки Вах и её притоков. На карте нанесены юрты, — места расселения хантов, и их родовая принадлежность. Огромное моё удивление вызвал переход (перетаск) с реки Вах на Енисей (через приток Сым), который, как оказалось, был известен ещё три века назад.

(П. П.: И которым в наше время воспользовался нижевартовец Валерий Нестеров для сложнейшего перехода к староверам в 2011 году).

Известен факт, что из «Служебной чертежной книги» С. Ремезова были вырваны четырнадцать страниц. Многие исследователи считают А. Виниуса причастным к этому случаю, поскольку он переправлял за границу новые карты Сибири. Так, он перепроводил карту всей Сибири Гвариенту Игнатию Христофоровичу, военному советнику императора Леопольда Первого, сразу после того, как Ремезов составил сибирские чертежи. Какой интерес преследовал А. Виниус: коммерческий или амбициозный, судить сложно, но карты оказались в Европе. (П. П.: Надеюсь, исследователи найдут эти карты С. Ремезова в архивах Голландии или Германии. Поиски трудов С. Ремезова привели автора этих строк в Кембридж в библиотеку Гарвардского университета (Houghtonlibrary). Любопытный интернет-читатель может познакомиться с книгой (название книги *Khorograficheskayakniga (cartografical sketch-book of Siberia)*), и — получит наслаждение от титанической великолепной работы, выполненной три века назад. С. Ремезов в предисловии к книге написал, обращаясь к царю: «С великим поклоном тьматисящский слуга твой Тобольский сын боярский Сенька Ульянов сын Ремезов».

Ниже хочу привести карту Кучумова городища из вышеотмеченной книги для историков, исследователей, поскольку споры о ставке Кучума не утихают, а Семён Ремезов был ближе к тем историческим событиям и все карты, сделанные его руками, не вызывают сомнений. Уровень детализации, информационной насыщенности карт в найденной книге значительно уступает «Чертежной книге Сибири», а это означает, во-первых, «гарвардский» вариант — более молодое издание, а во-вторых, над картами шла постоянная работа, которые дополнялись поступающими сведениями.

Карта Тюмени и прилегающих селений даёт картину трёхсотлетней давности с её дорогами, мостами, церквями, озерами, реками, лесными массивами и болотами. На ней можно увидеть, что Заречье было обжито уже тогда, и там стояла церковь. Благодаря Семену Ремезову сохранились исторические документы, позволяющие изучать по крупницам историческое прошлое Отечества.

Вклад неизвестного в России Андрея Виниуса велик тем, что он привнёс в развитие Отечества не только свои передовые европейские знания, он организовал и привлёк лучших мастеровых людей из-за границы и организовал их работу на благо России. Он вел оживленную переписку с Петром I, руководил заводчиками, в том числе и знаменитым Демидовым, (он контролировал работу Каменского и Невьянского оружейных заводов), перестроил прогнившую систему управления и сбора налогов в Сибири, увеличив доход казны в некоторых регионах в десять раз! Я не берусь перечислять длинный перечень его неоспоримых заслуг, но А. Виниус оставил свой яркий след в ряду знаменитейших соратников Петра I.

Удача свела в одно историческое время царя-реформатора, который рвался вперёд, но не знал, как это делать, и образованнейшего «обрусевшего» голландца, который был очень востребован эпохой перемен!

Нижевартовск — Тюмень

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Евгений КАРГАПОЛОВ

Член Союза писателей России, доктор педагогических наук, профессор, Лауреат премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в области литературы, г. Ханты-Мансийск

От сердца, от души, от ума

*рецензия на специальный выпуск альманаха «Зори Самотлора-2013»
за № 11-м, посвященный жизни и творчеству югорской писательницы
Маргариты Кузьминичны Анисимковой*

Перед нами одиннадцатый выпуск литературно-художественного альманаха «Зори Самотлора», выпущенный Нижневартовским городским литературным объединением «Замысел». Примечателен он тем, что посвящен яркой личности в мире сибирской литературы — Маргарите Кузьминичне Анисимковой. В нём собраны удивительные воспоминания известных писателей России, начинающих литераторов, которым она дала путевку в жизнь; людей, близко знавших её и друживших с ней не одно десятилетие; а также исследования литературных критиков и учёных о творчестве Маргариты Кузьминичны Анисимковой.

Замечательная писательница своим трудом, обаянием, личными качествами завоевала прочный авторитет среди прозаиков России и огромную популярность среди читателей. Она являлась мудрым педагогом и опытным наставником молодежи. Её произведения пронизаны духовностью, нравственностью, высоким зарядом оптимизма, любовью к жизни и человеку. Маргарита Анисимова относилась к плеяде русских женщин с сильным характером и самообладанием. О таких людях писал выдающийся русский философ Иван Ильин: «Русскому... свойственен характер восприимчивый, чувствительный. Вся свою жизнь он носит в себе живое и впечатлительное сердце: симпатия и антипатия...» Эту мысль подтверждают воспоминания об Анисимковой, оценка её творчества, без которого сегодня нельзя представить полноценного развития русской и мансийской культур в нашем регионе, во всей Сибири. Ею написаны такие романы и повести, как «Ваули», «Порушенная невеста», «Плач гагары», «Эхо», «Великий камень», «Наледь», «Мангазея». Они с увлечением были прочитаны её земляками и теми, кто интересуется историей освоения русскими людьми Сибири. Её книги способствуют росту национального самосознания, придают силу и уверенность в будущем. В своих произведениях она показывает тайные пружины борьбы добра со злом, нравственного со безнравственным, хорошего

с плохим... Её творчество — это её жизнь. Свет, который оно источает, нужен людям. Это подтверждает её собрание сочинений, вышедшее совсем недавно, накануне ухода писательницы из жизни. И этот свет очень необходим нам сейчас, когда развеивается мрак, и русский народ вместе с другими денационализированными народами России начинает обретать свои духовные ориентиры, которые помогут преодолеть хаос и моральную деградацию.

Участники этого выпуска альманаха, посвященного памяти писательницы, как один подчеркивают: ушёл из жизни солнечный человек, жизненный пример которого сродни подвигу. Увы, все люди смертны, но память о лучших из них, сохранённая нами, делает их живыми. Вот и патриарх нашей литературы Валерий Ганичев подтвердил эту мысль: хотя и из Москвы, но всегда чувствовали её писательское присутствие, сияние души. Ему вторит главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев: понимаю, как не хватает её всем нам сегодня... Руководитель писательской организации Югры Дмитрий Мизгулин размышляет о том же: «Она не любила, когда её называли эпохой. Хотя мы теперь чувствуем, что с её уходом безвозвратно исчезает поколение неповторимых творцов, беззаветных тружеников, непререкаемых учителей».

Личность М. К. Анисимковой, её книги и биография учат нас тому, как надо бороться за жизнь, за своё счастье, за справедливость, бороться со злом, освещать тьму. Её герои вселяют в нас оптимизм, вдыхают уверенность в будущее.

М. К. Анисимова оказала влияние не только на литературные процессы в Сибири, но и на формирование поколений молодых писателей. Она была знакома со многими выдающимися людьми России, поддерживала контакты со многими писателями Сибири и Югры. Поэтому не случайно, что в альманахе со своими воспоминаниями о дружбе и сотрудничестве о ней поделились известные за пределами округа и России писатели Сергей Козлов, Еремей Айпин, Андрей Тарханов, Мария Волдина, Павел Черкашин; тюменцы Николай Денисов, Николай Коняев, Александр Мищенко; мегионец Виктор Козлов, нижевартовцы Владимир Андреев; ныне саранский писатель Владимир Мазин...

Особая благодарность составителю — Альбине Кузьминой за альманах, получивший признательность в литературных кругах России. Около 20 лет руководит она городским литературным объединением «Замысел», была хорошо знакома с писательницей, и более того, близким по духу творчества человеком! Оценивая огромный вклад М. К. Анисимковой в развитие русской литературы, авторы альманаха отмечают её личные качества, женственность, доброту души, жизнерадостность писательницы. Станислав Куняев подчеркивает радушие писательницы, её творческий вклад в молодую писательскую поросль: «А как она любила своих питомцев из литобъединения! По-матерински опекала их, радовалась их удачам, огорчалась печалям...»

Мне, написавшему первую монографию о творчестве Маргариты Кузьминичны «Гори, гори мой свет души...», стали откровением два

письма писательницы к Дмитрию Мизгулину. В них она предстала, как личность, радеющая за восстановление духовных корней русской Сибири, за реабилитацию исторической правды, за истинное понимание роли нашего Православия.

Маргарита Кузьминична длительное время курировала в Нижневартовске литературное объединение, поэтому сборник воспоминаний был бы не полным без трогательной благодарности его членов, особенно тех, кто получил путевку в литературную жизнь лично из её рук: ведь благодаря ей — наставнице, пестовавшей литературные таланты — многие поэты и прозаики состоялись, стали членами профессиональных творческих союзов. Как здесь не вспомнить трогательные строчки Л. Абасовой, В. Акимова, В. Авдеева, Т. Бутник, Е. Володиной, С. Говердовского, А. Дарьиной, Л. Журавлевой, Т. Зуевой, А. Кошкаревой, Н. Лексиной, С. Майоровой, М. Мамедовой и других. Одно из таких посвящений хотелось бы привести в отзыве. Так, нижевартовская поэтесса А. Дарьина — автор сборников стихов «Бабье лето», «Скорбь крылами задела», — в стихотворении «Посвящение» от души высказала своё преклонение перед Учителем:

*Такую женщину сам
Бог велел любить.*

Следует особо остановиться на литературоведческом анализе произведений М. К. Анисимковой. В альманахе опубликовано всего два подобных исследования: членов Союза писателей России, литературного критика М. М. Рябий и литературоведа Е. П. Каргаполова. М. М. Рябий в статье «Я не современная, я — «издалека»...» делает попытку проанализировать весь творческий путь М. К. Анисимковой от первых шагов в литературу до романа «Мангазея». Он считает, что М. К. Анисимова через свои художественные произведения раскрылась как яркая, самобытная и очень интересная писательница. Большую часть художественных произведений она посвятила истории родного края. Её произведения подталкивают читателя на изучение истории Сибири, которая благодаря прозе писательницы предстает не просто увлекательной, но и очень содержательной, полной фактов героизма и самоотверженного служения Родине. Михаил Рябий отмечает: «Перечитывая произведения Маргариты Кузьминичны, невольно ловишь себя на мысли: история нашего народа настолько удивительная, настолько небывалая («умом Россию не понять, аршином общим не измерить»), что только одним ученым во всех красках не воссоздать полотна минувших столетий. Поэтому создавать картину народно-исторического бытия помогают писатели, используя художественный метод. Благодаря их стараниям из узкого круга любителей отечественной истории вырастает огромная читательская аудитория патриотов России, узревшая и осознавшая совершавшийся огромный духовный рост нашей империи. Многотрудными усилиями художественной словесности российская история приобретает глубокий и острейший смысл: в представлениях

большинства читателей этот особый мир, возвышающийся над обыденностью современной жизни».

Исследователь и литературный критик Михаил Рябий большей частью анализирует те художественные произведения М. К. Анисимовой, которые были написаны в начале творческого пути — это повесть «Ваули», мансийские сказы, повесть «Лицом к ветрам», он бесстрастно фиксирует достижения и неудачи писательницы, отмечает причины, почему ей так и не удался современный герой наподобие Павки Корчагина. Хотя такая возможность была, ибо она какое-то время работала на стройках Нижневартовска. Вторая исследовательская статья автора пока первой и единственной монографии о творчестве Маргариты Анисимовой посвящена повести, а затем роману «Ваули», который сделал писательницу широко известной еще советскому читателю, ибо он издавался массовыми тиражами и выдержал три издания. Жаль, что только два таких исследования учёных из Ханты-Мансийска представляли литературоведческий раздел альманаха. Писательница заслужила гораздо большего внимания к своему творчеству со стороны самых разных ученых и критиков.

Полагаю, что в будущем научный раздел о творчестве могли бы украсить многие интересные материалы не только ученых и литературоведов нашего региона, но и других городов страны. Жаль, что мало студенческих исследовательских работ. В столице Югры несколько лет осуществляются научные публикации о творчестве писателей Сибири, есть среди них и материалы, посвященные творчеству Маргариты Анисимовой. Костяк публикаций — литературоведческие статьи и рецензии студентов и преподавателей Югорского государственного университета. Только в Ханты-Мансийской государственной медицинской академии под названием: «Русская сибирская литература: История, сущность, современные проблемы» прошли три региональные научно-практические конференции, сейчас завершается подготовка к четвертой. Вышло три сборника материалов.

Интересен раздел альманаха, названный «литературной гостиной», в котором опубликованы воспоминания члена Союза писателей Израиля Е. Бравермана, членов Союза писателей России С. Сметанина (Санкт-Петербург), С. Динисламовой (Ханты-Мансийск) и В. Киреева (Новомосковск, Тульской области), главного редактора газеты «Северная звезда» Н. Федорова (Ивдель, Свердловской области), члена Союза журналистов России И. Кириллова. Все авторы были хорошо знакомы с Анисимовой, высоко ценят её творчество.

Так, Евгений Браверман писал о начальном периоде своей творческой биографии: «Как несмышленные цыплята у матери-наседки, мы всегда знали, что в любой момент сможем получить от писательницы дельный совет, помощь в литературных изысках. Несмотря на свою занятность, она всегда находила для нас время. К ней можно было запросто прийти домой и обсудить любой вопрос. Она была простым, великодушным и умным человеком. Благодаря ей, многие из нас выросли в творческом плане и стали членами различных писательских

организаций. И хотя человеческая память небезгранична, пока мы живы, — будем помнить хорошего и отзывчивого друга, Человека с Большой буквы — Маргариту Кузьминичну Анисимкову».

Большого внимания заслуживает предложение проводить ежегодные «Анисимковские чтения», эта идея давно вызревала на многих научных конференциях и не раз высказывалась вслух. Считаю, что «Анисимковские чтения» должны проводиться под эгидой Ханты-Мансийского регионального отделения Союза писателей России, поочередно в Нижневартовске, Ханты-Мансийске, где она жила и трудилась, а также по очереди в других городах округа.

Последний раздел сборника памяти посвящен воспоминаниям близких людей писательницы, с ними она дружила, была длительное время знакома. Их высказывания очень ценны для дальнейшей разработки не только творческой биографии, но биографии в целом этого очень интересного и замечательного человека, вобравшего в свою жизнь часть довоенной, военной и послевоенной эпох нашей страны. Становление писательницы начиналось в 1960-е годы, а в 1970–1980-е Маргарита Кузьминична продолжила свой победоносный творческий путь как автор исторических романов, венцом которого стало её собрание сочинений в шести томах.

В заключение следует отметить вклад коллектива альманаха «Зори Самотлора», и лично редактора-составителя Альбины Кузьминой, а также спонсоров и, в том числе, Президента ОАО Ханты-Мансийского банка Дмитрия Мизгулина, в общий творческий портрет писательницы Маргариты Анисимковой, что предстал перед читателями в 11-м выпуске альманаха «Зори Самотлора» за 2013 год, все материалы которого читаются с неподдельным интересом. Отметим также и качество издания, выполненного на достаточно высоком уровне.

Михаил РЯБИЙ

Член Союза писателей России, литературный критик,
автор более 90 публикаций, многих книг и монографий
«Да чисто русская Россия пред нами явится видней»,
Лауреат Всероссийской литературной премии «Югра»
в номинации «Литературная критика»,
г. Ханты-Мансийск

История о том, как собака сорвалась с поводка и никого не покусала

*Погодите — не проходите.
Стоит только то, что дадите...
Ангела Бецко «У метро»*

Рецензия мне всегда напоминает рекомендацию человеку, решившему обнародовать продукт своего творчества. И «продукт» вроде бы неплохой, и упаковка стоящая, но кто знает, как всё это воспримут в нашем несовершенном мире. Творчество в какой-то мере характеризует и самого человека, поскольку печать его отражается на самом создателе. И здесь очень важно, чьим адвокатом он выступает...

А теперь — к делу. Всегда не просто писать рецензию на «женские» стихи, ибо женское мировидение отличается от мужского, но при этом гораздо глубже в охвате чувствами, нежели разумом. Вот и в поэзии Ангелы Бецко отсутствие какого-либо рационализма бросается в глаза с первых строчек. Многострадальному постулату о том, что планета Земля — шар, противопоставляется иное, поэтическое понимание: для лирической героини она прежде всего круг, а затем уж шар, переходящий в своеобразное яблоко... Поэтому, казалось бы, не стоит волноваться консервативно настроенным читателям: отход от привычного образа лишь дань поэтической условности, но, как поётся в популярной песенке конца 1970-нач. 1980-х, «точка улыбнулась и стала запятой...»

*Круг — Земля. В центре — ты.
Как червяк в яблоке.*

После подобной конкретизации в голову начинает приходить всякое: неужели любовь героини настолько поругана её избранником, что боль от неё превращает поругателя в ничтоже сумняшеся червяка? Ну, как тут не вспомнить о женской мести! Образ червивого яблока во всемирной лирике не менее древний, чем образ самого яблока, ведущий своё начало даже не с библейских, а ещё языческих времён. Любовь уже тогда была яблоком раздора, из-за неё воевали друг с другом целые народы и государства, если вспомнить историю падения гомеровской Трои... А что же сам

автор? — взглянул — и мимо, перепрыгивая через этот образ, он уже ведет своё лирическое повествование далее:

*Вестибюль. Зал. Ряды
кресел. Свет — зябликом.
Жизнь свою в стиле арт
проживи заново.
Прав Шекспир:
мир — театр...
И земля — Занавес.
«Круг — Земля...»*

Последнее утверждение, что жизнь — театр банально, но применительно к мысли лирической героини в повелительном наклонении «жизнь свою в стиле арт проживи заново» заставляет на неё взглянуть по крайней мере с интересом: что же за сумасшедшая объявилась в здешних краях поэзии, не такая как все? Не знаю как вас, а меня после такого поэтического вступления к сборнику его содержание заинтересовало, и я решил внимательнее прочесть строчки её стихов — и не ошибся. Следующая поэтическая миниатюра под названием «Рождественское» меня не оставила равнодушным. Многое в ней показалось непривычным, но с другой стороны, из этой необычности и вырастает поэтическое восприятие мира. Судите сами!

*В городе снег — вместо перил,
вместо мостов — всюду.
И человек двери открыл,
верить готов чуду...
Зимняя стынъ. Белая вязь.
Ангел летит в руки.
Вышняя синь не шевелясь
в ясли глядит в муке.
В яслях дитя. В небе звезда.
В путь свой волхвы вышли.
Матерь, грустя, станет седа
и синева выше.
В мир на «Распи!», в мир на «Воскрес!»
послан Отцом птенчик.
В мире, где пни, вырастет лес.
Станет венцом венчик...
Тихо вяясь, падает снег,
чист, легкокрыл, вечен.
Чуду дивясь вновь, человек
двери открыл.
Вечер...
«В городе снег...»*

Лично мне это стихотворение показалось невероятно длинным, и если быть точнее, очень уж подробным. Будь я автором, то непременно обошёл бы без строк о том, что «В яслях дитя. В небе звезда. В путь свой волхвы вышли», поскольку это и так подразумевается из «рождественского» сюжета. Отказался бы я, наверное, и от строчек «Мать, грустя, станет седа и синева выше». Ибо есть в Дрездене всемирно известное полотно «Сикстинская Мадонна», где на лице Богоматери можно прочесть гораздо больше, чем написано в учёных трактатах об этом образе за половину тысячелетия после его создания гениальным Рафаэлем. О Мадонне писали Гёте и Винкельман, Карамзин, Жуковский, Фет, Достоевский. Не обошел её своим вниманием и Пушкин. Во взгляде Матери читается самое высокое, что есть в человечестве и после этого любые слова кажутся излишними...

А ещё бы я выбросил следующие за этим два четверостишья, начинающиеся соответственно «В мир на «Распни!» и «В мире, где пни...»

Но я — это я, и за спиной у меня шесть десятилетий опыта собственной жизни, а Анжела Бецко только начинает свой путь в поэзии. Насколько он будет успешным можно судить по остальным стихотворениям, где значительная часть посвящена любовной лирике. Лирика эта совсем не приземлённая, хотя и высокодуховной её тоже не назовёшь: в поисках определения мне подвернулось словечко «вертикаль», зацепившись за него, я решил условно назвать поэзию Анжелы «вертикальной» — и этому есть подробное объяснение. Во-первых, поэтические образы у неё имеют большей частью «вертикальные» свойства: её сосны — «...струны. // Сосны — свечи. Сосны — к небу тяготенье» («Сосны — струны. Со сны — свечи» ...); «Флаги над городом — белые птицы, // взмывшие выше фонарных столбов. // Плещут, полощутся. В небо бы взвиться, // ввысь, к веренице седых облаков» («Флаги»); «Я смотрела на нас с высоты...» («Ты был пьян и безумен слегка...»); «И улетала к небу голова — // всё выше, выше, выше...», «берёзы тонко ветви поднимали // и уносили тело в небеса...» («Мандельштаму»).

В угоду своей поэтической «вертикальности» автор готов даже вертикально «сушить» облака:

*Дождь словно тысячи подков,
дробящих пыльных улиц щебень.
Натянуты верёвки в небо
для выстиранных облаков.
«Я говорю весне: — Живи!»*

Во-вторых, условно конечно, к этой «вертикальности» примыкают «высокие» образы «Вселенной», «неба», «любви», «снега» — и это далеко неполный перечень понятий, подобных им: стоит лишь вспомнить многочисленные поэтические вариации авторских образов птиц в небе и в клетке.

В-третьих, на фоне «вертикальности» чётко оттеняется «горизонтальная» — греховная земная тема, осознанность которой не может

не захватить читателя до такой степени, что вызывает у него сострадание. Во всяком случае, лично меня пробрали до самого естества такие строчки Анжелы Бецко о своей лирической героине:

*Я пропала, как собака.
Убежала с поводка.
В чаще плюшевого мрака
не найдусь наверняка.
Буду пить из тёплой лужи,
ночью выть на фонари,
разгрызая жизнь снаружи,
опостылую внутри.
Облохастею изрядно.
(выбирай не выбирай!)
И в конце — во всём парадном —
попаду в собачий рай.
«Я пропала, как собака...»*

Лирической героини, сознающей свою греховность, близки «живые» образы: то она — кошка и колдунья («Детали»), то — Лилит, неудачный вариант Евы из ребра Адама («Скользит лисицей огненной фокстрот...»); и это лишь единичные примеры её поэтической многоликости, апофеозом которой является, приведенное целиком следующее стихотворение Анжелы Бецко:

*Я не женщина. Я — доска.
Свежеструганая, пахучая.
Я не женщина. Я — тоска,
неуёмная, неминучая.
Я не женщина — суший мёд.
Потеку по рукам — поправишься.
Нет, не женщина. Гололёд!
Расшибёшься, — а не управишься.*

Настоящая поэзия всегда гармонична. Вот и наша героиня, переменяя всевозможные маски в той жизни, что является шекспировским театром со своими страстями и потрясениями, пытается отыскать свою «гармонию», примирить «вертикальное» и «горизонтальное», «небесное» и «земное»:

*Там много курили и боготворили
напиток в стаканах, что звался вином.
И что-то шептали, и руки сплетали,
и вдруг исчезали в проёме дверном.
И был неприютен и так неопрятен
случайный, неласковый этот приют:
диван из верблюжьих горбов и из вмятин*

*и зеркало (будто тебя стерегут),
 глядящее в мир своим дымным и грязным,
 расколотым надвое, мутным зрачком.
 А мир и шептал, и сплетал несуразным,
 бессмысленным, пошлым, тупым языком,
 ютился по тёмным углам за диваном,
 из зеркала альтом забытым смотрел.
 И был бесшабашным, мажорным и пьяным.
 И в деле мажора весьма наторел.
 За окнами мира дождь лился безбожно
 и толстые женщины мыли асфальт.
 И было поверить почти невозможно,
 что этот цедящий мелодию альт,
 вонзающий руку свою в чью-то руку,
 над ним изогнувшейся гибкой змейй,
 спасёт оба мира, насквозь близоруких,
 давно перепутавших небо с землёй.*

Мне очень нравится это поэтическое примирение, поскольку его созидатель, слава Богу, не истеричная дура, а нормальный, поигравший «в кошки — мышки» с читателем человек. А Человек — всегда звучит гордо, даже при всех имеющихся у него недостатках, — главное, чтобы не нарушались основные Божественные заповеди. Теперь, когда в душе героини успокоились бури и ураганы страстей и самоуничижений, я очень рад за автора, его поэтическую вменяемость. Что же касается недостатков в изложении поэтического видения своей жизни, то их, право, можно простить Анжеле на первый раз (кто из нас не без греха?) в благодарность за такое замечательное представление своей личности. На этих словах хотелось бы с благодарностью откланяться, пожелав теплого приёма автора у читателей.

P. S.

Недогадливый читатель, возможно, спросит: а при чём здесь собачка, что сорвалась с поводка? Ну, что ему ответить на это? Только успокоить: обошлось без жертв, она, собака, никого не покусали, поскольку не была бешеной. И уже ради этого стоит поближе познакомиться с поэзией Анжелы Бецко.

Альбина КОШКАРЕВА

*Ветеран педагогического труда,
кандидат филологических наук, доцент,
Заслуженный работник образования ХМАО — Югры,
г. Нижневартовск*

Использование сибирской промысловой лексики в художественной литературе

Устная разговорно-бытовая речь жителей сельской местности называется диалектом или говором. Известные русские писатели прекрасно знали и любили народную речь. Неслучайно А. Пушкин, М. Лермонтов, В. Даль, Н. Некрасов, Н. Гоголь и другие русские писатели имеют в своём творчестве произведения, созданные под влиянием русского устного народного творчества: это и песни, и сказки, и поэмы. «Вслушайтесь в простонародное наречие, молодые писатели — вы в нём можете научиться многому, чего не найдёте в наших журналах», — писал А. С. Пушкин в статье «Опровержение на критики» (1830).

Есть чему поучиться, что изучать в русских сибирских говорах и в наше время. Неторопливая сибирская речь отличается севернорусскими чертами, например, оканьем, чётким произношением О и А в безударных слогах, что объясняется историей заселения края в основном переселенцами с северных территорий европейской части России: Архангельской, Новгородской, Вологодской и других областей. Языковое богатство и разнообразие говоров Западной Сибири издавна обращало на себя внимание просвещённых людей края. Списки слов, небольшие словари мы находим в трудах известного историка — этнографа А. Дунина — Горкавича; учёного, академика, уроженца села Самарово Х. Лопарева, тобольского губернского агронома Н. Скалзубова и др. Особенно богато представлена промысловая лексика, которая с исчезновением многих промыслов и ремёсел забывается, и может быть потеряна для истории языка, истории материальной культуры жителей Сибири. Нам удалось в 70–90 годы собрать лексику отдельных промыслов и ремёсел как ныне функционирующих, например, лексику рыболовства, охоты, сбора дикоросов, пчеловодства, так и некоторых ушедших из жизни, например, лексику ямщины, санно-тележного и лодочного промыслов, лексику народной медицины, лексику прядения и ткачества и других. «Словарь специальной лексики от Обь — Иртышского междуречья» опубликован в сентябре 2006 года в издательстве НГГУ. В нём зафиксирована как архаичная, так и современная лексика различных промыслов, например, устаревшая: бекет — пост на ямской дороге, коморник — служитель постоянного двора, подорожник — вор, грабитель на ямской дороге; хребтуг — кормушка для лошади (ямской промысел); ветловка, городовушка, завозня, колганка, обласок — виды лодок (лодочный промысел); кошева,

обшевни, пошевни, скачки — виды саней; долгушка, ходок — виды телег; ерондак — тележный ящик без колёс (санно — тележный промысел) и многие другие слова и выражения; активно функционирует лексика рыболовства, охоты, сбора дикоросов.

Эта лексика интересна тем, что в ней много слов, заимствованных из языков коренных жителей Тюменского Севера: татар, хантов, манси, ненцев, так например, из языков ханты и манси, записанные автором в Ханты — Мансийском районе: ахан — ловушка для рыбы в виде фитиля больших размеров; вонзь — время весеннего подъёма рыбы; кямка — морда, сплетённая из тальника; мокса — печень налима; мегдым — местное название чебака; патанка — блюдо из мороженой рыбы; рям — болото, поросшее мелким сосновым лесом; согра — гористое возвышенное место, где растут ели, пихты, кедрач; топоры — верхние мягкие сапоги из оленьей шкуры; юрок — сухая рыба; юшка — уха и др.

Тюркские слова: елань — чистое место у леса или в лесу; ерик — небольшая речка, заполняющаяся весной, во время половодья; кулига — заливной луг; таш — небольшой груз, камень; урман — большой глухой лес, тайга; чембары — широкие холщовые шаровары, надеваемые зимой поверх полушубка и обуви для работы в глубоком снегу.

Очень важно подчеркнуть, что русские с самого начала появления по Нижнему Иртышу и Оби являлись господствующим элементом, поэтому они не могли «раствориться» среди Югорского населения, даже тогда, когда их было ещё мало (в 17 в.) и наоборот, совместная жизнь аборигенов края с русскими «содействовала переходу нерусского населения хозяйственному быту русских». Промысловая лексика активно функционирует в сибирских фольклорных произведениях: побывальщинах, песнях, частушках, пословицах и поговорках: (Толкуй больной с подлекарем (народная медицина), Прежде невода рыбы не лови (рыболовство), Ехал бы ежеден, да нет пошевен, Скажет, как полозом по шее переедет (санно — тележный промысел), Раскрыла горло, как суконное бёрдо (прядение и ткачество). Сибирская диалектная лексика используется в произведениях художественной литературы писателей края для передачи местного колорита, бытовой обстановки и речевой характеристики героев.

М. К. Анисимова в исторических романах «Великий камень», «Ваули», «Наледь», «Плач гагары» и других активно использует специальную лексику Обь — Иртышского междуречья: «Все мужики не раз в лесах ночевали, кто в *извозах* бывал, кто *лесовал*, кто по *трактам* в *ямщине* служил» («Ваули», с. 209); «За сараями, под горой, горели костры, в глиняных котлах и вёдрах кипятили *смолу* и *дёготь*, в сараях при свете фонарей *гнули* обода, вставляли *спицы*, *шорники* чинили *упряжь*, пришивали ко многим *уздечкам* *наглазники*, *строгали* *оглобли*» («Плач гагары», с. 19)

Используется лексика, связанная с ямщиной: «Фёдор ехал в Берёзов старым путём. Навстречу ему попался обоз. Три десятка саней, гружённых высокими *возами* сена, туго придавленного крепкими берёзовыми *бастрыгами*, остановились. От лошадей, *торивших путь*, тянуло потом.

От *возов* — запашистыми травами». Мимо княжеской *упряжки*, заведённой в сторону, проходили *подводы*, постукивая привязанными к *бастрыгам* *бадьями* — поить в дороге лошадей» («Плач гагары», с. 381, с. 383); «От лошадиных спин валил пар, *запряжённые гусем*, передние брели сквозь *снежные переметы*, протапывая дорогу остальным груженным хлебом. Мужики, давно сбросив с себя длиннополые *овчинные тулупы*, шли сзади *подвод*, отсчитывая путь до Чердыни». «На обратной дороге есаул Осип больше лежал на сене, на *санях-розвальнях*, укрывшись овчинным тулупом» («Великий камень», с. 214, с. 263); «Размахивая гривой, неслась по снежному полю *выездная лошадь*, впряжённая в *кошеву*; серебряные *колокольчики на дуге*, пышные *ременные кисти на сбруе*, нарядный *хомут*». «Почувяв скорый отдых, торопливо вышагивала покрытая инеем от дальней езды крестьянская лошаде́нка. Пар валил от взмыленной спины, бречало помятое ведро, привязанное к *бастрыгу*. За лошадью попевала другая, третья...» («Ваули»; с. 233, с. 253).

Лексика лодочного промысла: «Плыли из Иртыша в Обь, из Оби в Енисей, из Енисея в Лену. Одному Богу известно, какие вопли и стоны звучали по берегам, по *волокам*, когда перетаскивали работные люди по обмелевшим речушкам тяжёлые *дощаники*» («Плач гагары», с. 199); «Молодой шаман ловко погна́л свой *облас* впереди *кочей*. *Гребцы*, налегая на вёсла, старались не отстать». «Здесь каждому нашлось дело: кто строил лодки — *колданки*, кто *конопатил борта*, кто на кострах разогревал *дёготь*» («Великий камень», с. 143, с. 278).

Лексика смолокурения: «Ермил везёт на берег своей *смолокурни дёготь*». «Многие сосны, из которых *курили смолу*, были *подсочены*. После года *подсочки* получали *осмол*». («Великий камень», с. 42, с. 51).

Лексика рыболовства: «После удачной *тони*, вычерпав рыбу в лодки, рыбаки разжигали костёр». («Наледь с. 2, с. 154); «Большие *тесовые лодки* издали казались юркими *колданками* рыбаков». («Ваули», с. 291).

Лексика охоты: «Я пойду добывать *кремлёвое дерево* для *кремлёвого лука*» («Великий камень», с. 130); «Когда ездил в *урман*, видел на кедровниках шишки — значит белка придёт, а за ней *соболь*». «Не дам! — крикнула мать, разбросав по сторонам руки, как *копалуха* крылья» («Ваули», с. 96, с. 172).

Лексика народной медицины: «Хвори подстерегали людей» («Великий камень», с. 98); «*Изурачили* тебя! *Изурачили*! Кто в последний раз к нам заходил, у кого этакий глаз, *урочливый* взгляд?» («Плач гагары», с. 260); «Мы добудем *медвежьей желчи*, и она выгонит из меня *хворь*» («Ваули», с. 25).

Специальная лексика используется как в речи автора для воссоздания колорита жизни и быта манси, описания их промысловой деятельности, так и в речи персонажей для их социальной и речевой характеристики. Существует несколько способов *употребления* диалектной лексики, в том числе промысловой в тексте художественного произведения. Так, например, в романе -сказании Г. Сазонова и А. Коньковой «И лун медлительный поток» используются следующие приёмы введения:

1. Словарик некоторых мансийских и местных русских слов и выражений, встречающихся в книге (с. 256–268), например: *Ватман*, *ватманчик* — берестяная посуда с плотной крышкой. *Губа* — нарост гриба на стволе дерева. *Кидус* — помель соболя и куницы. *Колташиха* — котёл. *Кухта* — снег на ветках.

2. Значение слова объясняется в контексте произведения:

«При впадении в Конду устья рек распаиваются, просторно раскidyваются в полую воду, образуя «соры» — неглубокие озёра» (с. 6). «Русло Конды причудливо — извилисто, и долина её необычна — отшнуровываются, убегают от реки старицы; длинные, в три полёта стрелы, озёра соединились протоками — всё это образует то, что называется туманами. В верховьях своих Конда ласково принимает в свою долину небольшую речушку Евру, всего-то в сотню километров длиной. ... Туманы неглубоки, течение в них дряблкое, как дыхание упавшего в них рыбака, мели и песчаные косы ежегодно переползают с места на место...» (с. 6). «Научили сажать её (реку) русские, что приходили из Леушей и Нахрачей за ураком — копчёной рыбой» (с. 7). «Конопля сама себя сеяла. Мочили, сушили, мяли, крутили, колотили коноплю на куделю, раздирали на волокна и ткали шабурину, крепкую, как брезент, ткань, что шла на постегонку. Шили из той грубой, крепкой ткани шабуры. На штаны, на лёгкую шубу, на малицу охотник натягивал шабур, чтобы не изорвать одежду в перховнике — мелколесье» (с. 11–12). «Но ягоды — это лишь подмога, главное — рыба. И евринцы перегораживали реку огромным, с берега до берега, запором, вычерпывали рыбу из садков, заготавливая её на долгую зиму и весну. Сушеную рыбу — урак обменивали у русских на хлеб» (с. 12). «Я слышал от своего деда, как сожгли на костре женщину, что ступила ногой на мостки — лаву летнего запора» (с. 34). «Охотники убивали лося, оленя, разделявали, а женщины варили мясо в большом котле — колташихе» (с. 36).

3. Слово толкуется через уточняющее слово — приложение, которым может служить литературное или широко распространённое местное диалектное слово: «В свои закопы вы заходите, как глупые караси в морду — кямку» (с. 45). «Скрипнула дверь, как сухара — сухостойна в горельнике, скрипнула тоненько и распахнулась» (с. 56). «Сколько коряг, сколько пней — выворотней вытянули» (с. 121). «Ползал он (отец) на коленях, с колен вырубал прочные, лёгкие и стремительные лодки — однодеревки» (с. 127).

4. Слово толкуется через синоним в том же контексте: «Дремучий непроходимый урман — вековая конда — тайга» (с. 52). «Там, в озере, вода заморная, горелая, совсем тухлая» (с. 134). «У нас это бутор — потроха: сердце, лёгкие, требуха — на стряпню, на пироги идут» (138). «Фарт, удача к нему вернулись» (с. 189). «Гнулс я гудел лес под его криками, стонал урман, стонала тайга — конда» (с. 165). «Меня? — завопил Филя, — Меня, скудельника, гончара, ты не понимаешь. Покажь, Васёк! — и Васёк из мешка вынул отменную глиняную посуду» (с. 102).

5. Значение слова частично толкуется через определение — эпитет, так, например, со словом *урман* употребляются следующие определения:

урман непроходимый (с. 13), *глухой* (с. 45, 54, 70), *дремучий, нетронутый* (с. 67), *тёмный* (с. 45, 207), *дикий* (с. 185), *труднодоступный* (с. 95), *неизведанный, заповедный* (с. 94), *неприступный* (с. 205), *урочища таёжные* (с. 90), *тёмные* (с. 97), *пески осетровые* (с. 209).

Если в системе литературного языка производственная лексика, как правило, классифицируется как специальная: — то в системе говора её профессионализм весьма относителен; занятия, с которыми она связана, часто не имела и не имеет на современном этапе у носителей говора характера профессии, так как все жители или большинство их занимались в равной мере различными видами промыслов, развитыми в данной местности: охотой, рыболовством, сбором дикоросов, пчеловодством и т. д.

Большинство промыслов, к сожалению, прекратило существование. Ушедшую лексику из активного запаса того или иного говора можно найти лишь в архивных материалах, экономико — этнографической литературе о крае, в фольклоре и художественных произведениях Югорских и местных писателей: К. Лагунова в романах «Так было», «Больно берег крут», «Ордалия» и др. Замечательного автора исторических романов М. К. Анисимковой, сказок и былин А. С. Кузьминой в книгах «На священных берегах Ваха», «Главный лесничий», «Звонкоголосая Сибирь», Т. Т. Зуевой в поэмах «Тайны Байкала или загадки Байгала далая», «Оплот любви Югорской «Мыг».

ДУХОВНОСТЬ

Илия БАЛАБОНКИН

Иерей, клирик прихода храма Рождества Христова, г. Нижневартовск

Вячеслав ПОБЕДИНСКИЙ

Кандидат философских наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Нижневартовского экономико-правового института филиала ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», г. Нижневартовск

Равноапостольный князь Киевский Владимир: От жизни к житию: (к 1000-летию преставления святого)

Митрополит Киевский Иларион, муж книжный и весьма благочестивый, в лето 6559-е от Сотворения Мира (1051) в «Слове о законе и благодати» так описывал процесс Крещения Руси: «<...> И в единовремение вся земля наша восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоверия; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идолы сокрушались и являлись иконы святых, бесы убежали, крест же освящал грады <...>»¹.

Крестил в 988 г. Киевскую Русь Владимир I Святославич (около 960–15 июля 1015), Великий князь Киевский. Известен также как Владимир Святой, Владимир-Креститель, Владимир «Красное Солнышко». Прославлен в лике святых как равноапостольный князь. Русская Православная Церковь празднует память святого равноапостольного князя Владимира в день его кончины — 15 (по новому стилю 28) июля. Классик русской литературы XIX столетия А. К. Толстой писал о князе Владимире следующие поэтические строки:

*И на берег вышел, душой возрождён,
Владимир для новой державы,
И в Русь милосердия внёс он закон —
Дела стародавних, далеких времён,
Преданья невянущей славы!...*

¹ Иларион, митрополит Киевский. О законе, данном Моисеем, и о Благодати и Истине, явленной Иисусом Христом, и как Закон миновал, а Благодать и Истина наполнила всю землю, и вера распространилась во всех народах вплоть до нашего народа русского; и похвала Великому князю нашему Владимиру, коим мы были крещены; и молитва к Богу от всей земли нашей. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН/Подгот. текста и коммент. А. М. Молдована, перевод диакона Андрея (Юрченко). — URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (дата обращения: 01.01.2015).

Попытаемся разобраться в метафизических смыслах миссии земной жизни князя Владимира. Протоиерей Георгий (Флоровский) утверждает христианство, произносящим суд над историей, являющимся движением «за пределы истории». Христианам не следует погружаться в историю, и они должны идти далее истории ради того, чего «не могут вместить земные берега». Поэтому сама эсхатология есть всегда *Свершение*², преобразующее историю в историософию.

«Восток» — «Запад» — ключевая антитеза историософии и в этом смысле Россия для западного мира непонятная, чуждая страна и среда. Западу непонятен российский ментальный тип: «<...> *Сила русских в том, что они могут выдержать то, что сломило бы другие народы.* <...>».³ Такое мнение после недавней декабрьской 2014 г. поездки в Москву выразил Джордж Фридман, американский политолог, глава «теневого ЦРУ» — разведывательно-аналитической организации «STRATFOR». Продолжим развитие мысли Джорджа Фридмана: «Что же является таким непонятным источником сил российского народа для секулярно-гедонистического Запада?». Ответ очевиден. Это аскетически-православное мироощущение и мирозерцание, это ментальное восприятие метаисторических судеб России как «Рима Третьего» и последнего в земной истории. Именно верой православной, этим духовным и культурным стержнем народа, мы обязаны князю Владимиру, определившему цивилизационный путь развития нашего Отечества.

Ещё в раннем средневековье христианский Запад и христианский Восток, выбрав различные ценностные системы координат, пошли различными цивилизационными путями. Архимандрит Тихон (Шевкунов) в документальном фильме «Гибель империи. Византийский урок» (2008) отмечает, что Запад варварский стал цивилизованным благодаря росту потоков свободных денег, к чему привело разграбление и поглощение Византийской империи. Однако наши славянские предки, также неоднократно соблазнявшиеся сокровищами Царьграда, все же смогли разглядеть главное, *поняв, в чём заключается самое великое сокровище Византии!* Это было не золото, не драгоценные камни, не искусства и науки. *Главным сокровищем Византии был Бог.* Объехав все известные страны, послы князя Владимира только в Византии увидели реальное, живое общение Бога и человека. *На византийское сокровище наши великие предки создали не банки и капиталы, не музеи и ломбарды, а Русь-Россию, духовную преемницу Византии.*⁴

² Флоровский Георгий, протоиерей. *Христианство и цивилизация* // Флоровский Г. В. *Христианство и цивилизация. Избранные труды по богословию и философии* / Сост., вступ. статья И. И. Евлампиева, примеч. И. И. Евлампиева и В. Л. Селиверстова. — СПб.: РХГА, 2005. — С. 649.

³ Friedman George. *Viewing Russia From the Inside*. *Geopolitical Weekly*. 16.12.2014 // STRATFOR. *Global intelligence*. — URL: <http://www.stratfor.com/weekly/viewing-russia-inside#axzz3M3SomPkg> (дата обращения: 26.12.2014).

⁴ Тихон (Шевкунов), архимандрит. *Гибель империи. Византийский урок*. Сценарий фильма // *Гибель империи. Византийский урок* / [Авт. архимандрит Тихон (Шевкунов)]. — М.: Эксмо, 2008. — С. 12–14.

В этом плане невозможно согласиться с точкой зрения, высказанной основоположником концепции «Всеединства» русским философом второй половины XIX в. Вл. С. Соловьевым. В работе «Владимир Святой и христианское государство» (1888), представляющей собой фактический манифест-апологию экуменизма, Владимир Соловьев в духе демагогии западной интеллигенции призывает православную Россию минимум к униатству, максимум — к её растворению во «вселенском» христианстве, в католичестве, в папощезаризме. Он утверждает: «<...> Не религиозную свободу, а цезарепапизм унаследовали мы от Византии, где это антихристианское начало беспрепятственно развивалось после разделения церквей. <...>».⁵ В соответствии с воззрениями Вл. С. Соловьева князь Владимир продолжил на Руси не традиции византийского Православия, а некие славяно-русо-варяжские традиции «дружинно-братского христианства».

Продолжил практическое дело князя Владимира-Крестителя через теоретико-идеологическое обоснование наследования Москвой погибшим царствам Римскому и Ромейскому инок Филофей, старец Псковского Елеазарова монастыря.⁶ В 1530 г. он, будучи старцем опытным и духовником весьма сильным, изобличавшим содомский блуд и другие душевные пагубы, проникавшие в земли русские, писал Великому князю Московскому Василию Иоанновичу: «<...> ... Ибо старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова града, церковные двери внуки агарян секирами и топорами рассекли, а эта теперь же третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится, — так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь».⁷ И далее: «<...> И если хорошо урядишь свое царство — будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима, и как выше тебе написал, так и теперь говорю: храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. <...>».⁸

На наш взгляд, несмотря на продолжающуюся долгие годы критику имперской концепции-мифологемы «Москва — Третий Рим», эта идея с позиций провиденциализма и эсхатологии является центральной, смыслообразующей и смыслонаполняющей во всей русской истории и культуре. Объективно данная концепция представляет собой

⁵ Соловьев В. С. Владимир Святой и христианское государство // Соловьев В. С. Проповедник в пустыне: проповеди о праве (Избранные труды)/Сост. В. И. Лафитский и Е. А. Юртаева. — М.: Статут, 2014. — С. 116. (Сер. Христианство и право).

⁶ Об этом см.: Малер А. Инок Филофей — идеолог Третьего Рима. 17.08.2009 // Русский обозреватель. — URL: <http://www.rus-obr.ru/cult/3883> (дата обращения: 27.12.2014).

⁷ Филофей, инок. Послание Великому князю Василию, в котором об исправлении крестного знамения и о содомском блуде. Послания старца Филофея // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН/Подгот. текста, перевод и коммент. В. В. Колесова. — URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105> (дата обращения: 27.12.2014).

⁸ Филофей, инок. Указ. соч.

один из базисных, фундаментальных элементов отечественной национальной идеи.

Однако вернёмся к миссии князя Владимира, увековечившей его имя. Выдающийся отечественный историограф XIX столетия Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» воссоздал вселенскую миссию князя Владимира. Испытав различные веры: магометанскую, иудейскую, католическую, он остановился на истинной Вере Христовой, на Православии, — *ортодоксии* (от греч. *ὀρθός* — правильный и *δόξα* — мнение), т. е. на святоотеческой традиции как совокупности церковных догматов, неизменном хранении учения Христа и апостолов в том виде, в каком оно изложено в Священном Писании, Священном Предании и в древних символах Вселенской Церкви.⁹

Крестившись в Корсуни-Херсонесе с именем Василия, разболевшись предварительно глазами и чудесным образом исцелившись при крещении, князь Владимир взял в жёны византийскую царевну Анну. По возложении на него при крещении рук епископских, ослепший Владимир внезапно прозрел телесно и духовно, воскликнув: *«Теперь я только узнал истинного Бога!»*.¹⁰ Возвратившись в Киев, он низверг языческих кумиров, а народ по призыву своего князя массово крестился в водах Днепра. Священный собор нарек всех граждан киевских христианами. По Н. М. Карамзину *«<...> В сей великий день земля и Небо ликовали. <...>»*.¹¹

Рассмотрим три духовных подвига святого равноапостольного Крестителя и князя Владимира, его духовное завещание потомкам. Первый подвиг князя Владимира заключается в том, что он показал своим потомкам через принятие Святого Крещения Горний Иерусалим и личностно-нравственный идеал — Богочеловека Иисуса Христа.

Проповедь апостола Павла гласит: «Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал. 3, 26–27). Крестив Киевскую Русь, князь Владимир «открыл» своим потомкам врата «Третьего» и последнего «Рима» в земной истории, «приоткрыв» врата Царства Небесного.

Видеть конечную цель спасения в земной жизни — Горний Иерусалим, это очень важно и в эсхатологическом плане для всего человечества, и в сoterиологическом плане для отдельной личности. «...Царство Мое не от мира сего...» (Ин. 18, 36), — отвечает Иисус Христос прокуратору Иудеи Понтию Пилату. Через Святое Крещение Руси князь Владимир показал нам личностно-нравственный Идеал, к которому бесконечно должна стремиться каждая индивидуальная личность. *Идеал этот — Богочеловек Иисус Христос.* «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою

⁹ См.: История религии: Учебное пособие / Под ред. И. Б. Муравьева. — 2-е изд., перераб. и испр. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2009. — С. 199; Ершова И. И. Ортодоксия // Словарь философских терминов / Науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. — М.: ИНФРА-М, 2004. — С. 394. — (Библиотека словарей «ИНФРА-М»).

¹⁰ Соловьев С. М. Об истории древней России / Сост., авт. предисл. и примеч. А. И. Сомов. — М.: Просвещение, 1992. — С. 42.

¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского / Коммент. А. М. Кузнецова; Худож. И. Цыганков. — Т. I–IV. — Калуга: Золотая аллея, 1997. — С. 103–108.

вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11, 28–30) и «... Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6), — утверждает Спаситель.

Второй подвиг князя Владимира заключается в его духовном росте и эволюции личности — как морально-нравственном примере для потомков.

Князь Владимир проделал значительный, напряженный, личностно-социальный труд, эволюционировав от человека грешного и чувственного, до православного христианина и святого, от князя-язычника до равноапостольного князя. «Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и — что всего ужаснее — братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах христианства, боялся уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества. Главное право его на вечную славу и благодарность потомства состоит, конечно, в том, что он поставил россиян на путь истинной Веры; но имя Великого принадлежит ему и за дела государственные», — писал отец русской истории Н. М. Карамзин.¹²

Жизненный пример князя Владимира напоминает нам о чудесном преображении гонителя христиан Савла в апостола Христова Павла.

Через физическую слепоту и последующее физическое прозрение и у Савла-Павла, и у Владимира-Василия, мощнейшим воздействием благодати Святого Духа, чрез тело физическое, происходит духовное, метафизическое прозрение, полное обновление и преобразование личности. Из ветхого человека рождается новый, одухотворенный человек, с новым именем, новой жизнью, новой судьбой, устремленной в вечность. Этот непостижимо-загадочный процесс в учении Отцов Восточной Церкви Христовой именуется обожением, теозисом (греч. θεωσις).

В процессе обожения происходит становление человека Богом через боговоплощение и по действию благодати. В результате человек проникается Божественными энергиями, соединяясь с Богом, что и составляет сущность святости.¹³ ...Апостол Павел проповедует именно действительное единение со Христом, а не попытку подражать чувствам Христовым. Отцы Церкви описали термином «обожение» то, что апостол Павел называл «жизнью во Христе».¹⁴

Жизнь человека во Христе меняет даже своё словесно-смысловое содержание, становясь житием.

Весьма назидательный пример достижения святости и спасения через покаяние, глубинную умоперемену (греч. μετάνοια) приводит святитель Феофан Затворник: «Спасение не от места, а от душевного настроения. Везде можно спастись и везде погибнуть. Первый Ангел между Ангелами

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского. — С. 113.

¹³ См.: Хоружий С. С. Обожение (правосл.) // Богословская антропология. Русско-православный/римско-католический словарь: издания на русском и немецком языках/Под науч. ред. протоиерея Андрея Лоргуса, Б. Штубенрауха. — М.: Паломник; Никея, 2013. — С. 317; Маркичева О. Г. Православная энциклопедия. Обряды, таинства, посты, праздники: ок. 2000 статей. — М.: АСТ: Астрель, 2007. — С. 210.

¹⁴ Неллас П. Обожение: Основы и перспективы православной антропологии/Пер. с англ. Н. Б. Ларионова. — М.: Никея, 2011. — С. 42–44.

погиб. Апостол между апостолами в присутствии Самого Господа погиб. А разбойник на кресте спасся! <...>».¹⁵

Третий подвиг князя Владимира заключается в том, что с принятием Русью христианства — Православия, была изменена на века парадигма государственного правления в России, ставшая миссией царственно-го служения князя — царя народу и Отечеству.

Стереотип правителя и правления у Восточных славян, а впоследствии и народов Российской империи, подвергся трансформации от представителя верхушки языческой племенной знати — языческого князя, в сторону князя одухотворенного, затем, — царя православного, «царя-батюшки», царя-помазанника Божия. Не случайно семантическая эволюция термина «царь» повторяет эволюцию «трех Римов»: «цезарь», «кесарь», «василевс» («базилевс»), «царь» (русский царь-самодержец). Кстати в соответствии с именами святых, упоминаемыми в месяцеслове, имя князя Владимира — Василий, полученное им в крещении, означает по-гречески «царский». Великим Божественным промыслом все становится на свои места.

Таким образом, князь Владимир своей жизненной миссией в корне изменил для всех последующих правителей Руси-России «матрицу правления» с варианта варяжско-славянско-языческого княжения и управления дружиной и своим племенным родом, на собственно православный стереотип царственного служения, служения Отечеству и всему православному народу. Такое служение становится смыслом жизни у многих последующих правителей: от Андрея Боголюбского, Александра Невского, Дмитрия Донского вплоть до последнего императора российского Николая II Александровича Романова. Поэтому не случайно в русской истории, литературе, философии, культуре в целом, рассматривается семантический тип «царя-батюшки» как помазанника Божия, как «отцарадетеля» за весь православный народ, как ходатая пред Богом за вверенных ему чад и Отечество.

В качестве вывода хотелось бы отметить следующее. «Последний евразиец» Л. Н. Гумилев в работе «От Руси к России» подводит историософский итог земной миссии князя Владимира: «<...> Крещение дало нашим предкам высшую свободу — свободу выбора между Добром и Злом, а победа православия подарила Руси тысячелетнюю историю».¹⁶ Благодаря делу князя Владимира Россия стала мировой православной культурно-исторической и цивилизационной общностью, стала сама собой. Русская Православная Церковь вместе со своим народом и Отечеством за 1026 лет своей истории подвергалась колоссальным «тектоническим сдвигам», прошла величайшие испытания, тяготы и невзгоды, переживала горечь поражений и радость побед. Последующие поколения благодарны князю Владимиру за его исторический выбор, за возможность обретения смысла жизни, жизни земной и жизни вечной.

¹⁵ Феофан Затворник, святитель. *Мудрые советы*. — Минск: Изд-во Белорусского Экзархата — Белорусской Православной Церкви; ООО «Харвест», 2002. — С. 311

¹⁶ Гумилев Л. Н. *От Руси к России*. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — С. 74. — (Классическая мысль).

Лариса ТЕЛЕГИНА

Автор православной публицистики «Где небо касается земли. Записки паломницы», «Дивен Бог во святых своих» и др. Обладатель Гранта Президента РФ, Лауреат национальной премии Президента РФ в номинации «Лучшие учителя России», г. Нижневартовск.

Актуальные направления XXIII Международных Рождественских образовательных чтений в Москве и перспективы их реализации на Югорской земле

Православная культура — основополагающая культура нашего отечества, веками одухотворяющая его. Отраднo, что в настоящее время мы наблюдаем процесс возрождения своей традиционной культуры. Особое значимое событие — проведение в Москве Международных Рождественских образовательных чтений с 21–23 января 2015 года по теме: «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси». Нижневартовская делегация приняла в них участие: директора, педагога общеобразовательных учреждений, Воскресной школы, храма Рождества Христова, представители науки, преподаватели Нижневартовского университета. Перед началом работы Рождественских чтений в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя педагоги нашего города молились за Божественной литургией, которую служил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. После Литургии в Храме Христа Спасителя в день открытия XXIII Международных Рождественских чтений в своём Слове Святейший Патриарх Кирилл сказал: «Кто вступает на путь служения Церкви в сфере образования и просвещения, должны предъявить к себе особые требования: к своему образу жизни, к своему восприятию Божественных нравственных законов. ...Всякий, кто встает на путь церковного просвещения, начинает работать в области церковного образования, должен ясно понимать, что это не просто интеллектуальное, это и духовное делание. А потому неслучайно Рождественские чтения мы начинаем не с торжественного акта, а с Божественной литургии, совершая её с сонмом архиереев и пастырей, с тысячами верных людей, как знак нашей убежденности в том, что только силой Божией преодолевается всякая неправда и всякое зло».

Состоялась Церемония открытия Чтений и Пленарное заседание, которое возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в Государственном Кремлевском дворце. Педагоги нашего города приняли участие в работе Пленарного заседания, по их мнению, в докладе Святейшего Патриарха Кирилла были отмечены основные задачи, стоящие перед Церковью и обществом в деле духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Особо Святейший Патриарх Кирилл остановился на таком важном направлении, как религиозное образование, духовно-нравственное просвещение и патриотическое воспитание

наших современников, отметил основные достижения в этой сфере и обозначил задачи на будущее. «В 2014 году осуществлялась апробация документов, регламентирующих деятельность воскресных школ, были приняты новые документы в сфере дошкольного образования, а также церковной общественной аккредитации образовательных организаций и педагогических работников, — сказал Святейший Патриарх Кирилл. — Повышение уровня профессиональной подготовки и в целом профессионального развития педагогов становится сегодня важной сферой взаимодействия Церкви, государства и общества. Впервые по нормам нового закона об образовании стало возможным проведение в епархиях церковной аккредитации педагогов, преподающих учебные предметы, курсы, модули по православной культуре. Сейчас это добровольная аккредитация по желанию самого педагога, но и в таком формате она создает условия для того, чтобы в каждой епархии сложился круг педагогов, лично мотивированных на преподавание православной культуры при самом тесном сотрудничестве с Церковью. С этим связан и вопрос расширения преподавания «Основ религиозной культуры и светской этики» по годам обучения в школе. Разве можно серьезно говорить не только о результатах образования, но и о профессиональной подготовке педагогов применительно к курсу, который длится только один учебный год, всего 34 учебных часа?» — задал вопрос Святейший Патриарх Кирилл. И напомнил, что «концепцией курса «Основы религиозных культур и светской этики», подготовленной еще в 2012 году, предусмотрено расширение преподавания «Основ религиозной культуры и светской этики» на 2-й — 10-й классы. Дальше оставлять преподавание данного курса только в 4-х классах значило бы свести на «нет» все усилия, предпринятые в последние годы Церковью, государством и обществом, по духовно-нравственному воспитанию школьников».

В числе проблем в области духовного образования Святейший Патриарх Кирилл выделил следующие: 1. Подготовка профессиональных педагогов: *«Непросто готовить педагогов-профессионалов для усеченной предметной области, не имеющей пока ни начала в первых классах школы, ни своего продолжения хотя бы на ступени основного общего образования».*

2. Ограниченное финансирование преподавания ОРКСЭ. *«Так из бюджета отпускаются средства только на одну ставку, в то время, как в большинстве школ преподаются два или даже три модуля. В лучшем случае деньги изыскиваются из фонда внебюджетных средств, что конечно ставит под угрозу свободу выбора модулей в рамках ОРКСЭ».*

3. Вопрос обеспечения жизни педагогов, трудящихся в сфере православного образования. *«Трудящийся достоин награды за труды свои» (Лк. 10:7), — говорит Господь. Сегодня же не до конца решенными остаются вопросы финансирования православных школ и гимназий, а ведь в них учится немало детей из малообеспеченных или многодетных семей, детей, оставшихся без попечения родителей, и других наших юных сограждан, нуждающихся в общей заботе. Многие воскресные школы по той же причине не обеспечены кадрами».*

Святейший Патриарх Кирилл выразил благодарность «тем настоящим, особенно в глубинке, которые, несмотря на трудности, находят возможность в доступных формах вести просветительскую работу с детьми и подростками» и призвал педагогов во взаимодействии со священноначалием находить пути повышения качества совместной работы. Здесь, по словам Патриарха, немалую помощь может оказать участие членов Церкви, в том числе православного педагогического сообщества, в грантовых конкурсах, проводимых государством, а также различными организациями и фондами. Его Святейшество выразил благодарность педагогам и всем деятелям на ниве просвещения, принимающим участие в конкурсах «Православная инициатива» и «За нравственный подвиг учителя». *«В материалах, представляемых на эти конкурсы, — сказал Патриарх, — содержатся богатый опыт педагогической работы и инициативы в области духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи».*

Хочется отметить, что педагоги образовательных учреждений и воспитатели дошкольных учреждений Нижневартовска принимают активное участие в данном конкурсе и становятся Победителями и лауреатами. Так, в прошедшем учебном году, принимая участие во Всероссийском конкурсе работ в области педагогики работы с детьми и молодежью «За нравственный подвиг учителя», все первые 3 места в региональном этапе ХМАО — Югры взяли учителя нашего города: Чагина Татьяна Николаевна, учитель НОУ «Нижневартовская Православная гимназия»: «Рабочая тетрадь по литературе для 5 класса»; Телегина Лариса Леонидовна, учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 8»: «Комплексная программа духовно-нравственного воспитания обучающихся в рамках образовательного учреждения»; Воронина Лариса Александровна, учитель технологии МБОУ «СОШ № 42»: «Программа дополнительного образования «Основы православного вероучения, нравственности и благочестия». Чагина Татьяна Николаевна вышла в финал и на Церемонии закрытия Рождественских образовательных чтений в Конференц-зале Храма Христа Спасителя в Москве была награждена Дипломом.

Его Святейшество отметил, что «восстановление традиционного духовно-нравственного компонента обучения и воспитания детей в российской общеобразовательной школе — это не только дело Церкви и государства. Это дело всего нашего народа, всего нашего общества, но, конечно, прежде всего, людей, занятых в сфере образования и педагогики» и призвал представителей власти всех уровней, специалистов, ученых, педагогов, полномочных представителей Церкви, а также родительскую общественность и общественные организации активно участвовать в процессе духовно-нравственного воспитания детей. Наталья Владимировна Третьяк, первый замминистра образования и науки РФ в своём выступлении отметила, что принцип воспитания и формирования личности ребёнка остается в основе российской системы образования. «Образование предполагает не только передачу молодым россиянам знаний, но и в значительной степени предусматривает формирование личности ребенка. Сегодня в основе государственной политики в области образования на всех его уровнях

лежит принцип воспитания человека знающего и уважающего традицию и историю своей страны, формирование духовно-нравственной личности, патриота, ответственного за свои поступки, готового к милосердию и созиданию», — отметила она. *«Для нас очевидно, что важнейшие ценности, которые прививает Православие, совпадают с теми принципами, в соответствии с которыми работает современная российская школа».* Говоря о Рождественских чтениях, замминистра сказала, что «этот крупнейший образовательный форум стал доброй традицией и эффективной площадкой для обсуждения важнейших вопросов духовно-нравственного воспитания и образования в нашей стране».

Митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий, председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации, Организационного комитета Международных Рождественских образовательных чтений в своём выступлении подчеркнул, что «Одной из главных, основных задач сегодня представляется создание качественной, эффективно функционирующей системы подготовки кадров». В настоящее время в этой важной сфере, по словам Митрополита Меркурия, сложилось весьма конструктивное взаимодействие церковных и государственных структур. «Недавно Министерством образования был принят «Профессиональный стандарт педагога», в котором, к сожалению, фактически не были учтены вопросы духовно-нравственного воспитания личности. Осознавая важность сохранения духовно-нравственного компонента в воспитательно-образовательной деятельности, мы разработали «Профессиональный стандарт православного педагога», обсуждению которого посвящены некоторые мероприятия нынешних Чтений». Митрополит Меркурий уделил внимание вопросу создания и работы *Воскресных школ*. По его словам, «предстоит серьезная работа по продолжению апробации документов, регламентирующих деятельность воскресных школ. С одной стороны, епархиальная аттестация воскресных школ послужит формированию общецерковного реестра этих учреждений, с другой — аттестация должна содействовать повышению качества учебно-воспитательной деятельности и материально-технического обеспечения воскресных школ».

Как положительный пример работы по развитию системы воскресных школ и созданию на их базе центров духовно-нравственного воспитания, Митрополит Меркурий отметил наряду с Екатеринбургской и Тамбовской епархиями, и нашу Ханты-Мансийскую епархию. «Пример этих регионов достоин всяческого подражания, а ценный опыт — широкого распространения в других епархиях нашей Церкви», — подчеркнул в своём выступлении председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации РПЦ.

Нужно отметить, что в нашем городе с 1992 года при храме Рождества Христова работает Воскресная школа, директором которой в настоящее время является о. Сергей Матвеев. В Воскресной школе обучается 115 детей. Преподавание ведётся по учебным программам, рекомендованным Координационным советом по взаимодействию Министерства образования РФ и московского Патриархата РПЦ. Дети изучают Закон

Божий, церковные песнопения, занимаются на занятиях изобразительного искусства, рукоделия в светлых, просторных классах православной гимназии, которая расположена недалеко от храма. Преподавательский состав: все педагоги Воскресной школы имеют высшее педагогическое образование, прошедшие соответствующую курсовую подготовку. За все эти годы в Воскресной школе сложилось немало добрых традиций. Одна из них — участие в городских праздничных концертах, посвящённых Великим праздникам Рождества Христова и Пасхи на сцене Дворца искусств. Дети участвуют в спектаклях, рассказывающих о Библейских событиях Рождества Христова, о Воскресении Христовом, которые не оставляют равнодушными никого из присутствующих в зале.

В области дошкольного образования Митрополит Меркурий остановился на задачах, в соответствии с принятым Федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования: «Православный компонент дошкольного образования». Создан и опубликован реестр программ, получивших гриф Синодального отдела религиозного образования и катехизации, по православной культуре для дошкольных образовательных организаций. «Сегодня, когда дошкольное воспитание вновь стало органичной частью системы общего образования, — отметил он, — важно наладить конструктивное взаимодействие епархий Русской Православной Церкви и самих дошкольных образовательных учреждений. Это взаимодействие должно быть направлено на создание и развитие различных образовательных форм: от православных групп и факультативов до полноценных дошкольных учреждений, интеграции духовно-нравственного компонента воспитания детей в систему дошкольного образования. Хотел бы особо подчеркнуть: усилия по развитию этого сотрудничества должны быть двухсторонними, взаимными».

Пристальное внимание Митрополит Меркурий обратил и на вопрос сотрудничества Церкви и государственных, и общественных организаций. Хорошим примером развития в этой сфере и одной из форм расширения сотрудничества, распространения знаний о православной вере и традициях являются, по его словам, ежегодно проводимые Синодальным отделом конкурсы: Всероссийский конкурс в области педагогики, воспитания и работы с детьми и молодежью до 20 лет «За нравственный подвиг учителя», проводимый совместно с Министерством образования Российской Федерации, о котором мы уже упоминали; и Международный конкурс детского творчества «Красота Божьего мира». Работы педагогов — участников конкурса «За нравственный подвиг учителя», составили обширную базу данных по самым разнообразным направлениям деятельности в области духовно-нравственного воспитания.

В ходе Международных Рождественских образовательных чтений работало несколько направлений, в рамках которых было проведение секций, круглых столов, научно-практических конференций, «Выставка изданий, получивших гриф Синодального отдела религиозного образования и катехизации». Интерес у наших педагогов вызвала фотовыставка «Вера в России», организованная в фойе Государственного Кремлевского дворца.

Знаменательным событием в рамках Рождественских чтений были III Рождественские Парламентские встречи, состоявшиеся в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации 22 января 2015 года, в ходе которых был подписан важный документ: Протокол о сотрудничестве между Патриаршим советом по культуре и ассоциацией «Российское историческое общество».

В направлении «РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И КАТЕХИЗАЦИЯ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ» работали такие секции, как «Духовно-нравственное воспитание в российской школе: состояние, проблемы, перспективы», «Православная культура в школе: результаты образования и перспективы развития», «Возможности и задачи развития дошкольного образования в контексте ФГОС дошкольного образования», «Единый учебно-методический комплект для воскресных школ». Состоялась презентация изданных пособий. Прошли научно — методические семинары: «Религиозный компонент в содержании образования», «Традиционная православная культура русского народа как элемент системы духовно-нравственного образования и воспитания в общеобразовательной школе», а также заседания круглых столов: «Профессиональный стандарт педагога и духовно-нравственное воспитание детей: задачи и методология», «Мировоззренческие основы и воспитательный потенциал преподавания истории Отечества».

Уверена, педагогов, занимающихся духовно-нравственным воспитанием школьников и преподающих модуль «ОПК», заинтересует секция «Развитие школьного олимпийского движения на примере Общероссийской олимпиады школьников по основам православной культуры». Как председатель муниципального этапа Всероссийской олимпиады школьников по «Основам православной культуры», могу констатировать тот факт, что число участников данной олимпиады в нашем городе с каждым годом возрастает. Так, в прошлом учебном году участников олимпиады по «ОПК» было 68 человек, в этом, 2014–2015 учебном году 91 человек. Победители и Призёры муниципального этапа Всероссийской олимпиады школьников по «Основам православной культуры» участвуют в региональном этапе олимпиады.

Недавно мы вернулись из г. Ханты-Мансийска, куда выезжали с командой ребят нашего города — участниками регионального этапа олимпиады по «Основам православной культуры». Нижневартовск представляли Победители и Призёры муниципального этапа: Никитина Мария, ученица 11 класса МБОУ «СОШ № 32»; Жалнина Екатерина, ученица 10 класса МБОУ «СОШ № 8»; Петренко Екатерина, ученица 10 класса МБОУ «СОШ № 42». Все ученицы успешно справились с олимпиадными заданиями, а Мария Никитина стала Победителем регионального этапа среди обучающихся 8–11 классов и вошла в команду обучающихся на общероссийский этап олимпиады по «Основам православной культуры». Мы получили благодарность от о. Димитрия Губанищева, Председателя отдела образования и катехизации Ханты-Мансийской митрополии за активное и результативное участие обучающихся нашего города в олимпиаде по «ОПК». Образовательные учреждения, которые принимали активное

участие в данной олимпиаде: МБОУ СОШ № 42, № 21, № 8, № 32, № 43», Гимназия № 1, Гимназия № 2, а также хочется поблагодарить административный состав и педагогов за подготовку детей к олимпиадам и внести предложение по обеспечению методической поддержкой учителей-олимпиадников по «Основам православной культуры».

Отмечу, в ходе Международных Рождественских образовательных чтений велась работа по направлениям: «Издательская деятельность церкви», «Церковь и культура», «Церковь и СМИ», «Миссионерское служение русской православной церкви», «Церковь, государство, общество», «Церковь и молодежь», «Социальное служение церкви. Наследие равноапостольного князя Владимира в современной жизни церкви», «Духовное образование в русской православной церкви», «Христианская семья и человеческое счастье».

Педагоги Нижневартовска участвовали в работе разных направлений. Большой практический опыт имело участие в конференции «Развитие духовно-нравственной основы образования в контексте программы «Социокультурные истоки», проводимой в Паломническом центре Московского Патриархата. Запоминающейся для них стала конференция «Святой князь Владимир и церковная традиция его времени», которая проходила в актовом зале Московской Духовной академии, и здесь, в Троице — Сергиевой лавре, педагоги смогли поклониться мощам преподобного Сергия Радонежского, игумена Земли Русской, великого молитвенника и печальника о земле Русской, покровителя просвещения. Приняли участие в работе семинара «Нравственные основы семейной жизни в школьном образовании» на секции «Защита семьи как цивилизационный вызов XXI века» под председательством протоиерея Димитрия Смирнова, Председателя Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства Русской Православной Церкви в Конференц-зале Храма Христа Спасителя.

Таким образом вопросы, проблемы, поднимаемые в ходе работы Международных Рождественских образовательных чтений, находят воплощение в соработничестве Церкви и государства в деле воспитания духовно — нравственной личности современных школьников, молодежи и на нашей, Югорской земле, успешно решаются Ханты — Мансийской митрополией. Масштабы работы православных педагогов нашего города увеличиваются. Во второй раз мы провели Рождественские образовательные чтения в нашем городе, педагоги региона принимали участие во Всероссийском конкурсе работ с детьми и молодежью «За нравственный подвиг учителя», дети активно участвуют во Всероссийской олимпиаде школьников по «Основам православной культуры». В СМИ освящается приходская жизнь храма Рождества Христова и Ханты-Мансийской митрополии, на ТРК «Югория» выходят в свет радиопередачи «Сибирь православная». В Нижневартовском Благочинии проводятся творческие конкурсы «Рождество Христово», «Пасха красная», в которых принимают участие люди разных социальных слоёв: от воспитанников детских дошкольных учреждений до пенсионеров. Можно с уверенностью сказать, что мы на правильном пути. И помогай нам всем, Господь, в этом благом деле!

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Юлия БОЧКОВА

Заведующая краеведческим отделом

Центральной городской библиотеки им. М.К. Анисимковой,

г. Нижневартовск

Маргарита Кузьминична АНИСИМКОВА: о библиотеке и своих учениках...

В 2014 году, объявленном в России Годом культуры, произошло важное событие, ставшее подарком для всех жителей нашего города. Постановлением администрации города Нижневартовска от 10 февраля № 223 Центральной городской библиотеке было присвоено имя Маргариты Кузьминичны Анисимковой, члена Союза писателей СССР, члена Союза журналистов СССР, заслуженного работника культуры РФ, заслуженного деятеля культуры ХМАО, Почетного гражданина г. Нижневартовска и г. Ивделя.

И это не случайно, ведь Маргарита Кузьминична говорила, что «самые упоительные путешествия для нее — в библиотеки, архивы. Туда её ведёт жажда впечатлений, желание прочесть, расшифровать древние рукописи, написанные купоросом, отчего строки, «испаряющиеся» с каждым веком, становятся невидимыми» [6, с. 43]. Она всегда была желанным гостем в Центральной городской библиотеке на презентациях своих новых книг, встречах с читателями. В фондах библиотек МБУ «БИС» бережно хранятся издания Маргариты Кузьминичны, публикации в сборниках и журналах. Отдельные книги, такие как роман «Ваули», «Порушенная невеста», «Солнечная землянка» представлены в электронном доступе на сайте МБУ «БИС».

Библиотека всегда рада людям творческим, неординарно мыслящим. Поэтому, не случайно в феврале 1994 года Центр досуга молодежи «Наш Дом» при Центральной городской библиотеке открыл свои двери для творческой молодежи. 18 июня 1994 года считается днём рождения литературного объединения «Замысел», в дальнейшем, вся история которого неразрывно связана и с именем Маргариты Кузьминичны Анисимковой.

В 1997 году вышел сборник «Зори Самотлора», составителем которого стала Маргарита Кузьминична. С 2004 года он стал выходить как литературно-художественный альманах. В обращении к читателям третьего выпуска альманаха Маргарита Кузьминична писала: «Теперь пришло время, когда созидателями его стали не только поэты и прозаики, но работники науки и культуры, молодежных организаций, все те, кто искренне озабочен духовно-нравственным состоянием общества, судьбой подрастающего поколения, для кого не безразлична судьба нашего города и всего Югорского края» [1, с. 4]. Она вспоминала о том,

как велась работа по подготовке сборника: «Приглашаем к себе художников, бардов, в общем, стараемся никого не забыть, чтобы все сказали свое слово. Много публикаций о национальном населении. Печатаем Вэллу, Волдину... Издавать альманах помогают городские предприятия, а все остальные сотрудничают на общественных началах, особая заслуга здесь принадлежит Альбине Кузьминой. Редколлегия собирается у меня дома после работы — ведь литераторы ещё и работают. Например, Валерия Акимова знает как поэта, а он и на производстве трудится. Я являюсь главным редактором альманаха. Как отбираем материал? Литературное объединение работает — читают, выбирают то, что нравится, потом приносят мне. Материалы принимаем любые, главное, чтобы присутствовало хорошее русское слово, чтобы произведение было интересно для читателей» [2, с. 6].

Маргарита Кузьминична уделяла немало времени работе с писателями. Грета Кузнецова написала о своем впечатлении от встречи с писательницей: «Моё первое знакомство с Маргаритой Кузьминичной вызвало огромное удивление. Тогда я принесла ей целый ворох своих стихов, которые она прочитала с такой тщательностью, с глубочайшим вниманием. Она отметила и тусклые грани, и неверные слова, и самое главное, ни в одной строфе, ни в одной строке не навязала свой стиль, свою подачу. Ответ я получила по прошествии очень короткого срока. Как оказалось, она годами вырабатывала свой стиль — за счет сокращения сна, увеличивая продолжительность суток. И начинает работать уже в четыре утра!» [4, с. 4].

В 1997 году в газете «Местное время» была опубликована статья «Корни», в которой Ольга Майорова брала интервью у Маргариты Кузьминичны. Зашла речь и о начинающих литераторах: «Самая дорогая моему сердцу — новая поросль молодых поэтов. Это Валерий Акимов и Евгений Браверман, Татьяна Джарты и Альбина Кузьмина, Владимир Мазин и Надежда Влад и многие другие. Всех, людей разных убеждений и взглядов, разных профессий — объединило поэтическое слово. Все они — выходцы из литературного объединения «Замысел», созданного при Центральной библиотеке нашего города, у начала которого были Татьяна Воробьева, Игорь Кириллов, Ольга Мицлер, а теперь — Альбина Кузьмина» [6, с. 43].

Жители города также не раз вспоминали добрым словом Маргариту Кузьминичну. Например, Анастасия Захарова: «Долгое время М. Анисимова была в Нижневартовске единственным членом (тогда еще) Союза писателей СССР, как и единственной женщиной-писательницей в областной Тюменской писательской организации. Не одно поколение нижневартовских школьников начинало свое знакомство с бытом и фольклором коренных жителей Севера именно с её книг... Сколько бы я не встречала её на вечерах-встречах где-либо в школах, в библиотеках, на предприятиях, завидую её доброму, щедрому, умному и знающему слову писателя, житейскому опыту. Безгранично щедрой души человек. Скольким она дала дорогу в жизнь, многих направила на жизненный путь... Я думаю, каждому в городе есть что сказать о ней хорошего» [3, с. 3].

Владимир Лайтер, представитель Международной ассоциации журналистов «АСМО-ПРЕСС» в статье «Дочь России», писал: «Она — счастливый человек. Учитель с большой буквы. Её общение находит отклик в разной среде. Она выступала в зонах, тюрьмах, школах, на предприятиях. Никогда никому не отказывала. Видела в тех, кто отступился, людей, нуждающихся в помощи, граждан заинтересованных... Для неё быть воспитанным — быть образованным. Это культура» [5, с. 3].

Маргарита Кузьминична никогда не ставила цель — научить кого-то писать, она говорила: «Я не могу назвать учеников. Хочу, чтобы они сами сказали: «Это мой учитель». Я не люблю об этом говорить. Если человек нуждается, тогда пожалуйста». С её легкой руки путевку в творческую жизнь получили Валерий Белобородов — редактор ежемесячного выпуска «Новостей Югры» и поэт Владимир Мазин. Маргарита Кузьминична помогла им не только советом, но и делом. В Союз журналистов она рекомендовала немногих. Это Валентина Пятырова, главный редактор газеты «Местное время» и Альбина Кузьмина, главный редактор радио Нижневартовского газоперерабатывающего завода» [5, с. 3].

Благодаря поддержке Маргариты Кузьминичны в свет вышло немало изданий: сборник «Постоянство», выпуски литературно-художественного альманаха «Зори Самотлора», сборник «Иван-чай» и др.

Писательница много работала сама и других к этому призывала: «Чтобы стать писателем, надо работать и думать, и много читать. Да и не всё подряд, а только ту литературу, через которую прошло все человечество. Во все времена были графоманы, но остались вечные книги...» [7, с. 5].

Своеобразным напутствием следующему поколению писателей могут стать слова Маргариты Кузьминичны: «Должно пройти время, чтобы люди смогли осмыслить те или иные исторические события, понять их. Для этого нужны десятки, а иногда и сотни лет. Так что создание книг о нашем времени я завещаю писателям будущего...» [8].

1. Анисимкова, М. [Дорогие друзья!] // Зори Самотлора: литературно — художественный альманах. Вып. 3. Великой Победе — 60 /ред. М.К. Анисимкова. — Нижневартовск: ПолиграфИнвест-сервис, 2004.

2. Анисимкова, М. Найди живое слово // Самотлор-экспресс. — 2006. — 15 сент.

3. Захарова, А. И это все о писательнице // Варта. — 1997. — 6 марта.

4. Кузнецова, Г. Я Вас люблю, чего-же боле... // Варта. — 2003. — 19 апр.

5. Лайтер, В. Дочь России // Варта. — 1998. — 16 апр.

6. Майорова, О. Корни // Югра. — 1997. — № 6.

7. Степанова, Н. Душа болела за себя и за других // Местное время. — 2003. — 16 авг. Режим доступа: <http://avtograf-nv.ru/?nid=312&page=docs&pid=260&sid=302>

Тамара ЗУЕВА

Член литературного объединения «Замысел»,
г. Нижневартовск

**Невыдуманная, златом кипящая Мангазея
Маргариты Анисимковой**

Смелую и рисковую по характеру Маргариту Кузьминичну Анисимкову не могла не тронуть сказочная Мангазея. Любознательность писательницы не знала предела. Изучив историческое полотно русского сибирского Заполярья, Маргарита Анисимкова с головой окунулась в захватывающие события. Со знанием дела она описывает удивительный сюжет суровой жизни «златокипящей царской вотчины», развитие её и падение... Расцвет и угасание загадочной Мангазеи... Писательница говорила, что никогда не позволяла себе шутить с исторической достоверностью и смело бралась за нелёгкий труд — оживление русской истории, правдивое полотно которой вызывает гордость за наших давних предков, увлекая мужеством и героизмом давно минувших дней...

Мангазея — первый русский заполярный город 17 века в Сибири. Располагался в Западной Сибири в месте впадения реки Мангазейки в реку Таз. Низменность, на которой был расположен город Мангазея, простиралась на 180 км вверх по течению реки Таз к югу от её впадения в Северный Ледовитый океан. Раннее название реки Мангазейки звучало как Лососевая. Это была глубокая судоходная река, и на её правом, более низком берегу и располагался город-порт и торговая фактория Мангазея. «Город Мангазея приносил баснословные доходы царской казне от пушного промысла и торговли. Кроме того, Мангазея сыграла огромную роль в освоении севера Сибири, а также в развитии русского арктического мореплавания, потому что город стал центром большого административного района, Мангазейского уезда. Мангазея долгое время была и единственным морским портом Сибири, связанным с Северным Ледовитым океаном, куда сходилась очень много разных путей. Речные пути вели из Тобольска через Верхотурье» (Старков В. Ф.)² По мере того, как русский народ продвигался дальше в Сибирь, тем более это великое продвижение окутывалось тайнами и легендами. Это был истинный подвиг русских людей — освоение Сибири и Заполярья.

Один из таких подвигов связан со сказочным городом, легендарной Мангазеей, в котором жили предприимчивые поморы, полные отваги и мужества, бесстрашные мореходы и землепроходцы, которые открыли миру самый северный полуостров Евразии — Таймырский. На территории Сибири по пути следования поморов «встречь солнца» появляются постоянные селения — деревянные «крепостицы», зимовья и остроги, одним из первых таких городских поселений

была Мангазея. «Она стала первым заполярным морским и речным портом Сибири. И вёл в неё Мангазейский морской ход. Так называли в те далёкие времена первую арктическую магистраль, связывающую Белое и Баренцево моря с Карским» (Н. Патрикеев).³ Множество алчных взглядов со стороны Запада было направлено в сторону русской жемчужины. Московский двор понимал, что корабли иностранных государств под видом купеческих судов могут пройти на Обской Север, где у России ещё не было морского флота для защиты своих владений. В 1619 году был издан приказ «Заказ крепкий», запрещающий ходить морем в реку Обь. Теперь купцы должны были ехать через Уральские горы, спускаться по Оби и, проходя цепь острогов, попасть этим путём в Мангазею. По снегу в зимнее время года — на нартах, а летом — на кочах, стругах и карбасах через полярные моря, заболоченные места и мелкие притоки тянулись сюда большие массы торгового люда. Ради её пушных богатств стремились сюда отважные промышленники и охотники, готовые претерпевать лишения и тяготы неустроенного быта, лишь бы затем разбогатеть.

Город этот носит своё название предположительно от имени самодийского (ненецкого) князя Маказея (Монгкаси) или от старинного названия реки Таз. По другим источникам считается, что Мангазея происходит от слова Молгонзея — так была названа окраинная местность и уже значившаяся на карте. Эта карта была опубликована в Лондоне в 1562 году «Карта России, Московии и Тартарии». Историк Н. И. Никитин считает, что название Молгонзея восходит к коми-зырянскому молгон — «крайний», «конечный» и обозначает «окраинный народ».

Когда же город прекратил своё существование, а (прожил городище семьдесят с небольшим лет), он сегодня стал называться на местных языках «Тагаревы хард», т. е. «Разломанный город» и о его существовании остались глухие отзвуки, некогда звенящей Мангазеи, славящей Россию, как гремящая ярмарка! Повторив судьбу гомеровской Трои, Мангазея превратилась в город-легенду, якобы никогда не существовавшей на самом деле, приобретя черты национального фольклора в народной памяти и культуре. Но на самом деле, о чрезвычайно богатом городе, где товары и в больших количествах золото, приносившие баснословные прибыли, о городе, в котором было всего четыре улицы и чуть более 200 жилых домов с воеводским двором, соборной церковью и тюрьмой, гостиним двором, таможней, купеческими домами, тремя церквями и часовней, ремесленной улицей, где были литейные мастерские, кузницы и др., ходили легенды, и за Мангазеей прочно закрепилось прозвание «златокипящая» царева вотчина с загадочной и, наверное, не очень счастливой судьбой:

У городов есть свои судьбы тоже,
Возникнув в древности, дойдя до наших дней,
Пути свои и славя, и итожа,
Москва и Новгород в сиянии огней

Привносят доблести родной России,
Владимир красит Русь святую сотни лет,
А некоторым не хватило силы,
Угас звезды высокой путеводный свет,
А есть загадки — города-кометы,
Прожив всего-то несколько десятков лет,
Овеянные давностью приметы,
Несут истории таинственный привет.

Т. Зуева

Для многих путешественников, следующих на север, «Мангазейская округа» была сказочной страной. Об этой таинственной, полной зверья местности в народе на протяжении веков слагались мифы и сказы. Легендарное Лукоморье в сказках А. С. Пушкина, — это и есть часть большой территории Мангазейской земли, побережье Обской губы. Ещё древние новгородцы называли Мангазею Лукоморьем. А наш Великий поэт А. С. Пушкин в своей поэме «Руслан и Людмила» в прологе просто воспекает Мангазею:

*...Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках...*

Описание поэтом «избушки» напоминает нам, скорее всего, лабаз, который стоит высоко над землёй на столбах или пнях. Коренные жители: ханты, селькупы, ненцы хранят в лабазах запасы пищи. «Тридцать витязей» — это, возможно, стрельцы, идущие за пуховой подачью (яском) или рыбаки, перебирающиеся по мелководью... Мангазея и явилась тем таинственным приветом кратковременных городов, которые:

Зажгутся ярко и погаснут быстро
И, в славе искупаясь, вечно замолчат.
Напомнит Пушкин Лукоморской искрой,
В ней дни ушедшие, как сказка прозвучат!
И оживает карта Лукоморья
На побережье Севера Обской губы,
Воспрянув царской вотчиной на взморье
Своей «златокипящей» непростой судьбы!

Т. Зуева

Панораму увлекательных событий в прошлом, связанных с возникновением и деградацией города-ярмарки, как крупного торгового центра, захватывающим образом описывает Югорская писательница Анисимкова Маргарита Кузьминична в романе «Мангазея или златом кипящая царская вотчина». Воссоздавая исчезнувший город, она старалась донести до читателя истинное положение вещей, не отходя от правдивости документальных сведений о загадочной Мангазее:

Украшив «Эльдорадо» Заполярье,
«Пушистым золотом» тревожа и маня,
В суровом и сибирском крутоярье
Жил город на болотах и камнях.
Умножив мягкой рухлядью богатства,
Казну озолотив российского царя,
Как ценная находка государства,
Гремела Мангазея в северных краях!

Т. Зуева

Серьёзная вдумчивая писательница говорила, что правда литературы в том, что она не тонет в убогой действительности и сплошной реальности, а утверждает самодавляющее право истины. Как магнит притягивал к себе первопроходцев великий размах сибирской земли. Несмотря на опасности долгого пути в Мангазею, российский люд смелый и отважный стремился попасть на волшебную землю. Купола церквей Мангазеи были покрыты червлёным золотом, и потому звали город златогорящим. Златые купола всех церквей было видно с большого расстояния, и каждый мог любоваться красотой мангазейских храмов: Церковь Троицы, Успения, Михаила Малеина и Макария Желтоводского — «поморских чудотворцев». Это был настоящий праздник для души православного человека. Кроме храмов, известна часовня Василия Мангазейского убиенного. Все исследования отмечают, что первые попытки приобщения к православной культуре населения, проживающего на реках Пур, Таз и Вах, состоялись именно в Мангазее, и она стала отправной точкой в христианизации коренного населения Западной Сибири. Коренные северянки принимали Православие. Крещение ненцев, ханты, селькупов было началом включения их в общий поток цивилизации. Приобщение к Православию и Крещению всея Руси началось с духовного родоначальника русского народа — Владимира красна солнышка. Закоренелого язычника — святого Владимира Господь избрал крестителем, духовно переродившим русский народ, поставив у ворот юной России со смелыми взглядами и Православной верой.

Из всех чудес, что творит вера, самое душевное — обращение грешника в праведника — утверждает Святитель Николай Сербский. Он же говорит, что вот стоит святой Владимир при вратах христианской Руси и словно призывает к каждому: «Я был ночь и превратился в день! Кем был ты? Кем стал ты?»

Новая Россия началась со святителя-державника. С новой Русью и новой культурой возник новый путь. Обратив свой народ в христианскую веру, он длинную тёмную ночь на Руси обернул в ясный солнечный день, а вся языческая масса с течением времени сделалась «красным солнышком среди народов», и можем мы воскликнуть, как восклицал Николай Сербский, что народ русский и есть красно солнышко!

28 июля 2015 года — эпохальное событие. Это день равнопостольного великого князя Владимира. В этот день чтят светлую память Владимира Красна солнышка. С 28 июля 2010 установлен день Крещения Руси. Становление христианской веры принесло Крещение, которое преобразило духовную историю России, гармонично объединив в себе праздник Православия, культуры и государства. В 988 году закончило своё существование языческое многобожие, и началась новая эпоха в истории духовного развития страны.

Обращаясь к роману «Мангазея или златом кипящая царская вотчина» М. Анисимковой, хочу остановиться на тех моментах, благодаря которым автору удалось вдохнуть жизнь в драматические события, подарившие миру первого сибирского Святого — Василия Мангазейского, Святого Русской православной церкви. Блистательная Мангазея несёт трагический момент в своём развитии:

Прекраснейшим став городом на свете,
Найдя в расцвете свой стремительный закат,
Нам принесла в семнадцатом столетье
В Сибирь Заступника — отраду из отрад:
Служил с душою нежною и кроткой,
Привёл его Господь в богатый алчный мир,
Он с жизнью непорочной и короткой
Навек пришёл Святым в Великую Сибирь.
Младой Великомученик Василий —
Всепочитаемый за множество чудес,
Охотникам и рыболовам милый,
Любовью светлой помогает всем окрест!

Т. Зуева

Первый прославленный на Сибирской земле Великомученик Василий Мангазейский принял трагическую кончину 23 марта 1600 и с середины 17 века благоговейно почитается за множество чудесных проявлений своей святости: в помощи недужным, скорбящим и бедствующим, прибегающим к его ходатайству перед Богом. «Когда по городу пошли разговоры о чудесах, братья Чалые верили и не верили людям, но когда происходящие чудеса стали приписывать какому-то Василию, братья призадумались»¹, с. 404.

*«Про Василия, Божьего человека хотите спросить? — братья только переглянулись. — Порешил его хозяин. Увёл к воеводе, и боле Вася домой не воротился, а Нежилу Карповича в ту же ночь нечистая сила в петлю затолкала. Тут он, в Мангазее, Василий, — выдохнула Лукерья последние слова и отошла в мир иной, будто только и ждала этого часа»*¹, с. 407

«Отец Варсонофий, наслышанный о бедственном положении в Мангазее и творившихся там чудесах, не смог усидеть в Тобольске и отправился в плавание. Встретив ревнителя православной веры и поместив в самые лучшие хоромы, мангазейцы окружили его заботой и вниманием.

От имени Тобольского духовенства он взял на себя смелость поставить в Кремле часовню в честь мангазейского чудотворца, куда и были перенесены мощи Василия. Под колокольный звон были внесены в часовню мощи мученика Василия и зажжена лампада».^{1, с. 408–409.}

В 1893 году Синод запросил записи о чудесах, и в начале 20 века имя мученика Василия Мангазейского было включено в Православный календарь, издаваемый Синодом. В 1907 году по благословению Святейшего Синода было отпечатано цветное литографическое изображение святого Василия Мангазейского. Он стал почитаться как покровитель рыбаков и звероловов. После закрытия Туруханского монастыря в 1921 году мощи святого были утрачены, их фрагменты обрели вновь в 1997 году и поместили в раку в монастырском храме. Икона Василия Мангазейского имеется и в нашем Нижневартовском Храме Рождества Христова.

Роман знакомит читателя с жизнью поморов, ещё с одним интереснейшим фактом в истории государства Российского, с фантастическим городом, ушедшим от нас навсегда... В 1672 году вышел официальный указ царя Алексея Михайловича об упразднении города. Окончательно Мангазея была оставлена в 1677 году, а её гарнизон был переведён на Енисей, в Туруханское зимовье. В 1607 году в устье Нижней Тунгуски было срублено Туруханское зимовье. А в 1672 году был заложен русский город — Новая Мангазея. «Началось стихийное переселение мангазейцев в Туруханск — самое близкое зимовье от Мангазеи, стоявшее на Никольской протоке в двадцати восьми верстах от Енисея, на левом высоком берегу. Строили его енисейские плотники добротнo. Оно стало одним из крупных зимовий по сбору ясака в царскую казну. Здесь несли службу мангазейские казаки, занимались сбором ясака, охраняли сидевших в тюрьме аманатов. В последнее время жизнь в Туруханске оживилась за счёт мангазейских переселенцев, которые хлынули сюда целыми семьями».^{1, с. 424.}

После 1780 годов Новая Мангазея называется Туруханском и числится в Томской губернии. Позднее поселение называется Старотуруханском. Сегодня города этого не существует, и на его месте стоит город Туруханск. Но до сих пор волнует умы и души «Сибирская сокровищница» Мангазея на реке Таз...

А до гибели Мангазеи перед читателем пройдёт увлекательная череда интереснейших фактов от рождения до прекращения существования златокипящей царской вотчины, благодаря достоверным сведениям, ожившим на страницах исторического романа М. К. Анисимковой. Как жаль, что мало кому известен этот эпизод заполярного севера российской истории, который талантливо раскрыла и донесла до наших умов писательница. На протяжении всего романа говорится о дальнем и невероятно тяжёлом пути в неизвестную Мангазею в самоедской стороне, манящую своими богатствами. ...«Разбогатели они после того, как он (Елисей Макарыч) сплавал кормщиком в далёкую самоедскую сторону и привёз оттуда пушнины и моржовую кость. Правда, по возвращении из плавания дал зарок: больше туда ни ногой. После

этого плавания его волосы поседели, да и морщин прибавилось. Страху там натерпелся. Чуть не погиб».^{1, с. 25}

«С Божьей помощью кочи⁴ подплывали к западному побережью острова Ямал. ...Под громкий свист Гурьяна мореходы вскочили и, запинаясь о кочки, побежали к кресту «Место погибших русских», — было вырезано на нём ножом. Все молча обнажили головы, перекрестились. Невольно напрашивался вопрос: когда и с кем случилось здесь несчастье? Кто похоронен в этой далёкой, забытой Богом стороне? Не зря же это место обозначено в мореходной тетради. Моряки не особо сентиментальные люди. Уходя в плавание, они всегда навеки прощаются с домом, и сейчас здесь как — то по — особенно приняла смерть соотечественников, нашедших покой под этим покосившимся, почерневшим от ветров и дождей крестом. — Новый бы поставить, — заметил Моисей, оглядываясь по сторонам...»^{1, с. 73}

Но поток поморов не становился меньше. Желающих добраться до удивительного города было всё больше и больше.

«Как нельзя повернуть вспять течение реки, так нельзя было остановить хлынувший со всей России поток смельчаков, желающих попытать счастье и удачу. Легендарный город манил людей, вселял надежду на осуществление мечты — разбогатеть».^{1, с. 389}

Образ матери на Руси всегда подкреплялся светлой любовью и нежностью. Не оставляет мать своих чад в тяжёлые минуты, приходя, как спасение, как облегчение, как глоток свежего воздуха. Несмотря на невыносимые условия и жестокие испытания для выпавших на долю путешественников, не зачерствели души мореходов, подчёркивая это, удачно и трогательно звучат слова Сёмки во время тяжёлого похода о его матери. Именно в трудную минуту к нему приходит образ матушки, как подмога, как светлое пятно на фоне происходящих невообразимых тягот создавшейся жизни. Молодой помор рассказывает перед ней, находясь далеко от дома, заливаясь слезами, говорит: «Матушку вспомнил. Обидел я её перед самым отплытием, а она у меня такая кроткая! Такая набожная, а я, богохульник, только и рву ей сердце. А подле её ещё семеро, мал мала меньше. А я, басурман, весь в отца пошёл: тому тоже подавай волю! Перед отплытием, нажравшись сивухи, батюшку в храме богохульными словами обозвал, да всё норовил за длинную бороду схватить. Ладно, мужики оттащили. Я-то уплыл, а каково ей несчастной?».^{1, с. 76}

До нас дошли очень отрывчатые, в большинстве своём покрытые тайной, сведения о Мангазее. Исчезла и существовавшая летопись Мангазеи. До конца не понятны причины, почему возникла Новая Мангазея, ныне Туруханск. То ли с закрытием морского пути, который определил окончательный крах Мангазеи, то ли с отсутствием караванов с хлебом, которых не было с 1641 по 1644 годы, и — начался голод, то ли из-за большого пожара в 1643 году, который нанёс огромный урон городу, то ли из-за того, что город стали покидать торговые люди и промышленники, уходя на Восток. В совокупности эти события, скорее всего, и повлияли на гибель волшебной Мангазеи. Исчезла она,

как сказочный Китеж-град, но осталась в народной памяти, как край небывалых богатств, где сбываются мечты, где крепнет мужество и любовь к отчему краю.

Затихла ярмарка, отпев на Тазе,
Померк Жемчужины над снежным кругом свет,
И приговор, что значился в указе,
Сокровищницу рая спрятал в сонмы лет!
Рассветы, над холмами розовея,
В суровой прошлой жизни видели успех.
Осталась на страницах Мангазея,
Клондайком соболиным отчий дом воспев!

Т. Зуева

Археологические раскопки её остатков, которые захоронены под слоем трёх веков, позволили пролить свет на удивительную историю этого древнего города сибирского Севера. Благодаря исследованиям историко-географической экспедиции 1968–1970 и 1973 годов позволили учёным кропотливо по крупицам восстановить облик исчезнувшей Мангазеи. Сегодня археологический памятник Мангазея располагается в Красноселькупском районе Ямала, на правом берегу реки Таз.

А на страницах исторического романа «Мангазея или златом кипящая царская вотчина» Маргариты Кузьминичны Анисимковой создан литературный памятник мужеству и бесстрашию русских людей в освоении крайнего Севера — средневековому городу Поморья. Книга эта заслуживает внимательного прочтения, не даёт забыть фантастические и яркие страницы трагической судьбы удивительного города. Всем, кто стремится больше узнать о развитии северных мест, о духовном развитии Сибири, эта книга окажется полезным источником, проливающим свет на мало известные факты истории государства Российского и нашего сибирского Заполярья.

1. Анисимкова М. К. *Мангазея или златом кипящая царская вотчина*. — Екатеринбург, Изд-во, 2008. — С. 404; 407; 408–409; 424; 25; 73; 389; 76.

2. Старков В. Ф. Ямальский меридиан. Журнал «Ямальский меридиан». «Мангазея: быль и небыль: беседа с заведующим группой арктической археологии Института Археологии Академии Наук, Доктором исторических наук Вадимом Фёдоровичем Старковым, беседу записала Л. Липатова, 2000. № 4. — С. 16–19.

3. Патрикеев Н. Ямал: Страницы былого. — Салехард, 1995 г. — С. 100.

4. Коч — морское парусно-гребное судно на Русском Севере 16–17 вв. Древнерусская ладья с нашитой на бортах ледовой защитой из крепкого дерева называлась Кочневой или кочем. Форма бортов округлая. Анисимкова М. К. *Мангазея или златом кипящая царская вотчина*. Екатеринбург, 2008. — С. 440

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕСТИ

Городское литературное объединение «Замысел» проводит заседания в Центральной городской библиотеке Нижневартовска, которой в 2014 году, объявленном в России Годом Культуры, Постановлением администрации г. Нижневартовска от 10 февраля № 223, присвоено имя югорской писательницы Маргариты Кузьминичны Анисимковой, сбор 2 раза в месяц по пятницам. Здесь традиционно проводится чтение произведений авторов, обсуждение и разбор рабочих материалов, консультации.

Литераторы «Замысла» — активные участники культурно-массовых мероприятий города, литературных встреч и выступлений:

— В апреле 2014 участвовали в организации Вечера памяти М. К. Анисимковой «Я люблю свою землю». На мероприятии был презентован литературно-художественный альманах «Зори Самотлора» № 11 за 2013 г., посвященный памяти М. К. Анисимковой. Альманах получился знаковым: он оценен писателями России.

— Разработана экскурсионная автобусная экскурсия по местам исторической памяти писательницы М. К. Анисимковой. Передано в отдел экскурсий Нижневартовского краеведческого музея.

— Ведутся мероприятия по сохранению творческого наследия писательницы. Литераторы приняли участие в краеведческой конференции «Шатиловские чтения» — 2014 г., в докладах и статьях раздела «Наследие» и «Литературоведение».

— Участие поэтов и прозаиков города в Пушкинском Дне России на открытой площадке Центральной городской библиотеки.

— Участвовали поэты в фестивале искусств, труда и спорта «Самотлорские ночи». Выступили в амфитеатре совместно с авторским клубом «Бард-тоника», на площадках города.

— 18 июня 2014 года городское литературное объединение «Замысел» отметило свой 20-летний юбилей. Состоялся большой праздничный вечер, приглашены гости из городов Югры, среди Почётных — ответственный секретарь Ханты-Мансийской писательской организации Союза писателей России П. Черкашин.

— Издан и презентован литературно-художественный альманах «Зори Самотлора» № 12 за 2014 г., посвященный 20-летию юбилею городского литературного объединения «Замысел» при финансовой поддержке Центральной городской библиотеки.

— Принято решение об обращении литераторов и общественности города в адрес губернатора ХМАО-Югры по учреждению окружной литературной премии им. М. К. Анисимковой.

— Литераторы Замысла вошли в состав Городского Экспертного совета по издательской деятельности.

— Приняли участие в открытии памятника М. К. Анисимковой на городском кладбище.

— В Год Культуры-2014 проведены выступления литераторов, местных поэтов и писателей в школах, поддерживается региональный компонент по изучению произведений М. К. Анисимковой.

— В Год Литературы-2015 писателями проводятся значимые культурные мероприятия: круглые столы, литературные встречи со студентами техникумов, колледжа, старожилами города, первопроходцами и нефтяниками, встречи в реабилитационном центре, с молодежью, школьниками в городских библиотеках города. Проходят презентации изданных авторских книг.

— Литературные выступления на празднике в центре «Хуторок» природного парка «Сибирские Увалы» Нижневартовского района. Участие литераторов в жюри городского конкурса чтецов природного парка.

— Участие литераторов в жюри городского литературного конкурса «Спасибо деду за Победу», посвященного 70-летию юбилею Великой Победы.

— Участие в жюри литературного конкурса начинающих писателей, организованном в городском Драматическом театре.

— Выступление нижевартовских поэтов в амфитеатре, подведены итоги городского конкурса «Пою тебе мой Смотлор», организован Центральной городской библиотекой. Выступление нижевартовских поэтов на площади Дворца Искусств.

— Участие в Межрегиональном культурно-туристском форуме, который состоялся в Центральной городской библиотеке.

— Выпуск трех литературных страниц «Иван-чай» в региональной газете «Местное время» в начале 2015 года.

— В Год Литературы в Центральной городской библиотеке активно проводятся встречи с писателями, круглые столы при участии администрации города, конференции, где говорится о русском языке, о Слове, о высокой значимости писателей России, в том числе и местных авторов, и их деятельности.

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ

Ирина ПОЛЫНСКАЯ

*Доктор педагогических наук, профессор
кафедры изобразительного искусства
Нижевартовского государственного университета*

Живописец Хусаинов

Ерик Сапарович Хусаинов родился в 1960 году в Кустанайской области Казахстана. В 1989 году окончил художественно-графический факультет Аркалыкского педагогического института. С 1989 года преподавал академический рисунок и живопись в АРПИ, с 1993 года — преподаватель живописи на художественно-графическом факультете Нижевартовского государственного педагогического института. С 1999 года заведующий кафедрой изобразительного искусства НГПИ.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры изобразительного искусства НГПИ. Участник городских, областных, окружных, региональных, краевых, Всероссийских, Международных выставок. Живописец. Его работы находятся в музеях, государственных и частных коллекциях России, Казахстана, Канады, Германии, Китая, Венгрии, Великобритании. Трагически погиб в феврале 2015 года.

В своей живописи Ерик Сапарович пытался сохранить взволнованную непосредственность первого впечатления, он постоянно экспериментировал и стремился к поиску новых форм и художественного языка, способного выразить глубину содержания художественных исканий, творческих дерзаний и постоянного стремления к новому.

Больше всего его занимали сложные пластические проблемы, связанные с глубинным образным решением природы и человека.

В каждой своей работе Ерик Сапарович пытался отразить настроение и чувства, мечты и раздумья, своеобразное отражение нашего времени, по которому можно судить о проблемах и идеалах, о позиции и мировоззрении, о вкусах и пристрастиях современников.

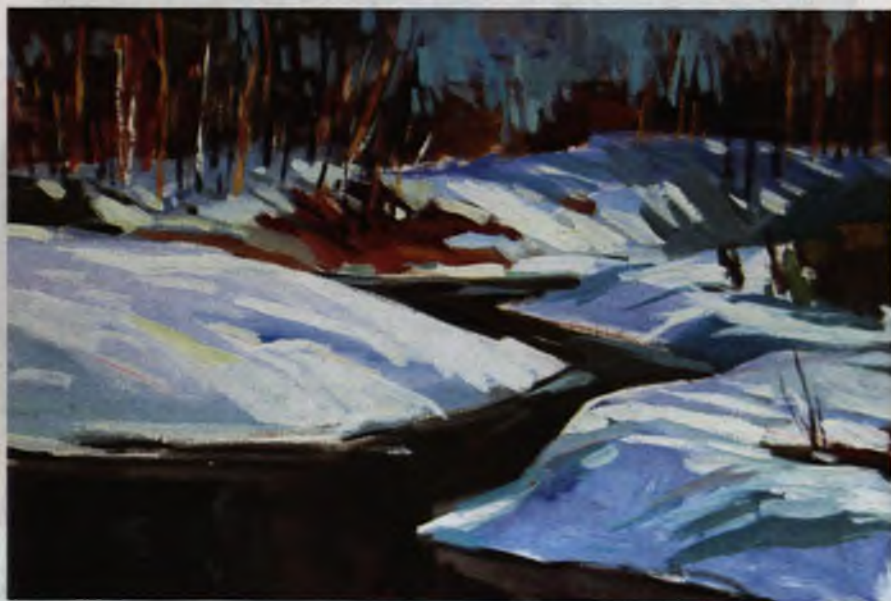
Натюрморт. 2001 г.

Осенний этюд. 2000 г.

Ручей. 1998 г.

Излучина. 2000 г.

Уходящая старина. 2004 г.

Банька. 1998 г.

Сверху вниз: *Отдых*. 2000 г. *Сумерки*. 2003 г. *Старый Вартовск*.

ЗОРИ САМОТЛОРА № 13, 2015 г.

ГОРОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Главный редактор Альбина Кузьмина

Верстка: Евгений Мелентьев

Дизайн Альберт Вахитов

Материалы от авторов принимаются в электронном и печатном виде. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнения авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на альманах обязательна.

BIS NIZHNEVARTOVSK

5026441060

Подписано в печать 27.07.2015 г.
Формат 70x108/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Petersburg. Усл. п. л. 16,8.
Тираж 200 экз. Заказ № 1786

Отпечатано в ОАО «Тюменский издательский дом»
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6

Редакционная коллегия выражает благодарность
Ханты-Мансийскому банку за содействие в издании
литературно-художественного альманаха
«Зори Самотлора»

Подготовил: Светлов О.

С юбилеем!

Николай КУРАЧ

Член Союза дизайнеров России, Лауреат премии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера», Заслуженный деятель культуры ХМАО-Югры, заместитель директора Детской школы искусств № 2, г. Нижневартовск

